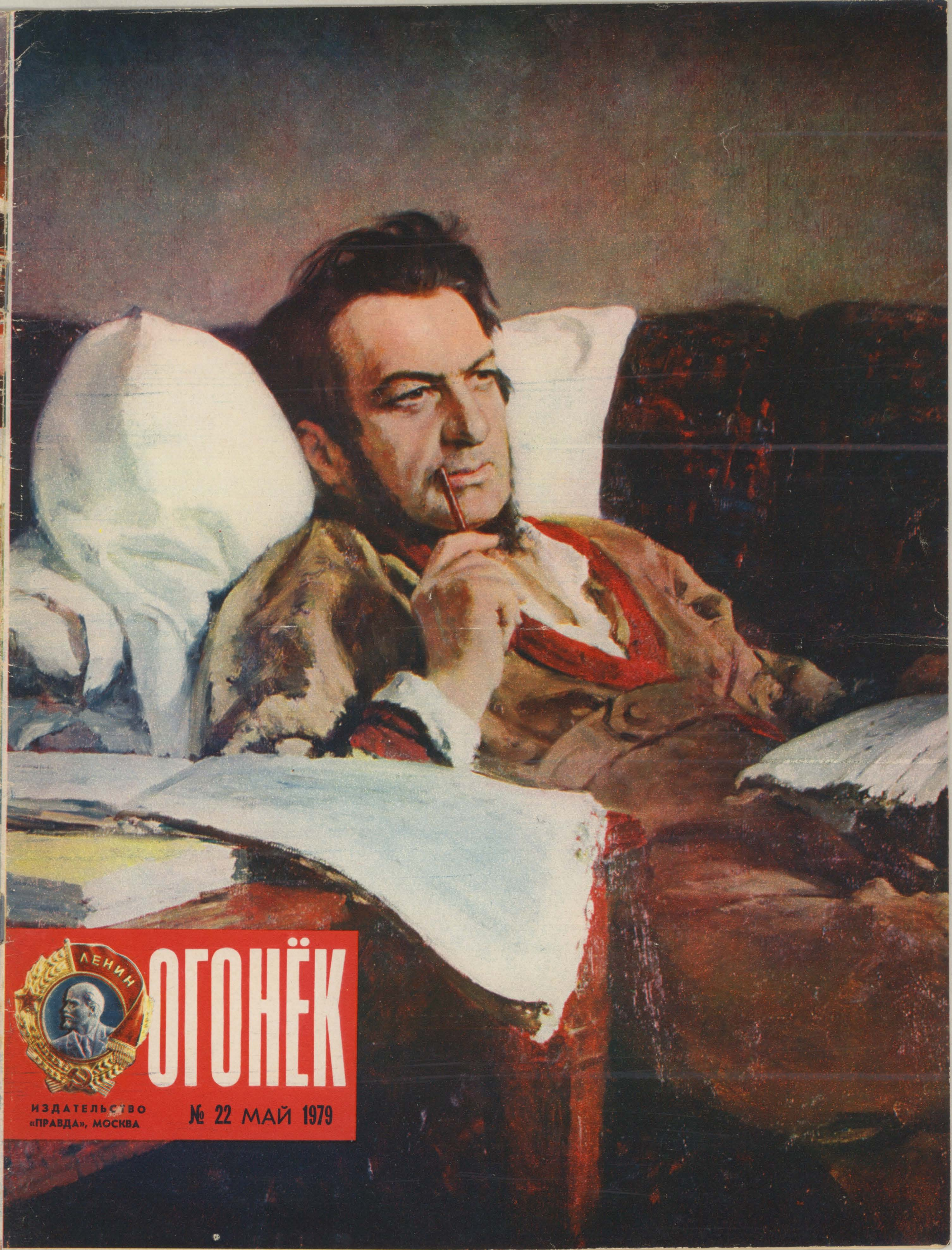

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 22 МАЙ 1979

С ДРУЖЕСТВЕН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 22 (2707)

26 МАЯ 1979

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1979

17—18 мая в Кремле проходили переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Президентом СФРЮ, Председателем СКЮ И. Броз Тито, находившимся в Советском Союзе по приглашению Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР с дружественным визитом и для кратковременного отдыха. В переговорах приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член Президиума ЦК СКЮ С. Доланц, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ И. Врховец.

Обсуждая состояние и перспективы развития советско-югославских отношений, Л. И. Брежнев и И. Броз Тито подчеркнули, что коренным интересам Советского Союза и Югославии, народов обеих стран отвечает обогащение взаимных связей в политике, экономике, науке, культуре и других областях.

Обе стороны уделили особое внимание проблеме разоружения — одной из самых жгучих задач современности. Они считают необходимым наращивать усилия в интересах свертывания гонки вооружений и перехода к реальному разоружению и в этой связи высказались в поддержку всех конструктивных инициатив, в частности решений спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, направленных на решение этой задачи. Л. И. Брежнев и И. Броз Тито выразили уверенность, что этому будет способствовать заключение нового советско-американского договора по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито пригласил Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева посетить СФРЮ с официальным дружественным визитом. Приглашение было принято с удовлетворением.

Переговоры Л. И. Брежнева и И. Броз Тито прошли в дружественной откровенной атмосфере и в духе взаимного уважения.

21 мая Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито отбыл на родину.

На Внуковском аэродроме И. Броз Тито провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и другие официальные лица.

Перед началом переговоров.

Фото А. Пахомова

НЫМ ВИЗИТОМ

Проводы на аэродроме.

Фото А. Гостева

НАСТАВНИК В

Принятое недавно постановление ЦК нашей партии «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» большое внимание уделяет морально-политическому климату в производственных коллективах, дисциплине, условиям труда и быта. В постановлении говорится, что «при подведении итогов соревнования обязательно учитывать не только производственные показатели, но и состояние воспитательной работы», подчеркивается важность создания атмосферы принципиальности, товарищеской требовательности и внимания к каждому человеку. Немало здесь могут сделать наставники, которые не только вводят молодых рабочих в коллектив, не только обучают их профессиональному мастерству, но и передают новичкам нравственный опыт коллектива.

Наш корреспондент Виктор Пронин побывал на московском заводе «Калибр», известном и своей продукцией и давними традициями в воспитании рабочей смены. В инструментальном цехе завода состоялся разговор, в котором приняли участие секретарь парторганизации Владимир Петрович Мельничук, председатель цехового комитета профсоюза Василий Тихонович Шмаков и один из лучших мастеров своего дела, инструментальщик Олег Алексеевич Зудин. Речь шла о наставничестве, о подготовке молодых рабочих, об «усилении политической, трудовой и нравственной закалки юношей и девушек», как об этом говорится в постановлении.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Василий Тихонович, вы работаете в инструментальном цехе завода с 1937 года... То есть можно сказать, что последние сорок лет предприятия прошли на ваших глазах, при вас не один раз сменился коллектив завода... Скажите, если сравнить новичков, пришедших двадцать лет назад, и новичков этого года — есть между ними разница?

В. Шмаков. Раньше ребята были менее образованны, менее подготовлены. Но у них было и меньше претензий. С большой готовностью они выполняли подсобную работу, даже ту, которая не входила в их прямые обязанности. С нынешними в этом смысле сложнее, они настроены сразу брать быка за рога, хотя нередко подготовлены для серьезной работы ничуть не лучше новичков 1959 или 1949 года. Но это нас не смущает, все-таки главным, как и прежде, остается отношение к делу, к коллективу. Что у тебя за душой — в этом главное! Остальное приложится. Вот сидит на меня смотрит, улыбается Олег Зудин — он пришел к нам как раз без малого двадцать лет назад. Ему было тогда четырнадцать лет. Случай уникальный, но так уж сложились семейные обстоятельства, что оказался он на заводе в таком возрасте. Мечтал стать художником да и стал им, но несколько в ином смысле слова. Таких мастеров на заводе немного, есть работы, которые может выполнить только он. В прошлом году Олег блестяще выступил на международном конкурсе молодых слесарей-инструментальщиков, получил высший разряд, признан лучшим по министерству. А какая у него вначале была подготовка? Да никакой. Но ему понравилась работа, и это все решило. До чего доходило — мы выполняли срочный, важный заказ, приходилось оставаться после работы, так он чуть не со слезами просил разрешения оставаться в цехе вместе со всеми. А теперь сам наставник.

О. Зудин. Здесь надо внести уточнение — у нас большинство или наставники, или подопечные. Да, я сейчас наставник, у меня есть подопечный. И еще один, Сережка Янов, служит в армии, письма пишет, уже место заказывает на участке. В свое время моим наставником был Владимир Петрович Мельничук, у меня и поныне к нему сыновнее отношение. Но и он тоже подопечный! Его наставник — старейший член нашей бригады Алексей Акимович Караваев, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Мы все повзрослели, стали знатоками своего дела, других учим, но вот это отношение к старшим, признание за ними права посоветовать, предостеречь — это право за ними признается и сохраняется.

Дело не только в том, что наставник дал дельный совет, выручил в каких-то житейских трудностях. Гораздо большее значение, как мне кажется, имеет сама атмосфера доброжелательства в цехе. В случае срыва, неудачи многие люди в цехе искренне готовы тебе помочь. До сих пор мой наставник, вернее, тот, кто когда-то был наставником, следит не только за моей работой, жизнью, но и за моими подопечными, близко к сердцу принимает, если кто из них как-то оплошает. И получается, что я тоже их успехами или неудачами отчитываюсь перед Владимиром Петровичем.

В. Мельничук. Пришел к нам как-то парень. Он уже где-то поработал и усвоил тамошние нормы поведения, общения. У него была довольно распространенная ныне манера — он с полным уважением, даже с подобострастием относился к замечаниям начальства, выполняя исправно все указания, предписания, инструкции. Но однажды ему сделал какое-то замечание пожилой рабочий, и он так грубо, цинично оборвал его, что мы все просто онемели. И замечание-то дельное было, по работе. Но нет, не принял. Гонор у него оказался не по росту. Он не признавал за старшими права судить о нем, делать замечания. Но ведь если свести все взаимоотношения в коллективе только к приказам и подчинению — о каком товариществе, доброжелательстве может идти речь? Но что дальше было! В обеденный перерыв подхожу я к нему, так, мол, и так, надо бы извиниться. А он спрашивает: «А перед кем?» Представляете? Он настолько привык к таким вот искаженным, ненормальным отношениям в прежнем коллективе, что даже не заметил собственной выходки!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, хорошо, вот пришел новичок — то ли после школы, то ли после училища... Как складываются его отношения с коллективом?

В. Шмаков. Отношения начинают складываться сразу же, как только парень переступил порог цеха. К нему тут же прикрепляется наставник. То есть с первых же дней у паренька есть к кому обратиться с самыми различными вопросами, просьбами. Тут что надо учитывать — человек, приходя на новое место работы, неизбежно рвет какие-то прежние связи. В его жизнь входят новые люди, новые требования, новые оценки. Его интересы, хочет он того или нет, подчиняются интересам нового для него окружения. И у всех это проходит безболезненно. Одни входят в коллектив легко, другие почитают чуть ли не за какое-то достоинство показать свою норовистость, капризность — они называют это самостоятельностью. И вот именно в этот момент и нужно, чтобы рядом с пареньком был человек, который шефствует над ним не по доброте душевной, а который просто обязан помогать новичку, обязан быть рядом с ним. Ведь разные бывают люди — один решится попросить о чем-то, другой промолчит, стерпит, обидится. Короче — как человека примут, таково будет и его отношение к коллективу. Много раз мы убеждались, что именно первые дни, недели определяют положение рабочего в цехе на годы вперед. Может расти его профессиональное мастерство, опыт, образование, но взаимоотношение с товарищами начинается с того самого момента, когда парнишка переступает порог цеха. Именно этот период более всего удобен, чтобы ввести его в коллектив, сделать единомышленником, заинтересовать общим делом.

О. Зудин. Помню, пришел как-то к нам выпускник профессионально-технического училища. Глянул на него, и сердце дрогнуло: как пить дать определят его ко мне. Так и получилось — стал я его наставником. Работаем рядом. Волосы у парнишки по плечам плещутся, на пальце кольцо такое, что руку долго на весу не удержишь, ноготь на мизинце холеный, отточенный, сантиметра два длиной. Я почему привожу все эти внешние детали — они ведь не просто сами по себе существуют, все поведение парня направлено на подтверждение его права выглядеть вот так, вызывающе, из ряда вон. Сказать ему прямо, что думаешь об этом маскараде, о том, что все это уместнее на эстраде, нежели у станка,— обидится, отшатнется. Самолюбия таким не занимать, достоинство обострено, сам он напряжен. Ведь понимает, что здесь он как белая ворона, и, конечно, готов тут же отстаивать себя, просто момент ловит, чтобы ответить на насмешку истинную или мнимую! Тут, скажу я вам, покрутишься, прежде чем общий язык найдешь, заставишь доверять себе. Для начала я рассказал ему историю о том, как вот такой же парень однажды сунул свои кудри в станок — у него клок и вырвало вместе с кожей. Смотрю, на следующий день приходит с волосами малость покороче. Спрашиваю: перстенек сам делал? Уважительно спрашиваю. «Что вы! — говорит.— Ребята, дескать, с трудом достали». Повертел я перстенек в руках, возвращаю. «Так себе работа,— говорю.— У нас такая не проходит. Шлифовка, разметка — здесь детали на таком уровне наверняка забракуют». Смотрю, с понедельника без перстня начал ходить. Ну, значит, дело сдвинулось. Как-то идем по двору, а он сигаретку выкурил, положил бычок на палец и щелчком послал его подальше в сторону. Легко так, раскованно. «Не надо»,— говорю ему. «А что?» — спрашивает. «Понимаешь, аллея Героев здесь у нас, погибли ребята, не заслужили они, чтобы окурками в них бросали». Представляете, залился краской,— не видел я, чтоб люди вот так краснели.

В. Мельничук. Этот парнишка был, в сущности, хорошей, правильной закваски, а наносное с него быстро слетело. Сложнее бывает, когда попадется человек, уже сделавший в жизни какие-то свои, выгодные ему выводы. Участок у нас ответственный, готовим инструменты, штампы, пресс-формы для других цехов, поэтому качество продукции всего завода начинается в нашем цехе. А если человек относится к своему делу наплевательски, он у нас не задерживается. Не потому, что ему создают некие нетерпимые условия, нет, в этом просто нет надобности. Однако работать в коллективе и быть чужаком невозможно. Был как-то печальный случай — начал один инструментальщик частенько выпивать, на работе появлялся под хмельком и все с этакой бравадой — дескать, я рабочий человек, меня где угодно возьмут, и если я вам здесь не нравлюсь, попробуйте без меня перебиться. В общем, ушел. Проходит какое-то время — возвращается. Кается, просится. Ну, взяли парня. Через год опять какая-то шлея ему под хвост попала, опять ушел, со скандалом, с оскорблениями — такой уж человек, ничего не поделаешь. Проходит какое-то время, и он снова с покаянием является. Взяли. Теперь работает. Хорошо работает. Но молчит. Нет открытых, добрых отношений у него с ребя-

СЕГДА РЯДОМ

тами. Помнятся обиды, злые слова. К нему хорошо относятся, он тоже со всей душой, но молчит... А один вот тоже стал выпивать, тоже все козырял званием рабочего человека, мастерством, опытом. И ведь в самом деле золотые руки у человека были. А держался все время в стороне от коллектива — одно дело, дескать, вы, а я вроде другое дело, другого я качества. Где-то ему предложили больше денег, где-то еще что-то посулили... В общем, сейчас эти «золотые руки» на подсобных работах. Не то грузчиком в магазине, не то на стройплощадке работает парень. Невеселая история. Такие редко бывают, гораздо чаще люди уходят из нашего цеха с почетом: и в руководстве завода и в руководстве других цехов немало выходцев из инструментального. Главный инженер, его заместитель, начальники некоторых цехов — наши все люди. Все правильно, ведь на «Калибре» наставничество зародилось в нашем цехе.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Скажите, а с чего начинаются отношения наставника и подопечного?

В. Мельничук. Администрация, наставник и его подопечный заключают тройственный договор. Мастер участка обязуется создавать условия для учебы подопечного, для повышения его квалификации, для учебы в школе. Наставник берет более конкретные обязательства по отношению к подопечному — освоить тот или иной станок, операцию, подготовить парня к очередному разряду. Сам подопечный тоже подписывает обязательство — освоить оборудование, окончить школу, поступить в техникум, институт... И этот тройственный договор фактически становится неким тройственным союзом.

О. Зудин. Был как-то случай с Сережкой Яновым... Прихожу к нему и говорю... Так, мол, и так, старик, был в парткоме, снимали с меня стружку. «За что?» — спрашивает. «Ну как же, оказывается, ты уже месяц в школу не ходишь». «Ну и что?» — удивляется. «А то, что первого места нам с тобой не видать, теперь на цеховом собрании будут песочить. Давай, говорю, старик, выручай!» Потом мать его пришла, с ней потолковали. Мы обычно хорошо знаем родителей своих подопечных. Это всегда на пользу и позволяет избежать неловких положений... В постановлении ЦК партии очень правильно сказано о связи семьи, школы, общественности. По себе знаю: как только познакомишься с родителями, с учителями, сразу другой разговор. И дело не в том, что ты офлажковал парня, окружил его своей бдительностью со всех сторон, нет. Ты вошел в круг его близких, многое знаешь о нем, представляешь его образ жизни, его интересы! И у него к тебе больше доверия, ты становишься своим человеком, а не чужим дядей, который изводит правильными и нудными словами.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И что же, окончил Сережка школу?

О. Зудин. Конечно! На заводском конкурсе слесарей его отметили как лучшего. Когда провожали в армию, подарок ему от всего участка вручили. Недавно снимки свои армейские присылал... А ведь сначала неважно у парня дела складывались, был момент, когда он на распутье стоял. «Красивой жизнью» дружки соблазняли: пластинки, этикетки, бутылки, этакая многозначительная истома... А потом наступил момент, когда он вдруг увидел, что дружки-то не того класса обработки — пониже малость, интересы у них пожиже, система отсчета невысокого пошиба... Ну, постонали над пластинками, ну, зелья какого-то заморского хлебнули, ну, на улице хохотнули кому-то вслед — и это все! Все! Серега сам удивился своему открытию, представляете! Он уже к тому времени другое вкусил, нашу систему отсчета усвоил: давай работу на стол, и будем говорить, что ты за человек и какова тебе цена.

В. Мельничук. Здесь важно еще не превратиться в этаких добреньких дядей, которые только тем и озабочены, чтобы понравиться новичку, чтобы избавить его от хлопот, позаботиться о его разряде, заработке. Лучше всего принять человека на равных. Да, он меньше знает, у него нет сноровки, опыта, но как человек со своим мнением, достоинством, ответственностью, он должен быть со всеми на равных. Чтобы сразу понял — школа кончилась, началась большая, взрослая, самостоятельная жизнь. Но если беда — надо помогать. Поработал у нас один парень с месяц. И вдруг — забрали в милицию. Он и сейчас под следствием. Хулиганство, драка... В общем, светит ему кое-что. Мы собрались — как быть? Вроде и нет еще у нас прав брать на себя ответственность, ручаться, но нет и морального права в сторону уйти. Решили направить на суд общественного обвинителя. Не для того, чтобы клеймил его на суде, это и без нас сделают. Но и не для выгораживания — это нам тоже не к лицу. Направили как представителя рабочего коллектива, чтобы и наше мнение было учтено. А мнение таково — парень молодой, сорвался первый раз. Не беспризорный, из рабочего коллектива парень, так что если суд сочтет возможным оставить человека на свободе, мы присмотрим за ним, поможем, приструним в конце концов... У нас ведь как из цеха уходят — или на пенсию, или в армию. Кто в армию ушел — большинство возвращается, свыше семидесяти процентов. Это тоже кое о чем говорит.

В. Шмаков. Не забыть сказать вот еще что... Важна сама форма воспитания, делом надо на человека влиять, примером, своим собственным отношением к коллективу, к результатам общего труда. Взаимоотношения должны быть такими, чтобы человек, повариившись среди людей, обрел бы некую нравственную закалку, уважение к той работе, которую выполняет. А остальное приложится. Поручили дело — сделай, да так, чтоб ахнули! Тот же Янов! Выступил на заводском конкурсе, блеснул мастерством, показал себя. После этого он еще больше уважать станет свое дело, свое мастерство. Пренебрежения к себе не потерпит. Рабочая гордость в человеке просыпается.

О. Зудин. Если уж говорить о форме воспитания, то я опять за свое — о бригадном подряде. В постановлении ЦК партии четко сказано о том, что нужно полнее использовать воспитательные возможности соревнования, прогрессивных форм организации труда. А бригадный подряд, когда коллектив берет заказ и сдает готовую продукцию, отвечает за ее качество, за сроки исполнения, за техническое решение, когда каждый член бригады делает свое дело, когда он знает, что от его усилий зависит успех, престиж, заработок всего коллектива,— это воспитывает уважение и к товарищам и к своему труду. И я думаю, Владимир Петрович, надо жестче ставить вопрос об организации бригадного подряда на нашем участке. А сегодня ответственность распыляется, мастерство мое или ваше тоже распыляется. Это неправильно. Я готов отвечать за свою работу, более того, готов отвечать за работу всей бригады. А пока, вкладывая в работу все свое умение, душу, мы не получаем морального удовлетворения, потому что из-за чьей-то небрежности на каком-то этапе конечная продукция может получиться посредственного качества.

В. Мельничук. Ну что ж, идея подана, даже обсуждена, будем пробивать. Думаю, нас поддержат,

Владимир Петрович Мельничук, Олег Алексеевич Зудин и Василий Тихонович Шмаков — наставники завода «Калибр».

Фото Л. Шерстенникова

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

КОМБИНАТ В ВЕРХОВЬЯХ ДОНА

Полвека назад в тульскую деревушку Засецкую, там, где начинается тихий Дон, пришли люди. Началось строительство Бобриковского химкомбината.

Лопатой и киркой, грабаркой и тачкой — возвели! Вот кадры кинохроники: 23 декабря 1933 года. Снег крупными хлопьями падает на плечи заполнивших площадь, на солдатскую шинель Серго Орджоникидзе, произносящего речь. Незабываемый день! Родился гигант отечественной химии.

И вот война... Отважно сражались химики. Один из них, Сергей Александрович Кукунин, повторил подвиг Александра Матросова. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре после битвы под Москвой начались восстановительные работы. Среди обгорелых развалин трудились старики, женщины, подростки. В цехах без крыш пылали костры. Жили, работали: «Все для фронта, все для победы!»

Когда пришла победа, началось второе рождение предприятия. Химический комбинат приобретал современные черты. В конце пятидесятых цехи стали переводить на природное сырье — газ. Это было равнозначно строительству нового предприятия.

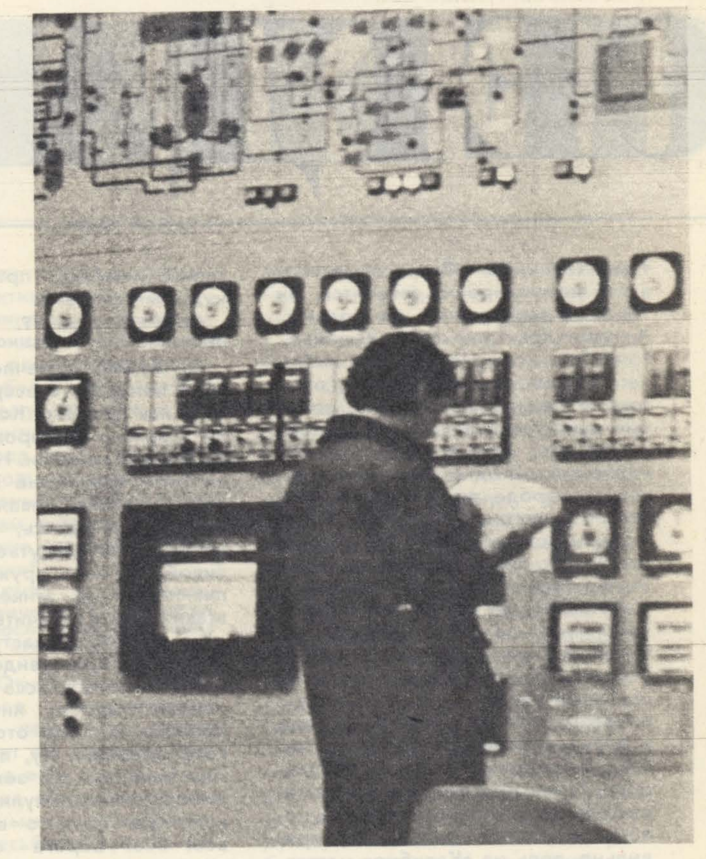
Успех дела решили люди — самоотверженные, быстро овладевающие новой технологией. Назовем двоих: первостроитель комбината Герой Социалистического Труда Алексей Денисович Бережной и бывший директор Степан Васильевич Садовский.

Прошло тридцать лет. Родилась новая отрасль химической промышленности — органический синтез. Изменился уровень технической оснащенности цехов. Много теперь здесь нового. Идет освоение мощных компактных агрегатов, производящих аммиак, минеральные удобрения, азотную кислоту. Внедряются сложнейшие автоматические системы, ЭВМ. Неизменными остались только славные традиции. Именами героев названы улицы молодого города Новомосковска. Передовикам вручаются премии С. А. Кукунина, А. Д. Бережного, С. В. Садовского.

Г. АЙТУГАНОВ,
слесарь объединения «Азот»

На снимке: центральный пульт управления одного из цехов.

Фото Э. Пельцера

2

МОСКВА

ПОЗНАВАЯ ТАЙНЫ ПРИРОДЫ

Обычный класс обычной московской школы. Увлеченные лица ребят. В глазах интерес и радость, которые всегда возникают при встрече с новым. А на столах — камни: идет занятие школьного геологического кружка...

Десять лет назад был создан факультативный геологический кружок при палеонтологической секции Московского общества испытателей природы. В первые годы он работал в школе № 60. А началось все с того, что палеонтолога А. А. Эрлангера попросили провести беседу с ребятами. Затем вторую, третью... Стали приходить ученики из других школ. Антон Александрович позвал коллег из Института геологии АН СССР. Школьники с удовольствием слушали лекции по минералогии, палеонтологии. А летом поехали на полевые занятия в Подмосковье.

Несколько лет назад тогдашняя девятиклассница Лена Тюлина нашла во время полевого занятия палеонтологическую редкость — окаменевшую морскую лилию. Находка удивила даже специалистов. А вскоре приехавшая на это же место научная экспедиция откопала огромный монолит в 9 тонн весом, в котором было около ста подобных лилий. Так школьница помогла ученым.

Идут годы, кружок продолжает работать. Только теперь он перебрался в школу № 38. На занятия собираются 70 ребят со всех концов Москвы и даже из Подмосковья.

Посещают кружок не только десятиклассники, но и ученики младших классов. Юный возраст — не препятствие для тех, кто хочет познавать тайны природы. Особенно любят ребята полевые занятия. А. А. Эрлангер много раз возил их в богатые редкими минералами места Подмосковья: в Русавкино, Гжель, Мячково. Лучшие камни, собранные школьниками, недавно демонстрировались на выставке «Удивительное в камне». Экспонатам кружка был отведен целый зал.

А. СТЫКАЛИН

На снимке: А. А. Эрлангер ведет занятия кружка.

Фото Г. Копосова

3

КАМЧАТКА

ЕЩЕ ОДНО ЧУДО СВЕТА

Множество достопримечательностей не без оснований претендует на роль очередного чуда света. Среди них наша камчатская Долина гейзеров, впервые увиденная в апреле 1941 года научным сотрудником Кроноцкого заповедника Т. И. Устиновой и наблюдателем А. П. Крупениковым.

Казалось бы, давно позади эпоха географических открытий — и вдруг такой феномен! Ведь до этой «встречи» на земле числилось не так уж много гейзеров.

Вот как описывает открытие долины Т. И. Устинова: «Выбившись из сил, мы присели отдохнуть... И тут неожиданно из небольшой проталины на противоположном берегу прямо в нас ударила струя горячей воды. Клубы пара поднимались вверх к краям ущелья. Ошеломленные, мы с испугом смотрели на это невиданное извержение, не зная, как спасаться... Извержение и грохот закончились так же внезапно, как начались. Над площадкой постоял с минуту столб пара, затем исчез. Стало тихо и спокойно, как будто ничего и не было. Прошло несколько минут, и меня осенило: ведь это гейзер! Гейзер, которого до сих пор никто никогда не видел на Камчатке».

Сейчас увидеть Долину гейзеров тоже непросто. Ущелье, в котором действуют два десятка горячих источников, гремит водопад и катят воды реки Шумная и Гейзерная, труднодоступно. Пробиваются в долину одиночки, кому повезет с попутным вертолетом. Мне повезло, и я с удовольствием делюсь впечатлениями от свидания с Долиной гейзеров — еще одним чудом света...

В. АНИКЕЕВ,
фото автора

2

5

6

РОВНО

КИБЕРНЕТИКА И НЕФТЬ

Через сотни километров тянутся серебристые нитки трубопроводов, по которым днем и ночью, в жару и в мороз течет вязкая темно-бурая нефть. Она движется от берегов Волги, пересекая белорусские поля, Карпатские горы и речушки, подымаясь на полонины.

Перекачка нефти — трудное дело. Она идет под определенным давлением, величина которого сложнейшим образом меняется на протяжении трассы. Необходимо очень точно и своевременно выбирать режим перекачки. Поэтому и возникла задача — создать здесь автоматизированную систему управления технологическим процессом (АСУТП). Этот комплекс был успешно спроектирован и внедрен киевским ордена Ленина Институтом кибернетики Академии наук УССР в тесном сотрудничестве со специалистами Управления магистральных нефтепроводов «Дружба» и киевским проектным институтом «Южгипротрубопровод».

Сегодня системой управляют всего несколько операторов и диспетчер. В их распоряжении специальные телеэкраны, современные средства связи, сбора и обработки информации. Теперь, если где-то возник перепад, создалась аварийная ситуация, решение принимается в считанные секунды. А ведь эта система управляет десятками насосных станций, резервуарными парками, расположенными на пути в тысячи километров! Этот первый в стране опытный объект по транспортировке сырой нефти — нефтепровод «Дружба» на участке Мозырь — Броды — Ужгород, управляемый автоматизированной системой, действует успешно. Подсчитан и годовой экономический эффект — около 800 тысяч рублей.

— Сейчас особенно остро стоит задача автоматизированного управления магистральными нефтепроводами. Наш институт уже сегодня решает эту проблему совместно с Министерством нефтяной промышленности СССР,— рассказывает директор Института кибернетики АН УССР, академик Виктор Михайлович Глушков.— Государственной комиссией с высокой оценкой принята система управления для ряда важных нефтепроводов страны. Задачи, которые здесь преследуются, состоят, во-первых, в согласованном управлении задвижками насосных станций, что обеспечивает максимальную пропускную способность нефтепроводов и защищает магистраль от гидравлических ударов; а во-вторых, равномерно происходит процесс смешения сырой нефти, поступающей из различных месторождений. 4

Виктор ЛУПАНДИН

На снимке: главный инженер Ровенского управления нефтепровода «Дружба» Любомир Буняк (в центре) и сотрудники СКБ математических машин и систем Института кибернетики АН УССР заведующий сектором Евгений Поздняков и руководитель отделения, кандидат технических наук Дмитрий Караченец обсуждают результаты работы.

Фото В. ГАЛЬЧЕНКО

МОЛДАВИЯ

ЛЕУШЕНЫ — ОЛИМПИЙСКОЕ СЕЛО

Тысячи иностранных туристов, переезжая реку Прут, попадают в старинное молдавское село Леушены. Их встречают белые черепичные крыши, утопающие в зелени виноградников дома, люди в ярких молдавских костюмах, звучные песни...

Село хорошеет не по дням, а по часам. Утром, проезжая по центральной улице, я видел, как строители готовились выравнивать дорогу, а к вечеру уже все было готово.

О темпах строительства в Леушенах можно судить по таким фактам. Только за годы, прошедшие от выборов до выборов в Верховный Совет СССР, здесь построены новая школа, современный Дом культуры, жилые дома, почтамт, несколько магазинов и многое другое. 5

Сейчас жители села уделяют особенное внимание благоустройству улиц и жилищ. Ведь им первым в стране предстоит принимать олимпийский огонь, который, «пройдя» дорогами Греции, Болгарии, Румынии, устремится вскоре к Москве — столице Олимпиады-80.

В. ЗАСЕЕВ

На снимке: новый Дом культуры в Леушенах.

Фото автора

МОСКВА

ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

На днях в Москве были названы победители всесоюзной олимпиады по русскому языку иностранных учащихся, обучающихся в СССР.

Планировали, что будет 50 чемпионов. Оказалось — пятьдесят два! А что могли сделать члены жюри, когда на их столы легли сочинения — интересные, грамотные, а эрудицию студентов, приехавших в СССР на учебу, подтвердил конкурс «Знаешь ли ты Советский Союз?».

60 тысяч иностранных студентов приняли участие во всесоюзной олимпиаде. На первом месте — вьетнамцы. Среди чемпионов их шесть человек. На втором — студенты Болгарии: пятеро. Четверо ребят из Монголии. В числе победителей студенты 35 стран: из Алжира и ГДР, Ганы и Польши, Венгрии, Португалии, Республики Острова Зеленого Мыса, Зимбабве, Чехословакии...

Олимпиада закрыта. Слово председателю Оргкомитета Валентину Ивановичу Ильченко:

— Учтите, пожалуйста, что наше состязание дало не только возможность каждому ее участнику проявить свои знания русского языка в различных формах. Олимпиада по русскому языку стала праздником дружбы молодежи всех стран, обучающейся у нас, праздником великого русского языка. Студенты показали глубокие знания марксистско-ленинской теории, свободное владение историческим и политическим материалом.

...Двое иностранцев гуляли на Ленинских горах. И весело говорили о чем-то. Говорили по-русски. Отметив это, я подошел к ним и познакомился. Йозеф Панцек из ЧССР и Петер Райх из ГДР — оба учатся в Москве.

— Как дела, ребята? 6

— По-разному,— ответил Петер.— Йозеф, мой друг, стал лауреатом олимпиады, а я нет. Я на сочинении срезался. Русская грамматика, знаете ли...

— Ну, а какой язык труднее: русский, чешский или немецкий?

— Труднее, конечно, тот, которого ты не знаешь,— смеется Йозеф.— Я раньше не знал ни русского, ни немецкого. Теперь знаю. Просто надо работать, чтобы их изучить. Зато с каждым днем эта работа становится все интересней...

М. СЕРДЮКОВ

На снимке: во время сочинения.

Фото автора

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

Наш взгляд

КОМУ НУЖЕН МИФ О «СОВЕТСКОЙ УГРОЗЕ»

Юрий КОРНИЛОВ

Советский Союз, верный принципиальной ленинской политике мира, последовательно и настойчиво ведет линию на смягчение международной напряженности, на обуздание захлестнувшей мир гонки вооружений. Но чем активнее и острее развертывается борьба за упрочение мира и безопасности народов, тем ожесточеннее противодействуют позитивным сдвигам и переменам определенные империалистические и реакционные круги, недруги разрядки. Один из главных методов, которыми они действуют,— попытки оклеветать Советский Союз и его политику, эксплуатация лжи о так называемой советской угрозе.

Вымыслы о «советской угрозе» — дело не новое. О ней разглагольствовал еще британский премьер Чемберлен, заключая в Мюнхене сделку с Гитлером в расчете обратить его агрессивные устремления против Советского Союза. Криками о «советской угрозе» прикрывались нацисты, совершая разбойничье нападение на СССР. На нее ссылались и те, кто создавал военный блок НАТО, и те, кто в свое время провозглашал на Западе направленную против СССР политику «на грани войны».

И вот ныне, когда тенденции к разрядке становятся все прочнее, пугало «советской угрозы» вновь пущено в ход! На фабрикацию вымыслов об этой несуществующей «угрозе» брошен гигантский аппарат буржуазных средств массовой информации, той же цели во многом подчинена и деятельность ЦРУ, других западных спецслужб, различных подрывных центров, вроде американского «комитета по существующей опасности», под крышей которого свили гнездо самые оголтелые «ястребы». Заигранная пропагандистская пластинка о «коварстве Москвы», которая, дескать, то планирует «военный прыжок» на равнины Западной Европы, то вынашивает «экспансионистские замыслы» в отношении стран Азии и Африки, активно проигрывается во всех случаях, когда нужно протащить более высокий военный бюджет, дать «зеленый свет» новым видам смертоносного оружия, оправдать агрессивную деятельность НАТО. Этот же мотив пускается в оборот и тогда, когда возникает реальная перспектива смягчения напряженности, перспектива продвижения вперед в деле обуздания гонки вооружений. Последний пример на этот счет хорошо известен: не успела мировая печать сообщить о предстоящем в середине июня в Вене подписании советско-американского договора ОСВ-2, как определенные круги в США предприняли яростные наскоки на этот договор, стращая американского обывателя тем, что он-де «выгоден только одной стороне — Советскому Союзу», что Москва, мол, намерена «добиться односторонних военных преимуществ» и т. п.

Утверждения западной и пекинской пропаганды о «советской угрозе», об «агрессивности Москвы» — ложь от начала до конца, причем ложь злонамеренная. Советскому Союзу война не нужна, он никому не угрожает, ни на кого не собирается нападать, он видит в разрядке, в разоружении путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства. Хорошо известно, что именно наша страна — один из главных инициаторов и активных участников всех акций по укреплению мира и развитию мирного сотрудничества в Европе и за ее пределами. Хорошо известно и то, что Советский Союз — в отличие, скажем, от США и ряда других государств НАТО — не увеличивает свой военный бюджет, а неуклонно наращивает ассигнования на повышение благосостояния народа.

Те круги на Западе, которые стремятся извратить миролюбивую внешнюю политику СССР, лицемерно пытаются выставить самих себя чуть ли не в роли «миролюбцев». Вполне очевидно, однако, что, коль скоро эти господа действительно были бы озабочены проблемами безопасности народов, им отнюдь не было бы нужды предпринимать дальние экскурсы в поисках несуществующей «советской угрозы»,— угрозу миру, причем не мифическую, а вполне реальную, без труда можно обнаружить по совсем иным адресам. Не составляет, например, секрета, что военные затраты стран — членов НАТО за период с 1949 по 1977 год достигли астрономической суммы в 2,4 триллиона долларов и продолжают неуклонно возрастать. Не составляет секрета и то, что именно империалистические круги этих стран, выражающие устремления могущественного военно-промышленного комплекса и не заинтересованные в разрядке, упорно противодействуют любым шагам в области разоружения, цепляются за обанкротившуюся политику «с позиции силы». По данным института Брукингса, американские вооруженные силы использовались для поддержки политических целей правительства США ни много ни мало — 215 раз! Серьезную опасность для мира представляет авантюристическая политика пекинских гегемонистов — агрессивная сущность этой политики до конца обнажилась после бандитского, беспримерного по цинизму нападения Пекина на суверенный социалистический Вьетнам.

Нет, не вяжутся концы с концами у сочинителей злонамеренных вымыслов о мифической «советской угрозе»! И если тем не менее империалистические круги Запада продолжают упорно внедрять в сознание людей легенду о том, будто Советский Союз стремится добиться военного превосходства, дабы затем ринуться на благодушно настроенный, якобы слабо вооруженный и не проявляющий тревоги остальной мир,— это нельзя расценить иначе, как попытку оклеветать СССР, посеять недоверие и враждебность между странами и народами и, создав опасную напряженность, протолкнуть новые военные программы, взвинтить гонку вооружений. Под прикрытием этой злонамеренной шумихи «золотые галуны» Пентагона и НАТО и смыкающиеся с ними пекинские милитаристы стремятся вернуть мир во вчерашний день, ко временам «холодной войны».

«Приписывание Советскому Союзу каких-то коварных замыслов в Европе, Африке, на Ближнем Востоке или в отношении Соединенных Штатов — не более чем недостойный прием политической борьбы,— указывает Л. И. Брежнев.— К фактам это никакого отношения не имеет». Факты же состоят в том, что Советский Союз преисполнен решимости и впредь, недругам разрядки вопреки, целеустремленно вести линию на упрочение мира. Эту политику горячо поддерживают миллионы людей доброй воли во всех уголках земли, и извратить, очернить ее не удастся никаким клеветникам, будь то натовские «ястребы» или китайские гегемонисты. Ладонью солнца не закроешь!

ИДЕМ В РАБОЧИЙ КЛАСС

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото Г. КОПОСОВА

«Все работы хороши, выбирай на вкус!» Кому не известны эти слова В. В. Маяковского?! Но как выбирать, если все они действительно хороши, ведь работ-то, или, как говорят, профессий, многие сотни? Давным-давно ушли в прошлое времена, когда сын, как правило, шел на тот же завод, где работал отец. Такие случаи, конечно, встречаются и сейчас — мы знаем целые рабочие династии, но это явление отнюдь не типичное.

Так как же семнадцатилетнему пареньку выбрать профессию? Кто поможет? Кто подскажет? На автомобильном заводе имени Ленинского комсомола решили не подсказывать, а... показывать. Уже много лет каждую весну здесь проводится день открытых дверей. Приходят сюда, как правило, ребята из близлежащих школ Люблинского и Волгоградского

Интересно рассказывает о заводе В. В. Санин.

районов. В прошлом году, например, в цехах, отделах и лабораториях побывало более трех тысяч школьников из сорока девяти школ, а в этом — еще больше. Два дня непрерывным потоком школа за школой, класс за классом шли на завод ребята. У проходной их встречали рабочие, наставники, инженеры, известные заводские спортсмены.

С одной из таких групп пришли и мы. Юношей и девушек из 494-й школы и 54-й школы-интерната взял под свою опеку один из старейших рабочих, мастер производственного обучения второго сборочного цеха В. В. Санин.

Увидеть, как рождается автомобиль, и взрослым интересно, а школьникам... Они как зачарованные шли вдоль конвейера и, не отрывая глаз, следили за тем, как пустой кузов обрастал всевозможными узлами и агрегатами, как появлялись удобные сиденья, как устанавливались различные приборы и датчики, как закреплялся двигатель, прилаживались колеса... И вот первые метры новенького, сверкающего краской и никелем «Москвича»: молодой водитель лихо вылетает за ворота и проверяет норов автомобиля. Кое-кому из ребят повезло: они были первыми пассажирами. Прокатили их с ветерком, с такими виражами и разворотами, что дух захватывает! Надо было видеть лица этих десятиклассников...

А потом школьников познакомили с ребятами, которые всего лишь год назад встали из-за парт и пришли на АЗЛК. Слесарь-сборщик Виктор Афонин — выпускник 467-й школы. Сейчас он комсорг первого участка и прекрасный специалист. Десятиклассники окружили Виктора, а он рассказывал, как интересно здесь работать, какой прекрасный на заводе стадион и Дворец спорта, как поощряют рабочих, которые учатся на вечерних и заочных факультетах, как часто приходят в цеха артисты, какие прекрасные бывают вечера отдыха...

Мы не спрашивали, кто из десятиклассников решил идти на завод: торопиться с этим нельзя, надо как следует подумать, посоветоваться с родителями (для них, кстати, в школах организуются специальные встречи с представителями администрации АЗЛК), но по их сияющим глазам можно было понять, что таких будет немало. В прошлом году на АЗЛК поступило 469 выпускников школ, и все — после таких дней открытых дверей.

Широкой вам дороги, ребята! Прекрасной дороги в рабочий класс!

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Судьбы юного поколения планеты, а значит, ее будущее, зависят от нас, взрослых. Чтобы всегда над детьми было солнце и ясное небо, чтобы всегда были безмятежными их улыбки, чтобы каждый получал полное и всестороннее образование — благородная цель Международного года ребенка.

МИР ВСТУПАЮЩИМ В ЖИЗНЬ

Фрида БРАУН (Австралия), лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», президент Международной демократической федерации женщин

В ноябре исполнится двадцать лет, как ООН приняла Декларацию прав ребенка. В ней говорится: «Человечество обязано дать ребенку лучшее, что оно имеет». Казалось бы, это так естественно: дети — наша радость, наше будущее! Но сегодня я могу сказать, что лишь в социалистических странах полностью выполняются все принципы Декларации. Здесь забота о подрастающем поколении возведена в ранг государственной политики. А в мире, как и двадцать лет назад, есть еще дети без детства, их еще надо защищать — от голода, эксплуатации, жестокости, равнодушия!

Международный год ребенка — это год объединенных действий самых широких кругов мировой общественности за претворение в жизнь принципов Декларации. Идея его проведения вызвала горячий отклик: национальные комитеты созданы в 128 странах. Они наметят конкретные меры, необходимые, чтобы улучшить положение своих юных сограждан, и представят их для выполнения своим правительствам. Больше трети населения Земли — дети. Как на деле осуществляются их права, расскажет специальный документ «Дети мира», который будет передан в ООН в конце года.

Каждую минуту на Земле рождается 500 новых ее граждан. 100 из них умирают, не дожив до года, от голода, холода, болезней, 200 лишены элементарных прав — на нормальное питание, образование и охрану здоровья. Свыше 50 миллионов детей подвергаются безжалостной эксплуатации. Даже в развитых странах 4 процента работающих — дети от 10 до 14 лет.

Целые поколения палестинских детей выросли без родителей и родного крова, зная только лагеря для беженцев.

Наша тревога и боль — дети Вьетнама. Не могу говорить об этом без сострадания и гнева. Подумайте, только американская агрессия оставила в стране 900 тысяч сирот! В год, когда международное сообщество призывает правительства всех стран позаботиться о счастье детей, Пекин развязал преступную войну, которая принесла новые страдания детям Вьетнама. Китайские солдаты убивали во Вьетнаме детей и женщин, уничтожали мирные дома, школы, больницы, ясли. Какой циничный вызов человечеству!

Некоторые деятели на Западе хотели бы рассматривать Международный год ребенка как некую благотворительно - развлекательную акцию для детей. Так считают те, кто боится признать бесспорный факт: борьба за счастливое детство — это прежде всего борьба за мир и социальный прогресс. Дети становятся первыми жертвами войн, расовой и социальной дискриминации. В том, какие условия предоставлены детям различных стран, находят свое отражение главные проблемы современности — политические, экономические, социальные. Самая жгучая, самая насущная из них, к которой вновь побуждает обратиться Год ребенка, — это борьба за мир и разоружение. На военные цели тратится ежедневно свыше миллиарда долларов. Это значит, что на каждого из 200 миллионов голодных детей можно было бы выделить более чем по 5 долларов в сутки!

ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВА

Даниэль РЕТЮРО (Франция), генеральный секретарь ФИЗЕ — Международной федерации профсоюзов работников просвещения

В наш век, когда люди осваивают космос, в мире около 800 миллионов неграмотных. Почти пятая часть населения Земли не держала в руках букваря! Речь не только о слаборазвитых государствах. Не умеют читать и писать 23 миллиона жителей США. Они лишены полноценного участия в жизни общества, возможности защитить свои права. Неграмотность — социальный порок.

Более чем в 40 странах до сих пор нет закона об обязательном образовании. Во всем мире свыше 100 миллионов детей школьного возраста еще не сидели за партой. Причины разные: не хватает школьных помещений, кадров, у родителей нет денег, они вынуждены посылать ребенка работать, а не учиться, но корень этого зла один: политическая ориентация общества. В подтверждение приведу пример Кубы, в прошлом тоже отсталой страны. Теперь всем ребятам там созданы условия для учебы.

Мой отец работал на химическом заводе в пригороде Парижа.

Родители понимали, что дать трем своим детям профессию — вопрос, от которого зависит наше будущее, и отказывали себе во всем. В этом смысле положение не изменилось и сейчас. У нас очень дороги книги, школьные завтраки и обеды. И многие семьи не в состоянии оплатить после начальных классов дальнейшее образование своих детей. Чтобы подготовить подростка к учебе, скажем, в техническом колледже, надо потратить сразу до 4 тысяч франков — на форму, учебные пособия, инструменты. А во Франции 4 миллиона человек получают в месяц меньше двух тысяч франков!

Детям из тех рабочих семей, где материальное положение лучше, капиталистическая система образования тоже не гарантирует равные с другими права. Дело в том, что она носит селекционный характер: это фильтр, задача которого — не пропустить выходцев из низших социальных слоев выше определенного уровня. Действие его мне пришлось испытать на себе. Мечтал изучать философию, литературу, но из-за дискриминационной практики, существующей при приеме в эти учебные заведения, смог получить лишь техническое образование. На него и ориентируют выходцев из рабочих семей.

Когда мы говорим о праве на образование, имеется в виду не только его доступность, но и его качество, содержание. Острая нехватка преподавателей ухудшает шансы детей на полноценное образование. Учебные программы сокращаются. Так в школьных классах отзывается эхо экономического кризиса, переживаемого капиталистическими странами. Возник уродливый парадокс: из-за сокращения ассигнований школам недостает специалистов, а дипломированные преподаватели обивают пороги в поисках работы.

Школа в капиталистическом мире — один из участков классовой борьбы. Насколько она остра, можно судить по тому, что за последние 12 лет во Франции было 9 реформ в области образования.

Совершенно другие проблемы решают наши коллеги из социалистических стран. Их опыт мне хорошо знаком: два года я живу в ГДР, в Берлине, где находится штаб-квартира ФИЗЕ. Бесспорно, высок общий уровень образования в странах социализма, оно доступно для каждого. Школа — зеркало социального строя.

Наша организация объединяет 16 миллионов человек из 53 стран. В Год ребенка ее усилия направлены на дальнейшую борьбу с неграмотностью, за демократизацию системы образования

Решение этих задач я не мыслю без широкого движения за мир, за разоружение. Пусть строится больше школ, а не полигоны, пусть разрабатываются более совершенные учебники, а не новые виды оружия!

ЧТОБЫ КНИГА СТАЛА ДРУГОМ

Мириам МОРТОН (США),
детская писательница,
член руководства
Международной женской лиги
за мир и свободу

Счастливое детство, на мой взгляд, возможно там, где общество гарантирует детям безопасность, здоровье, всестороннее развитие. Я не представляю счастливого детства без книги!

85 центров в Америке издают детскую литературу. Много хороших книг. Немало ребят в моей стране любят читать. Но все-таки чаще книги пылятся в библиотеках. Мне больно видеть, как с ранних лет ребенком завладевают телевидение и комиксы. К сожалению, и то и другое у нас почти всегда плохо, почти всегда пошлость. Телевидение с его проповедью насилия, порнографии, стяжательства растлевает детские души. Комиксы губят интерес к серьезному чтению, развращают вкусы. Это ужасает всех в Америке, кто всерьез задумывается: кем станут ребята, когда вырастут? Учителя, библиотекари тратят много сил, чтобы привить детям любовь к хорошей книге, ограничить влияние средств массовой информации.

Я часто езжу по стране, выступаю перед детьми и их воспитателями. В последнее время эти лекции посвящены пропаганде русской и советской детской литературы. Без малого двадцать лет я занимаюсь ее переводами. В США, Англии, Австралии, Новой Зеландии — в тех странах, где говорят по-английски,— вышли рассказы Шолохова, антология русской и советской литературы для детей, сборник пьес для юных зрителей, другие издания. Антология — самое крупное из них, в нее вошли сто произведений тридцати восьми авторов: Толстого, Чехова, Горького, Паустовского, Чуковского, Маршака, Михалкова, Барто и других. В книге сто иллюстраций, взятых из советских изданий. В 1967 году ее выпустило одно университетское издательство; оно пошло на риск, ведь в то время вашу детскую литературу в США почти не знали, раньше были изданы небольшими тиражами всего три названия. Книга имела громадный успех, многие награды, бесчисленные рецензии в газетах.

Мало научить человека читать — важно, и что́ он будет читать. Как хочется, чтобы это были книги-друзья, помогающие жить, чувствовать, осмыслять действительность! Нельзя допустить, чтобы новые поколения молодежи были воспитаны в духе невежества, жестокости и фальши.

ПАМЯТЬ НЕ УХОДИТ В ОТСТАВКУ

Светлана САМСОНОВА

Есть неотразимая сила воздействия в произведениях искусства, созданных в годы Великой Отечественной войны, будь то песня, картина, рисунок или кинолента. Большое, искреннее чувство сочетается в них с непогрешимой правдой, поэтому, сколько бы ни прошло лет, прикоснись к ним — и вновь оживают события и люди тех лет, и опять не унять волнения...

Я люблю фронтовые рисунки Анатолия Андреевича Горпенко. Войну он прошел художником студии имени М. Б. Грекова. Вместе с 16-й армией Рокоссовского, куда был прикомандирован, исколесил немало, участвовал в выпуске газеты, а когда надо было — ходил в атаку. Пережил гибель товарищей, известие о собственной гибели (в окоп, где были художники, попал снаряд) — всего не перечесть.

Невозможно спокойно вглядываться в тех, кого запечатлел художник. Боец А. Н. Попов, сержант Медведев, танкист Латынов, другие. Их лица напряженные, усталые, тревожные, но сколько в них твердости, решимости, стойкости. Ярче всяких слов говорят они об источнике нашей Победы. Подписи под некоторыми рисунками своей конкретностью словно подтверждают их пронзительную достоверность.

Под одним читаю: «Комиссар Загребин Дмитрий Иванович». И далее как расшифровка: «Комиссар полка 1103 (лично убил 27 фашистов), село Горбатки, 1943». Скупая, торопливая запись, но говорит многое; в ней судьба и комиссара и самого художника, увидавшего своего героя, может быть, после боя за то село.

Зимой сорок первого года Горпенко был участником ожесточенных боев под Москвой. Остались беглые зарисовки и яркие, неизгладимые картины в воспоминаниях. И хотя потом были другие, не менее сильные и важные бои, те, подмосковные, жили тревожной памятью, подчас вспыхивали перед глазами, точно освещенные пламенем взрыва, не давали покоя. И вот в 1943 году художнику удалось написать большое живописное полотно «Бой под станцией Крюково». Одна из немногих батальных картин, написанных в годы войны, она теперь хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Словно отсвет боя отражает промерзший снег; огонь разрывов, стылый, пропитанный дымом и гарью воздух, вдали — обгоревшие постройки станции, на переднем плане — идущие в атаку красноармейцы. Картина, написанная вслед за боями, в которых были сделаны первые шаги к Победе, привлекает своей строгой правдивостью. Потом, почти через двадцать лет, Горпенко вернется к событиям, положившим начало разгрому немецко-фашистских войск, создаст диораму, которая сейчас находится в подмосковном городе Истра.

Для художников, побывавших на фронте, считает Анатолий Андреевич, война определяет все их дальнейшее творчество, независимо от того, отражают ее их произведения или нет. Для Горпенко военная тема стала основной, к какому бы виду изобразительного искусства он ни обращался.

Он увлекся монументальными формами, выполнил ряд произведений в области диорамной живописи, сделал витраж в здании советского посольства в Берлине. Лучшая из этих его работ — большая (более девятнадцати метров) мозаика «Народы мира чтут память советских воинов, разгромивших фашизм» — выполнена для широко известного памятника советским воинам в Берлине, в Трептов-парке.

Годы работы над мозаикой, вошедшей в крупнейший мемориальный ансамбль, были годами общения и сотрудничества с замечательным советским скульптором Е. Вучетичем.

Горпенко с одинаковым удовольствием работает над произведениями камерного и монументального характера, стремясь запечатлеть облик сегодняшнего дня и историю. В 1975 году он в соавторстве с С. Агаповым закончил панораму «Волочаевская битва», которой было отдано шесть лет напряженного труда, а потом опять вернулся к работе над небольшого формата портретами, выполненными маслом, пастелью, сангиной, углем. Научные работники и артисты, врачи и поэты, композиторы и историки — многие замечательные люди запечатлены художником. Среди других на несколько особом месте стоит портрет поэта Алексея Недогонова — фронтового друга художника.

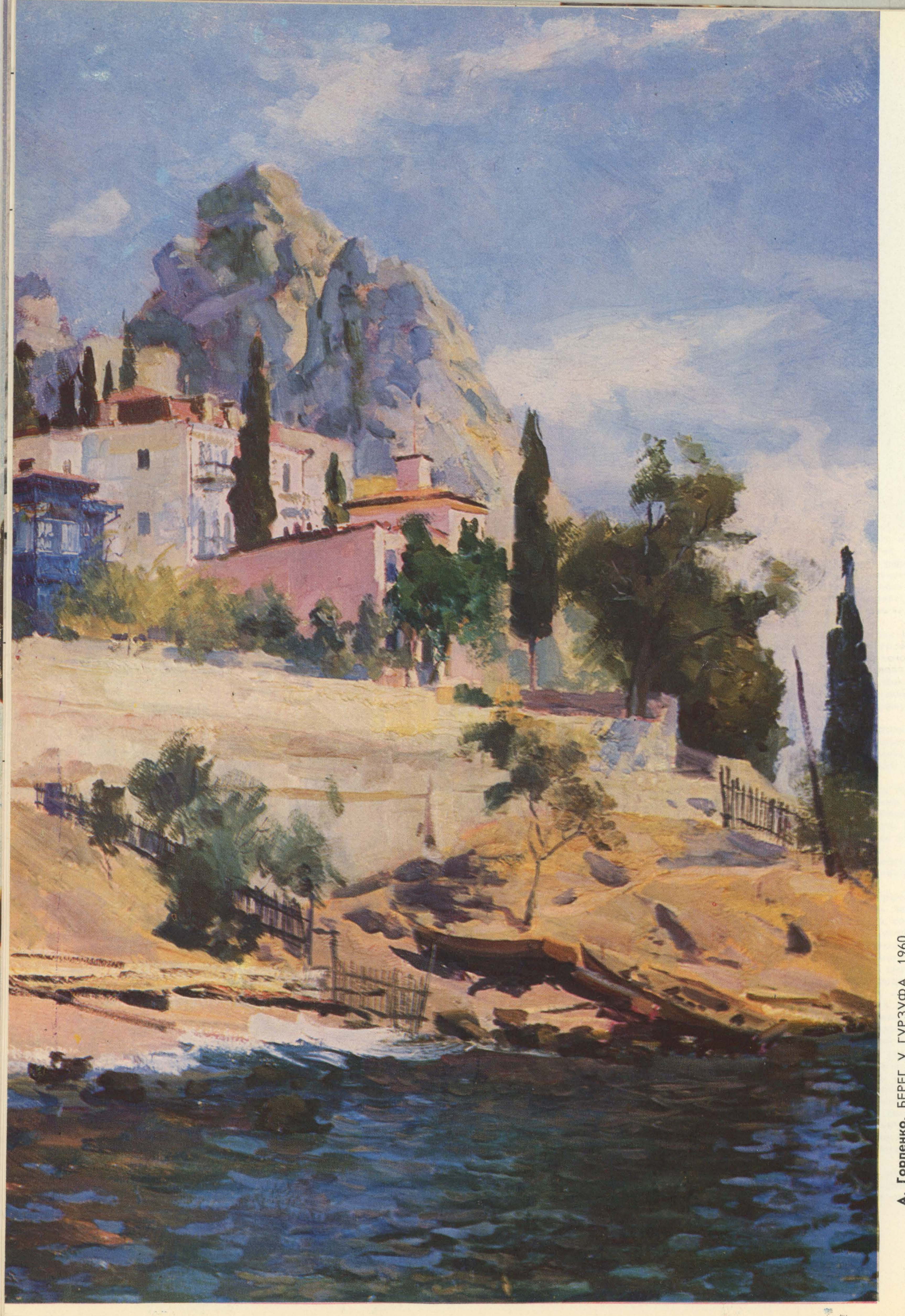
Каталог прошедшей недавно в Центральном Доме Советской Армии выставки Ан. Горпенко содержит далеко не полный перечень работ художника, но видно, что в той или иной форме Анатолий Андреевич возвращается к войне, ее вечным образам — память не уходит в отставку. В 1949 году он создал портрет генерала армии (ныне Маршала Советского Союза), дважды Героя Советского Союза В. И. Чуйкова, находящийся в Третьяковской галерее. В пятидесятые годы появились работы, написанные в результате поездок в воинские части. В шестидесятые — графическая серия «Волгоград». И, наконец, в семидесятые он заканчивает большую картину «Штаб 62-й армии. Сталинград. 1942», находящуюся теперь в ГДР, в Веймаре, делает графическую серию «Шоринцы», посвященную батальону курсантов Ново-Петергофского военно-политического училища.

...Художник берет этюдник, пишет старые березы, лес, раннюю весну, а на его рабочем столе по-прежнему — фронтовые рисунки, фотографии военных лет. День сегодняшний не отделить от вчерашнего.

А. Горпенко. Род. 1916. БОЙ ПОД СТАНЦИЕЙ КРЮКОВО. 1943.

ХИРУРГ В. И. ФРАНЦЕВ. 1978.

А. Горпенко. БЕРЕГ У ГУРЗУФА. 1960.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

А БОГАТСТВО-ТО ОБЩЕЕ!

А. ЩЕРБАКОВ

Тяжбы по поводу земли? Да откуда им взяться, если все, что касается природных богатств наших, уложено в чеканные статьи законов, кодексов, постановлений и постоянно контролируется множеством служб? А вот берутся же! Возникают и тянутся иной раз годами. Причина чаще всего одна...

...«Исполкому Минского райсовета народных депутатов. На письмо Минского городского Совета народных депутатов сообщаем следующее: дирекция совхоза «Ждановичский тепличный комбинат» Минского района категорически возражает против отвода земельных участков совхоза площадью 255 га в районе д. Дегтяревка Минскому горисполкому под застройку промбаз. Причины возражения следующие:

1. Испрашиваемые земли являются самыми плодородными из оставшихся земель в совхозе; балл пашни — 66.

2. Изъятие земель повлечет за собой ликвидацию фермы крупного рогатого скота на 1000 голов с дойным стадом в 400 голов.

3. Ликвидируется поливное хозяйство в севообороте.

4. Из-за ликвидации фермы в д. Дегтяревка Тарасовский молочный завод по обработке и расфасовке молока в пакеты практически окажется недогруженным, что повлечет за собой нерентабельность отрасли.

5. На указанных землях совхозом планируется расширение тепличного комбината, для чего потребуется около 100 га площади...

Директор совхоза
Ф. А. Брикет».

Минский райисполком получил подобное письмо и от соседа Ждановичского совхоза — колхоза имени Калинина. Райисполком, в свою очередь, сообщил Минскому облисполкому, что поддерживает и то и другое хозяйство. И резонно.

...Минск растет. Ему нужна земля под новую застройку. С этим никто не спорит. Спорят по поводу принципа отвода участков, по поводу того, что он, этот принцип, должен быть согласован городскими и сельскими властями и не может ущемлять интересы ни одной из сторон, тем более интересы государства. В самом деле, целесообразно ли занимать плодородные земли, теснить животноводческие фермы, чтобы построить вместо них автобазу, или бетонорастворный завод, или склад, если примерно на таком же расстоянии от города есть земля менее плодородная, которую райисполком согласен отдать. Отдает, что называется, без боя... Некоторое время назад горисполкому отвели 65 гектаров малопригодных для сельского хозяйства угодий. Стройте! Но, не заложив тут ничего, городские застройщики потянулись к другим окраинам Минска, решив, что там им сподручнее развернуться. А что до пашни, ферм, теплиц... Так это же к другому ведомству относится!

...В 1960 году в Белоруссии на душу населения приходилось по 0,78 гектара пашни, к 1970 году осталось по 0,68. Сокращается количество пахотных земель на душу населения и в некоторых других республиках страны. Правительство БССР принимает энергичные и решительные меры к тому, чтобы каждый гектар земли использовался предельно рационально. Контролируется проектирование и размещение хозяйственных построек в колхозах и совхозах; Госстрой республики работает над планом комплексного переустройства сел, которое, по предварительным подсчетам, позволит ввести в сельскохозяйственный оборот дополнительно около ста тысяч гектаров земли; ужесточается спрос за порядок на осушенных торфяниках; всячески пропагандируется опыт хозяйского подхода к пашне, лугам, пастбищам в Столбцовском, Добрушском, Жабинковском районах... Но вот «не по нашему ведомству»... Этого никак не удается побороть.

В 1977 году в статье «Операция «Земля» (№ 42) я рассказывал, какой ущерб наносят колхозам и совхозам Белоруссии те, кто ведет на их землях разработку каких-либо месторождений или строительство электролиний, газопроводов, дорог и бросает потом огромные площади в состоянии, совершенно непригодном к дальнейшему сельскохозяйственному использованию. Хотя по закону должны за свои средства и в определенные сроки рекультивировать их, то есть восстановить нарушенное плодородие.

Совет Министров БССР принял постановление, подтвердив обязанность организаций и ведомств рекультивировать земли, на которых временно велись несельскохозяйственные работы. Постановление возымело действие. Однако не на всех. Тем более, что часто дело касается организаций и ведомств из других республик или союзного подчинения. Попробуй найди управу, скажем, на строителей газопроводов, если они пришли, «наследили» на колхозном поле и ушли. Веди потом переписку с каким-нибудь управлением, трестом или главком, до которого своей властью не достанешь, а перепиской его тоже не возьмешь. Годами, случается, кочуют из кабинета в кабинет такие вот бумаги, пока не обретут, наконец, архивного покоя:

«Газопровод Торжок — Минск — Ивацевичи проходит по земельным угодьям Минского района, а именно по опытному хозяйству «Русиновичи» на протяжении 4 100 погонных метров, по колхозу «Новый быт» — 2 200 погонных метров и по совхозу «Волма»— 1200 погонных метров. В 1975 году была проложена первая очередь газопровода. Ни в одном из вышеуказанных хозяйств строителями газопровода не снимался перед началом работ плодородный слой почвы, рекультивацию трассы после укладки труб не проводили... Подобная картина сложилась и при прокладке второй очереди газопровода, которая проложена параллельно первой.

Строителями газопровода в колхозе «Новый быт» нарушены дренажные системы закрытых коллекторов. Земли на площади 97 гектаров находятся в переувлажненном состоянии. В опытном хозяйстве «Русиновичи» нарушение дренажной системы закрытых коллекторов вывело из севооборота 139 гектаров пахотных земель».

Вот так! Трубы проложили, а там хоть трава не расти!.. Она и не растет.

Есть еще более удивительные примеры. Солидные инстанции прекрасно осведомлены о том, что планируемые и сооружаемые ими предприятия представляют опасность для окружающей среды, и все же не считают нужным своевременно позаботиться о ее сохранении. Мало того, даже тогда, когда вырисовывается надобность неотложных действий, их заменяют тягучей процедурой составления, обсуждения и согласования мероприятий, на что опять же затрачиваются и месяцы и годы. Стало быть, подтверждается, что природа не может ждать милостей от бюрократов?!

Первый Солигорский калийный комбинат начал строиться более двадцати лет назад. Заказчику — Министерству химической промышленности СССР — тогда бы и подумать, как предохранить от порчи землю в районе рудников и других объектов комбината (специалисты не могли не предвидеть, что последствия неизбежны). Министерство ничего кардинального тогда не сделало. Появились второй, третий, четвертый комбинаты. Появились и тревожные уже не предупреждения, а сигналы, свидетельствующие о реальном и немалом уроне. Специалисты зафиксировали: оседание земной поверхности в районе шахтных полей, а над ними расположено девять колхозов и совхозов, вызывает излишнюю увлажненность почв. В 1977 году из-за нее погибли посевы на площади 1520 гектаров. «Кроме подсадки территории, затопления и подтопления прилегающих земель, — говорится в справке авторитетной комиссии, — в Солигорском районе имеет место засоление почв рассолами солеотвалов и дымообразными выбросами сильвинитовых обогатительных фабрик. По данным института БелНИИ почвоведения и агрохимии, площадь всех засоляемых земель составляет около 1000 га... В 1975—1977 годах, по материалам обследований, сняты с учета затопленные площади сельскохозяйственных угодий по совхозам «Горняк» (10 га фруктового сада), «Заря» (451 га сельхозугодий) и колхозу «Передовик» (300 га сельхозугодий)».

Далее в справке говорится, что в январе 1977 года было принято постановление «О мерах по предотвращению вредных последствий, возникающих в результате отработки запасов калийных солей в Солигорском районе». «Выполнение этих работ планировалось осуществить в 1977—1978 годах. Однако до настоящего времени эта работа не получила широкого развития, составлен только календарный план ведения горных работ, с учетом их развития на 1980—1990—2000 годы».

А ведь под документом стоит подпись министра химической промышленности СССР товарища Костандова!

...Мы сказочно богаты. И по мере умножения наших богатств Коммунистическая партия все настойчивее требует — недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» еще одно тому подтверждение — распоряжаться ими умно, рачительно и дальновидно. И очень важно всем и всегда помнить, что народное богатство неделимо, что в социалистическом обществе никто не имеет права сказать: «Это не мое», «За это я не отвечаю», «Это забота другого ведомства». Государственная забота!

Белорусская ССР.

сты, но, чтобы их исполнить, надо приложить немало сил. Надо выявить кантилену, заложенную в их основе.

В моей жизни был период, когда я концертировал вместе с крупнейшим советским композитором Георгием Свиридовым: я пел романсы Бородина, Мусоргского и, конечно же, Глинки. Общение с таким замечательным музыкантом, как Г. В. Свиридов, помогло мне открыть новые красоты в неисчерпаемом богатстве музыки Глинки. А несколько лет назад я записал на пластинки 25 романсов Глинки.

Еще в консерватории, а затем в ленинградском Кировском театре, куда меня пригласили сразу же после окончания консерватории, я работал над такими партиями, как Фарлаф в «Руслане и Людмиле» и Сусанин. Партия Сусанина для меня особая. В Кировском театре я пел два сезона и сделал много разнообразных ролей, Сусанина же спел всего два раза, причем второй спектакль был в театре юбилейным: тысячный раз шел спектакль. В 1957 году с этой партией меня пригласили в Большой театр.

У каждого певца есть одна-две партии, на которых он совершенствуется. Вот такими проверочными партиями для меня стали Сусанин и Руслан.

Хотя, наверное, не для меня одного характерно такое отношение к творчеству гениального русского композитора. Ведь не случайно же многие годы Большой театр открывал свой сезон оперой «Иван Сусанин»...

Современники Глинки явно недооценивали его творчество: они привыкли к итальянским операм, на которые ходили поразвлечься, ради изящного увеселения. А тут вдруг появляется Глинка со своими героями — простыми русскими крестьянами в лаптях и овчинных тулупах. Конечно же, аристократическая публика была в некотором шоке. Но мало того, что необычен был для оперы сюжет, так еще и сама музыка предстала слишком необычной, новаторской. До Глинки ведь не было профессиональной музыки, где звучали бы интонации народной песни. Мелодика ее была чуждой

ГЛУБИНЫ ГЕНИЯ

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. ГЛИНКИ

А. ВЕДЕРНИКОВ, народный артист СССР

С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки. Такой подвиг, скажем, положа руку на сердце, есть дело не только таланта, но гения!

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Глинка — это высшая мера, по которой проверяется мастерство, вкус и профессиональный уровень музыканта. Я не представляю себе певческого существования без Глинки: его произведения стали хрестоматийными основами человеческой и музыкальной культуры. Правы те, кто называет Глинку Пушкиным в музыке. Да и все его творчество тесно связано с поэзией Пушкина, его романсы и, наконец, опера «Руслан и Людмила», в основе которой поэма великого поэта.

У каждого человека рано проявляются склонности: приятие одних вещей и неприятие других. Так же было и у меня. Еще совсем мальчишкой, не думая вовсе о певческой карьере, всем сердцем ощущал я дивную красоту романсов Глинки: «Сомнение», «Венецианская ночь», «Не искушай меня без нужды», «Я помню чудное мгновенье»... Сколько трепетного чувства и душевной теплоты заключено в них! Услышав раз, забыть их невозможно.

Особенность удивительных романсов Глинки — в их глубокой певческой природе, редчайшей мелодичности. В них надо самим звуком нести характер и в самом характере звука нести образ. Но этим надо владеть, имея хорошую певческую школу. С первого взгляда кажется, что романсы Глинки уж очень про-

«высшему свету». Зато именно песня — душа народа — одухотворяет все создания Глинки. И так сильно, так мощно звучало в этой опере народное патриотическое начало, что высокопоставленной публике пришлось смириться, «простить» Глинке «кучерскую музыку». Оценив величие спектакля, им стали открывать сезон.

Советская власть, по слову В. И. Ленина, сохранила великое наследие. Опера Глинки в годы войны служила русским людям моральной поддержкой. Она и сейчас не утратила и никогда не утратит своей популярности, своей патриотической силы. Иван Сусанин — это символ народного характера, преисполненного большой гражданственности и всепоглощающей любви к родине. И как же радостно, что опера вновь, после возобновления, живет на нашей сцене. Удачна или неудачна ее реставрация, конечно, судить зрителям, хотя мне все-таки хочется сказать, что, может быть, не следовало бы привносить те элементы модернизации, которые порою идут все же вразрез с драматургией и музыкой Глинки...

Я двадцать два года пою Сусанина. С годами менялось мое понимание жизни, менялось и мое понимание образа Сусанина. Раньше я больше заботился о том, чтобы на этом бла-

годатном материале показать голос, свои вокальные возможности; позже начались поиски вокальной и пластической выразительности, я уже стал думать, как сильнее воздействовать на публику. С годами, с обретением зрелости больше внимания стал уделять внутренней стороне образа, сущности этого человека. Мне хочется показать величие его духа, показать, как в нем под влиянием обстоятельств прорастают те зерна добра и жертвенности, что заложены в каждом человеке. А для этого нужна простота, глубина и искренность исполнения, отсутствие внешних мелодраматических эффектов. Только так можно убедить зрителя, только так можно заставить его почувствовать себя причастным к происходящему на сцене.

В опере «Иван Сусанин» — бездна богатств. Она вся напевна. Даже речитативы напевны — их надо петь. Сухой речитатив вообще чужд Глинке, так как принижает, низводит музыку до обыденности. Глинка же по сути своей возвышен, и обыденность ему чужда.

«Это более чем опера, это национальная эпопея! Как поэма и музыка это правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне»...— писал современник Глинки, историк и критик А. Мериме.

Отталкиваясь от этой возвышенности музыки Глинки, я трактую и образ Руслана. Все время я пел Фарлафа в «Руслане и Людмиле», наконец, решил — хватит, сколько можно петь стариков! Ведь мы, басы, обречены: наш удел — герои с седой бородой и усами. А тут представился случай спеть героя молодого (в партитуре Глинки Руслан — партия басовая). Насколько я могу судить сам о своей работе, не знаю. Эта партия давно привлекала меня: хотелось создать обобщенный эпический образ русского богатыря, неторопливого, несуетного, как сама былина. Старался быть верен партитуре Глинки и гениальному тексту Пушкина. Может быть, моя трактовка этого образа кажется кому-нибудь спорной, но я против попыток «обытовить» Руслана и поэтому сознательно старался отбросить все элементы развлекательности и «зрелищности», которые могли помешать созданию былинно-героического образа.

Академик Б. В. Асафьев называл «Руслана и Людмилу» «великим музыкальным эпосом», в котором он видел «высоко обобщенное размышление о смысле русской истории».

Глинка очень правдив: в этом его специфика и его трудность, ибо неправду ставить легче. Можно много фантазировать; но если это правда, то и в постановке нужна только правда. Это дисциплина вкуса, ума, мастерства, взятая в жесткие рамки художественной правды, которых требует Гений... Произведение-правду всегда надо ставить в этих рамках, а выдумки и изощрения — это уже отвлечение от глубинной мысли. Искусство правды — вечность, искусство неправды — мода, которая приходит и уходит. Попытки «завлечь» зрителя — это недоверие к нему, неверие в высокие духовные качества зрителя.

Мы говорим, Глинка — родоначальник русской классической музыки. Да, в этом его огромное значение. Но он отнюдь не замыкался в узконациональных рамках. Испанцы считают Глинку своим композитором. Почему? Да потому, что он, изучая народные песни, смог проникнуть в самый строй национальной музыки. Дивные польские мазурки в опере «Иван Сусанин», турецкие и кавказские мелодии в «Руслане и Людмиле»... Как же они хороши! Как оживляют ткань русских опер! Они кажутся произведениями национальных культур,— настолько точно воспроизведен народный мелос.

Глинка и этим своим начинанием заложил благородную традицию, продолженную Мусоргским, Бородиным и другими великими русскими композиторами.

Всякое творение, всякий творец, выражая сущность своего народа, становится международным, его создания вечны и принадлежат людям всей земли.

Прикосновение к ним — счастье артиста.

СОХРАНЕНО ДЛЯ НАС

А. ЗВЯГИНА

Фото Б. КУЗЬМИНА

У колоколов на Руси судьба особая, то скорбная, то радостная, но всегда непростая. Один из таких колоколов, имеющих свою судьбу, находится в московском музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

История его такова.

Село Новоспасское, родина композитора. Год 1942-й... Гитлеровские оккупанты грабят, жгут, уничтожают все вокруг. Священник новоспасской церкви решает спасти помнящие Глинку древние церковные колокола. Их сняли и затопили в реке. Увы, нашелся предатель...

Священника вывели на мороз, поставили под струи ледяной воды. Вытерпев жестокую пытку, он погиб подобно костромскому мужику, патриоту Ивану Сусанину... А колокол?.. Его нашел под Ельней начальник железнодорожной станции; разглядел надпись: «Отлит для церкви села Новоспасское в 1724 году» — и приспособил колокол для сигналов отправляющимся поездам. История колокола дальше складывается почти как в сказке. Родственница М. И. Глинки, проезжая станцию Ельня, услышала знакомый звон и тут же опознала находку, надпись на колоколе это подтвердила.

Такова история одного из экспонатов глинковского зала музея. Пристрастие великого русского композитора к колоколам увековечено даже в музыкальных словарях, не говоря уж о художественной литературе и мемуарах. И не случайно в зале висит еще и написанный маслом вид церкви в Новоспасском, а рядом — точная нотная запись колокольного звона.

Бережно хранится в музее одна из сделанных Глинкой записей народной песни: «Ах, когда б я прежде знала». А возле нее — фотографии многих знаменитых артистов России, в разные годы исполнявших роли в операх «Руслан и Людмила», «Иван Сусанин». Их связывает внутренняя, глубинная общность, связывает русский мелос, та самая народная песня, что вызвала к жизни эти бессмертные оперы.

«Глинка никогда не относился к искусству корыстно»,— замечал такой же бунтарь в музыке Берлиоз. Но далеко не все это понимали при жизни гения: слишком уж непривычными были сочинения Глинки. Он словно вызов бросал сентиментально-салонной музыке, господствовавшей в «высшем свете». Высокопоставленная публика окрестила музыку композитора «кучерской», и вот как отголосок этого непонимания, этих нападок видим вдруг на стенде... карикатуру Н. Степанова: «Истязание мученика Бетховена» (1850-е годы). Здесь среди крупнейших художников России изображен и Глинка. Следовательно, не один он «раздражал» сиятельную публику, не он один «истязал Бетховена»!.. Карикатура кажется злой, но время все расставило по своим местам, — насмешки не получилось...

По словам П. И. Чайковского, в одной лишь «Камаринской» Глинки заключена «как дуб в желуде» вся русская симфоническая школа.

Перед нами один из ценнейших экспонатов музея — работа Глинки «Заметки об инструментовке». Здесь мы знакомимся с великим композитором уже как исследователем и теоретиком музыки, давшим обоснование заложенным им основам народности музыки, основам национального музыкального стиля. Неудивительно, что музей, где хранится 2,5 тысячи инструментов, представляющих музыкальную культуру народов мира (а также партитуры, письма, портреты композиторов всех стран, разнообразные, интереснейшие архивные материалы), носит имя Михаила Ивановича Глинки.

Говоря о музее и юбилейной глинковской экспозиции, нельзя не отметить прекрасный, серьезно продуманный художественный стиль оформления.

Музей не мемориал, напротив: он создает у посетителей иллюзию живого присутствия композитора. Чернильница и подсвечник на столике, небрежно положенное пенсне... Кажется, что Глинка только сейчас прервал работу, отложив на несколько минут нотную тетрадь.

Придя в музей, многие посетители оставляют свои записи; здесь слова любви и душевной признательности. Люди прикоснулись к тому, что сохранено для нас, что дорого всем. Правда, многие замечают, что уже мал и тесен для музея становится старинный особняк в центре Москвы. Да это и неудивительно: год от года возрастает количество экспонатов, во множестве поступают книги, новые исследования, эскизы декораций, новые архивные находки...

Директор Екатерина Николаевна Алексеева сообщила нам, что в ближайшее время Музей музыкальной культуры переедет в новое, специально построенное здание с большим концертным залом и органом.

Сцена из оперы «Иван Сусанин». Фото Г. Соловьева

СЧАСТЛИВЕЙШИЙ МОМЕНТ ЖИЗНИ

КАК МЫ РАБОТАЛИ НАД «ИВАНОМ СУСАНИНЫМ»

Недавно Государственный академический Большой театр возобновил на своей сцене постановку гениальной оперы Глинки «Иван Сусанин». У нее была непростая судьба. Либретто оперы, в создании которого принимали участие близкие к царскому двору лица, не отвечало патриотическому существу «отечественной» оперы Глинки. После Октябрьской революции несколько раз предпринимались попытки освободить музыку Глинки от чуждого ей текста, изменяя сюжет оперы, но такие модернизированные варианты никакого успеха не имели.

Когда работа над новым либретто «Ивана Сусанина» была поручена поэту Сергею Митрофановичу Городецкому, он и редакторы нового текста приняли единственно правильное решение — оставить в неприкосновенности партитуру Глинки, сохранить время и место действия, состав действующих лиц. С. Городецкому удалось раскрыть народно-патриотические музыкальные образы оперы в ситуациях, в словах, верно и точно передающих их эмоциональное содержание, их идейный смысл. Большую часть текста Городецкий написал заново, глубоко проникнув в народную основу музыки Глинки.

В наши дни, когда необычайно актуален вопрос об отношении к классическому наследию, многим небесполезно узнать, как бережно и целомудренно работал над классическим произведением Глинки прекрасный советский поэт, воспитанный на традициях русской культуры.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Это был один из счастливейших моментов моей жизни, когда на лестнице гостиницы «Москва» десять с небольшим лет тому назад я встретился с С. А. Самосудом и он сказал мне: «Вот вас-то мне и нужно. Заходите завтра утром. Большое дело». И, взбегая вверх по лестнице, еще раз обернулся и крикнул: «Очень большое».

До этой встречи я знал его как очень темпераментного дирижера, который может пожертвовать отделкой частностей движения оркестровых групп ради эффективного всплеска ансамбля.

Выросший в музыке, в дружбе с А. К. Лядовым, в знакомстве с А. К. Глазуновым и Н. А. Римским-Корсаковым и в работе с В. И. Суком, точнейше исполнявшими малейшее предначертание своей или чужой партитуры, я не был поклонником стиля С. А. Самосуда, идущего, конечно, от Рубинштейна.

На другой день после встречи с С. А. Самосудом я узнал, что «большое дело», на которое он меня звал,— это есть создание нового текста для бессмертной оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

Я поблагодарил за честь и рванулся в работу.

История текста была мне известна. Глинка написал план. Он мечтал о тексте Пушкина, с которым встретился в комнатах Жуковского в Зимнем дворце. Но это были трагические, последние месяцы жизни Пушкина: ноябрь, декабрь 1836 года. Великий поэт пытался в эти месяцы вырваться из петли, уже накинутой на него Николаем I и его палачами. Вторым кандидатом Глинка выбрал Жуковского. Жуковский написал немного строк для партии Вани (сохраненных мною) и передоверил эту работу барону Розену, придворному немцу, воображавшему себя русским поэтом. Глинка был в отчаянии. Он говорил (цитирую по памяти), что у Розена в кармане всегда готовые стихи на его музыку, но возражал против таких шедевров, как строчка: «грядущая женка моя». Однако выхода у Глинки не было. Еще в Италии у него созрело решение писать русскую народную драму. Он пошел на компромисс.

В эту осень и зиму шли крестьянские восстания. Николаю нужно было подкрепить свой шатающийся престол. Он поехал открывать памятник Минину в Нижнем Новгороде. Тема Сусанина стала модной. Она была уже раскрыта Рылеевым в известной «думе». Жуковский-то и предложил эту тему Глинке. Великий композитор в своем плане могуче ее разработал. Не менее могуче барон Розен эту тему перепакостил, сдвинув ее на монархические рельсы.

В плане интродукции Глинка пишет: «Сей хор, идущий фугою, должен, выражая силу и беззаботную неустрашимость русского народа, быть написан русским размером и сравнения должны быть заимствованы из сельских предметов».

Ни о каком Михаиле Романове и звука нет в плане Глинки.

Барон Розен эту музыку Глинки, выражающую «беззаботную неустрашимость» русского народа, «перевел» в такие слова:

«Из плену к нам домой боярин молодой. Все горе отошло, как солнышко взошло. Кто солнышком блестит? Кто солнышком горит? Михаил Федорович».

Эта монархическая похабщина оклеветала не только музыку, но и русскую историю: Михаил Романов никогда в польском плену не был. Там сидел его дядя Никита Романов. Но какое было дело немецкому барону до музыки Глинки и русской истории?

Хочу напомнить, какие слова мною были созданы вместо этих розеновских слов: «Не раз враги грозой неслись на край родной. Навстречу из земли богатыри росли. Под громом туч густых росла, крепчала ты, наша русская земля».

С. А. Самосуд был строжайшим моим кри-

тиком. Только что процитированные строки были одними из немногих, принятых им безоговорочно. Но как мы с ним мучились над словами к «Славься»! Когда в прошлом году я сдавал в архив черновики «Сусанина», я сам был поражен количеством вариантов на эти пять куплетов. Их десятки, и недаром «Крокодил» нарисовал тогда меня в вихре листов с надписью: «Куда ты нас завел?» Теперь студенты по этим черновикам учатся «делать» стихи.

Премьера «Ивана Сусанина» в Большом театре была наивысшим праздником моей жизни.

Но вскоре оказалось, что работа над текстом еще не кончена.

В своем стихийном понимании музыки как девятого вала, уносящего слушателя туда, куда ведет композитор, С. А. Самосуд прощал мне многие погрешности против точного соответствия ударных гласных слова с ударными нотами мелодии.

Когда один из самых лучших наших дирижеров, Пазовский, и один из самых талантливых наших оперных режиссеров, Баратов, проверили мой текст, уже идущий на сцене Большого театра, они усмотрели около 80 правонарушений. Чтоб не ходить далеко, выписываю исправленные строки, которые стали на место выше процитированных. Было, например: «Богатыри росли». Это «ри» в двухчетвертном такте попадало на первую четверть. Поэтому теперь поется: «Полки бойцов росли». В строчке «Росла, крепчала ты» слово «крепчала» не выполняло функции затактового предудара в финале строки. Поэтому поется: «Стоял, крепчал и рос». И в строчке «Наша русская земля» неударный слог «ка» занимал целый такт (половинку), и рядом неударное «я» попадало на ударную четверть. Поэтому теперь поется: «Край отцов, наш край родной».

Таких мучений было много. Труднейшее из них — басовая дорога в «Славься» (где прежде просто повторялась строчка). Пазовский потребовал фразы из тринадцати (!) односложных слов. Дал. Вот она: «Вот он, наш Кремль, с ним вся Русь, с ним весь мир, пой, вся Русь...» и т. д. Или хор паненок во II акте, где нужно было ставить в конце два ударных слога: «Мы здесь (вино пьем) за тех, чей звенит меч» и т. д.

В тягчайших трудах строгие задания Пазовского были выполнены, и Кировский театр в Ленинграде пел уже исправленный текст.

Когда А. М. Пазовский возглавил Большой театр, я был вызван из эвакуации для еще одной проверки текста. С ним мы еще раз проштудировали ленинградский вариант и создали тот текст, который и исполняется сейчас.

Помню, однажды я под руку вел посетившего наш театр прямого потомка Михаила Ивановича Глинки. Он был стар и похож на своего славного предка, каким тот был бы, если б дожил до его лет. Я получил его прямое одобрение.

И мне думалось: если б Михаил Иванович слушал сейчас свою оперу! Ведь ему было бы приятно, что Большой театр освободил его музыку от казенной шелухи и по мере сил приблизил слово к мыслям его музыки.

И радостно вспоминаю я тот энтузиазм, с которым весь коллектив театра во главе с Пазовским, Баратовым и Федоровским трудился над воплощением «Ивана Сусанина».

Мне кажется, каждый из нашего коллектива может сказать про себя словами Пушкина: «По крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны».

Значение реконструкции текста «Ивана Сусанина», к тому же впервые поставленного на сцене Большого театра с полной мощью театрального искусства, ярко проявилось в дни Великой Отечественной войны.

В газетах сообщалось о том, как крестьянин Иван Иванов из села Лишняги, Тульской области, в момент напора немцев на тульские заводы (как известно, им не сдавшиеся) повторил подвиг своего тезки Ивана Сусанина и завел танковый отряд немцев в чащу леса к обрыву, с которого они и сверзлись.

Быть может, этот герой слушал «Сусанина» в нашем театре. ...Я верю, что еще долгие, долгие годы гениальная музыка Глинки будет вдохновлять русский народ на бессмертные подвиги.

Публикация Р. С. ГОРОДЕЦКОЙ

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Ир. ГРАНДКОВСКАЯ

Смоленский край... Его просторы, его непроходимые леса, река Десна и, наконец, самый Смоленск, Починок, Ельня и село Новоспасское навсегда вошли в историю как родина Михаила Ивановича Глинки: здесь он прислушивался к «малиновым» звонам колоколов, записывал песни крестьян...

Минутой, никогда не повторимой,
Ушли в десятилетия года.
Но память о Смоленщине любимой
В моей душе осталась навсегда.
Я сердцем никогда не забывала
Ее густые, темные леса,
Деревни, где ребенком я бывала,
Глубокие, как небо, небеса.

Этими, пусть наивными, но сердечными строчками начинается поэма «Моей Смоленщине». Поэма написана правнучкой великого композитора Юлией Николаевной Бер-Глинка. Детские и отроческие годы ее прошли там же, на родине ее знаменитого предка. Сейчас Юлия Николаевна живет в Москве, но навещает время от времени любимые края.

У этой подвижной, худощавой женщины несомненно даже и внешнее сходство со знаменитым композитором: черты лица, взгляд, улыбка. Не только «фамильную» внешность унаследовала Юлия Николаевна, но и любовь к искусству, чарующему миру музыки, приняв ее с самого детства так же близко для себя, своей жизни, как ее гениальный прадед.

...Шел 1941 год. Будучи участником многих концертных фронтовых бригад, актриса не раз выезжала на передовые позиции и в госпитали. Она восхищала бойцов и раненых и своим мастерством и своей добротой, отзывчивостью. Однажды артисты узнали, что в землянке умирает разведчик. Ему срочно требовалась кровь для переливания. Несколько человек тут же поспешили на помощь раненому, но нужная группа крови была только у Юлии Николаевны. На другой день боец ожил и начал улыбаться.

— Это был счастливый день моей жизни,— говорит актриса... Когда война кончилась, она талантливо руководила ансамблем песни и пляски Краснознаменной гвардейской ордена Ленина Кантемировской дивизии и даже была награждена министром обороны именными золотыми часами... Методистом-консультантом выезжала Юлия Бер в районы страны, помогая наладить, отшлифовать выступления народных ансамблей на Крайнем Севере у оленеводов, на высотах Памира у пограничников...

...Время неостановимо. Оно движется вперед, но оставляет нам память о прошлом. Юлия Николаевна интересно рассказывает о семейных преданиях, посвященных жизни ее гениального предка и его родственников.

— Мою собственную родословную,— говорит актриса,— начинает старшая из сестер Михаила Ивановича Глинки — Мария Ивановна Глинка, в замужестве Стунеева. Ее единственная дочь Юлия (в честь которой названа и я) вышла замуж за Дмитрия Дмитриевича Бера. Сын Юлии Дмитриевны, родившийся в 1860 году, Николай Бер,— мой отец... Я хорошо помню бабушку, она была незаурядной ценительницей искусства и сама создала ценную музыкальную библиотеку, ныне переданную в музей. В доме бабушки собирались видные композиторы и писатели того времени.

Детские и отроческие годы Юлии Николаевны Бер-Глинки прошли в усадьбе любимой сестры М. И. Глинки, Людмилы Ивановны,— теперь это город Починок. Здесь все напоминало об авторе «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмилы». И множество семейных фотографий, и сохранившиеся с давних пор вещи, и особенно огромные ветвистые липы, выстроившиеся вдоль аллеи, где гулял Михаил Иванович, приезжая к сестре. Сохранилась также и одна из комнат большого дома, со своеобразной акустикой, названная в семье «дуплом».

Особенность комнаты-«дупла» заключалась в том, что, находясь там, можно было петь и даже громко кричать, вообще шуметь сколько душе угодно, но при этом в соседние комнаты не доносилось ни звука. Зато в самом «дупле» был хорошо слышен даже соседний разговор шепотом! Глинке очень нравилась эта комната, и он всегда подолгу бывал в ней...

— Мой прадед,— вспоминает актриса,— появился на свет, согласно преданиям, под громкие трели соловья, когда занялась майская заря. Пернатый певец самозабвенно заливался на дереве, возле открытого окна спальни, где лежала молодая мать... Ну и тут, конечно, возникали разговоры о счастливых для новорожденного приметах и предзнаменованиях...

Сохранилась в памяти и рассказанная близкими история бракосочетания родителей композитора: они были дальними родственниками и соседями по имению. Так как браки между родственниками запрещались да и небогатый капитан в отставке Иван Николаевич Глинка был «незавидным» женихом, братья Евгении Андреевны (матери композитора) возражали против брака. Но влюбленные решили соединить судьбу, и Иван Николаевич похитил свою невесту, чтобы тайно с ней обвенчаться. Рано утром они отправились в церковь с друзьями... Об этом узнали братья Евгении Андреевны и, конечно, бросились в погоню. Расстояние между беглецами и преследователями сокращалось, но на пути через небольшую речку был переброшен мостик. Оказавшись на другом берегу, Глинка с товарищами сразу же мост разобрали, а бревна спрятали в кустах. Пока разгневанные родственники изобретали способ переправы, свадебный кортеж благополучно добрался до церкви, и свадьба состоялась. До наших дней сохранилась эта сельская церковь, где венчались счастливые беглецы — родители Михаила Ивановича Глинки.

Из семейных воспоминаний известно, что первым сильным впечатлением маленького Миши был перезвон колоколов. Мальчик даже написал об этом сказку.

— Я хорошо помню содержание сказки,— вспоминает Юлия Николаевна.— Юный автор рассказывал о том, как к одному мальчику явилась добрая фея, взмахнула волшебной палочкой, и в комнату стали входить разных размеров колокола, и все вокруг заполнилось их бархатными, певучими голосами. Мальчик подружился с ними и начал учиться музыке...

К сожалению, драгоценная запись сказки, сделанная Глинкой, затерялась в годы гражданской войны. Зато другие бесценные реликвии: партитуры, книги, письменные принадлежности, хрустальный сервиз, даже колыбель, в которой бабушка Фекла Александровна баюкала Мишу,— хорошо сохранились и переданы Юлией Николаевной и ее отцом в музеи Ленинграда, Москвы и Смоленска.

Фото А. КОЗЬМИНА

Ю. ЛУШИН

Фото автора

ВРЕМЯ ТАКОЕ ГОР

Михаил Васильевич стоял в цехе японского завода и смотрел на станок. Чужая земля лежала под ногами, и чужое небо над головой. И было сейчас в этом цеху, на этой земле, под этим небом для него лишь одно родное, свое — новейшей конструкции станок. Оба они держали теперь экзамен перед иностранной державой, известной в мире своим высокоразвитым машиностроением. Станок был прекрасный — это он, слесарь-сборщик высокого класса, знал. Знала это и японская фирма, заказавшая станок в Советском Союзе. Однако собранный в Японии станок вдруг захандрил, быстро перегревался, грозя выйти из строя. Фирма готова была расторгнуть контракт, и теперь от советского специалиста зависела его дальнейшая судьба.

— Ну, приятель, рассказывай, что с тобой приключилось,— говорил вполголоса Наседкин, обращаясь к станку, словно к живому существу. Впрочем, ему эти металлические создания, умевшие фрезеровать, строгать, сверлить, растачивать металл, всегда казались живыми — каждый со своими привычками, с собственным голосом, иногда даже со своими капризами. Может быть, и у этого тоже капризы? Но капризничать лучше дома, а не в гостях.

Наседкин включил станок и напряженно ждал, вслушиваясь. Тот вначале заговорил голосом чистым, мощным и внятным, потом вдруг сбился с ритма.

Конечно, если бы это был станок с его родного «Тяжстанкогидропресса» в Новосибирске, где работал Наседкин, то он и с закрытыми глазами отыскал бы причину. Но свой станок он сдал уже давно, после чего наладил и пустил еще двенадцать различных советских станков, купленных японцами. Этот был тринадцатым...

Что же с ним? Заготовка вроде бы закреплена надежно. Стоп, стоп, стоп... А это что? Понятно! Тут японцы забыли поставить дополнительную опору, она непременно должна быть в чертежах. Ну-ка полистаем. Да, так и есть, в чертежах опора показана, а они забыли.

Подошли японцы. Стояли, смотрели на слесаря в терпеливом ожидании.

— Ничего не получилось, Наседкин-сан? Но вы не огорчайтесь...

— Спасибо за сочувствие, но со станком все в порядке. Вот взгляните-ка на чертежи...

Через полчаса станок работал нормально. Японцы же так и остались при своем мнении, что к ним приезжал талантливый инженер-механик, но никак не слесарь. И вот тут я с ними готов согласиться, хотя точно знаю, что они не правы... Впрочем, судите сами.

Одним из первых в стране завод «Тяжстанкогидропресс» приступил к изготовлению и сборке уникальных станков с числовым программным управлением. Дело

Михаил Васильевич Наседкин.

это тогда поручили бригаде Наседкина, который в процессе сборки и отладки станка внес 49 различных предложений в проектную документацию, позволяющих улучшить конструкцию и технологию сборки станка. Конструкторы только руками разводили, звали его работать в свое КБ, но слесарь отшучивался.

— А почему и в самом деле не стать инженером? — спросил я как-то Михаила Васильевича.

— Зачем? — удивился Наседкин.— Тогда придется расстаться со сборкой станков, а это — мое любимое дело.

Пожалуй, в каждом новом станке, разработанном конструкторами завода, есть усовершенствования, внесенные Михаилом Васильевичем.

— Вас не задевает такая въедливость Наседкина? — спросил я как-то конструктора.

— Откровенно говоря, иногда задевает, но, подумав, поостыв, приходишь к выводу: хорошо, что есть такой неравнодушный человек. Он тебя беспокоит, тревожит, раздражает, заставляет хорошенько подумать. А что было бы, если б он добросовестно, старательно, со знанием дела исполнял только «от» и «до», только то, что от него требуют? Наверное, нам было бы спокойнее, но делу, общему нашему делу — хуже. Нет, хорошо, что Наседкин не равнодушный исполнитель, а творец. Потому-то и стал он лауреатом Государственной премии СССР.

Новосибирский «Тяжстанкогидропресс» дал первую продукцию в суровом 1943 году. Костяк коллектива составили рабочие Ленинграда, Краснодара, Краматорска и молодежь, а то и подростки Новосибирска, ставшие впоследствии рабочей гвардией завода. Семиклассник Миша Наседкин, так же как и многие его сверстники в те годы, рано стал взрослым. В том памятном 43-м его отец пал смертью храбрых в боях за Родину. Пришлось Мише, старшему из шестерых братьев и сестер, начать работать. В свои четырнадцать лет он уже мог отремонтировать сенокосилку, комбайн, трактор. Такой уж талант у парнишки открылся. Он окончил курсы трактористов, и его, как первого ученика, наградили ботинками и двумя килограммами крупы. И стал он пахать землю, сеять хлеб и убирать урожай. Потом служба в армии, старшинские погоны, а после окончания службы — раздумья: что дальше? Можно было вернуться в свой колхоз, но он прослышал, что есть в Новосибирске завод, где собирают невиданные в мире станки.

— Целый год собирают один станок,— распалял его воображение случайно встреченный в городе односельчанин, который недавно поступил на завод.

«Что же это за станок? Разве бывают такие? — сомневался отставной старшина. — Пойду взгляну,— уговаривал он себя,— а если не понравится, уеду». Он взглянул — и остался. Было это четверть века назад.

— Правда ли,— спросил я директора «Тяжстанкогидропресса» Игоря Капитоновича Сидорова,— что ваш завод изготавливает сверхсложные станки, сборка и наладка которых занимают целый год?

— Случается и такое,— ответил директор,— случается. Это ведь не серийные станки, а, как выражаются архитекторы, созданные по индивидуальному проекту, очень сложные машины. Наша гордость — современные горизонтально-расточные и горизонтально-фрезерно-расточные станки различных моделей, мощные гидропрессы. Но завод выпускал и тяжелые карусельные станки, прессы для пакетирования хлопка, для гидравлического испытания труб, мощные насосы, аккумуляторные станции...

— Когда начиналось освоение целины,— добавил секретарь парткома Геннадий Михайлович Живетьев,— наши цехи получили особое задание — изготовить для целинников молотильные барабаны к комбайнам С-6. Так что и мы в некотором роде причастны к подъему целины...

— Да,— подхватил директор,— вот об «Уралмаше» говорят: завод заводов. А знаете ли вы, что без наших тяжелых станков и «Уралмаш» не мог бы работать? Что нашими станками оснащены «Электросила» и Металлический завод в Ленинграде, предприятия Харькова, Новокраматорска и других центров тяжелого машиностроения? И вообще нет, пожалуй, в стране крупного завода, которому были бы неизвестны станки «Тяжстанко-

гидропресса». На них обрабатываются детали мощных электрических машин для тепловых, атомных и гидроэлектростанций, детали мощных прокатных станов, экскаваторов, судовых дизелей и другого оборудования тяжелой индустрии. Наша продукция отправляется в двадцать шесть стран мира, причем покупают ее такие искушенные в машиностроении страны, как Франция, ФРГ, Италия, Япония, Австрия...

...В пятом сборочном собирали станки с числовым программным управлением. Вряд ли что другое дает столь яркое представление о труде, как эти громадины, состоящие из тысяч деталей. Наседкин, в беретике, в простеньком полосатом пиджачке и промасленных брюках, ходил хмурый и недовольный, держа правую руку у сердца. В него били светом юпитеры кинохроники, на которые он не обращал ни малейшего внимания. Зато бородатый кинооператор сиял от счастья. Назревал конфликт, которого, по мнению режиссера, как раз не хватало в фильме. В станке при перегрузке (чего, возможно, никогда не будет в период эксплуатации, но Наседкин хотел предусмотреть и такой вариант) заклинило муфту. Что же, всякое может случиться в работе, но дело в том, что на предыдущей сборке произошло точно такое же. Не буду вдаваться в технологию, скажу лишь, что в тот раз Наседкин предложил простой и эффективный метод устранения дефекта и повышения надежности станка. Конструктору надо было только внести небольшую поправку в проект, и все. Этого почему-то не сделали, и теперь Михаил Васильевич ходил, хватаясь рукой за сердце: переживал. На пятки ему наступал режиссер, жужжал:

— Ты его, Михаил Васильевич, ругни как следует, ругни конструктора-то...

— Я его сейчас ругну,— пообещал Наседкин и пошел к станку.

Тут как раз появился конструктор, подошел вместе с Наседкиным к злополучной муфте, и оба склонились над ней. О чем-то мирно поговорили и тихо разошлись в разные стороны. Сияли юпитеры, в их блеске стоял режиссер, держась за сердце. Подошел Михаил Васильевич и сказал:

— Ну, я его ругнул, как просили. Теперь проект исправят.

А станок на следующий день работал как часы, и Наседкин ходил веселый. Юпитеры исчезли, работать никто не мешал. Толстые шланги тянулись от станка к металлическим шкафам, набитым электронными блоками — памятью и разумом станка. Светился телевизионный экран на пульте управления, и Наседкин, взглянув на него, сказал:

— Хороший станок.

Он всегда так говорил, когда кончал работу.

ЯЧЕЕ

КАНУН ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

«Первый могучий порыв весны шумно и широко катился над суровыми далями,— пишет в одной из глав своего романа «Касьян остудный» Иван Акулов.— Все оживало и все менялось на глазах».

Весна обновления чувствовалась не только в природе, но и в жизни сибирского села Устойное, в укладе и самой психике крестьян: начиналась коллективизация.

Сибирский крестьянин издавна находился на особом положении: обилие земли и отсутствие помещичьего землевладения позволяли ему жить если не слишком сытно, то и не впроголодь,— умей лишь трудиться... «Живем в вольной Сибири, знай ломи — и на работу пойдешь в бархате»,— рассуждает один из главных персонажей романа Федот Кадушкин.

Показательна судьба Федота Федотыча. Начав после революции и гражданской войны буквально на голом месте, он в момент описываемых событий, что называется, в силе: имеет большое и крепкое хозяйство, стремится к его расширению, заводит машины, сезонников нанимает не торгуясь... Еще он не кулак, вроде Ржанова или братьев Окладниковых, но уже и не середняк. Наделенный цепким умом и сильным характером, оборотистостью, он задает темп жизни села, позволяет себе демагогические выпады: «Какой я к черту мироед. Лонись по одному налогу хлеба сдал государству столько, сколько околоток за десять лет не сдавывал». Привлекают в Кадушкине такие черты характера, как трудолюбие, преданность земле: «Я отродь хлебороб. И землю, нашу кормилицу, матерь матерей, люблю, наверно, больше детей своих...» Он за то, чтобы «каждый понимал себя на земле и хозяином, и работником, вечным, добровольным и удачливым», презирает лодырей типа Ваньки Волка и Егора Сиротки, бравирующих собственной нищетой (и такие водились!). «Ты, Титушко, трутень,— бичует он одного из них,— за всю свою жизнь единого колоска не вырастил, никакой животинки не вскормил, а пить-есть просишь».

Осознавая свое место в жизни, Кадушкин наставляет сына: «Мы, Харитоша, самые необходимые люди для Советской власти. Пахари мы. Опора».

Однако при всем при том Кадушкин — убежденный собственник, ради лишней копейки он не щадит ни себя, ни детей, трудится от зари до зари и не находит в этом ни успокоения, ни счастья. «...Федот Федотыч не доверял людям, ни близким, ни дальним, знал только свою песню»,— пишет Акулов, размышляя над противоречивой натурой своего героя.— «...Он умел радоваться только приплоду скотины и не понимал радости от рождения собственного ребенка».

Поняв трезвым, практичным умом, что «без колхоза в селе не будет жизни», Кадушкин в то же время не смог этого принять сердцем, обуздать частнособственнические инстинкты — и погибает.

Вместе с Кадушкиным уходит в прошлое целая полоса в истории русского, в том числе и сибирского, крестьянства. Старые формы хозяйствования исчерпали себя, новые же еще предстояло найти людям вроде Власа Зимогора, Якова Умнова и Аркадия Оглоблина.

Колоритный и противоречивый образ последнего — большая удача писателя. Аркадий Оглоблин годится в сыновья Федоту Кадушкину, однако уже во многом преуспел, заслужив его благосклонность и уважение: так же лют в работе («мать и сестру в гроб вгонит, а запасется хлебом»), предприимчив и целеустремлен, «в зажиток лезет, жаждая стать «справным хозяином». Но в то же время Аркадий не остается в стороне от того великого обновления, которое происходит в стране, способен принять новое в жизни, заглядывать в будущее: «А потом и в колхоз можно, не на худо же их придумали. Все межи запашем. Эти межи всю жизнь людей разделяют».

Полевая чересполосица той поры усугублялась борьбой мнений о путях развития сельского хозяйства — и на высоких трибунах и в табачном дыму сельских сходов... Все это нашло отражение в романе Ивана Акулова, ярко и достоверно воссоздающем драматизм трудных лет, когда закладывались основы нашего нынешнего благосостояния, мощи Отечества.

Иван ИСАЕВ

Иван Акулов. Касьян остудный. Роман. М., «Современник», 1978, 480 стр.

60-летию ленинского декрета «О лечебных местностях общегосударственного значения» было посвящено торжественное заседание Центрального совета по управлению курортами профсоюзов, состоявшееся в Колонном зале Дома союзов. Только в этом году в санаториях, домах отдыха, профилакториях и на туристических базах отдохнут свыше 50 миллионов трудящихся нашей страны.

На снимке: А. Саруханян, главный врач санатория «Нарзан»; З. Шкулова, заместитель председателя территориального совета по курортам профсоюзов в Кисловодске; А. Пышкин, председатель Калужского областного совета по курортам профсоюзов; Е. Гринченко, главный врач санатория «Анапа», заслуженный врач РСФСР; И. Герасимов, председатель Смоленского областного совета по курортам профсоюзов.

Фото А. Награльяна.

ВИЖУ ПАРУС!

Николай БЫКОВ

Фото Глеба КОСТЕЦКОГО, капитана дальнего плавания

Фонотека, собранная человечеством, хранит немало восклицаний огромной эмоциональной силы, однажды услышанных всеми людьми земли сразу. До сих пор звучат «Эврика!» Архимеда из Сиракуз, отчаянное «А все-таки она вертится!» Галилео Галилея и, конечно, «Земля!» безымянного марсового с колумбовой шхуны «Святая Мария»... Не забыть грядущим поколениям короткого выдоха «Поехали!» молодого Юрия Гагарина. Слово привычное, а содержало оно информацию настолько новую, что сознание долго еще осваивало смысл услышанного.

А до ракетных движителей был парус. Он помог человеку еще в незапамятные времена выйти за тесные окоемы материков, заглянуть за кривизну Мирового океана. Окрыленные парусами люди отдавались воле ветров. Их носило по незнакомым широтам подчас так долго, что поднять на ноги обессиленных мог только вопль полуслепого от соленого ветра впередсмотрящего: «Земля!»

Однажды я слышал крик примерно той же взрывной силы: «Парус! Я вижу парус!»

Дело было летним днем на рижской набережной. Между небом и солнечной водой летели, надвигались ослепительно белые паруса неведомого красавца. И все, кто был тогда на набережной, оглянулись на детский возглас: «Парус!» Столь необычны в эпоху НТР крылатые корабли.

По реям уже вполне различимого корабля разбежались и стали по местам фигурки матросов. Они замерли, очевидно, ожидая команды снизу убрать паруса. Мне тогда по-детски остро хотелось услышать те морские команды. Но свежий ветер взморья не доносил ни одной.

А ведь как звучит: «Марсовые к вантам, на фок и грот!.. На брамсели и бом-брамсели!.. Брам и бом-брам-шкоты тянуть, фалы поднимааай!» «Хорошо-с... Тонкость, что твоя математика!» — справедливо замечал чеховский свадебный генерал, оказавшийся отставным контр-адмиралом, который полагал, что тут всякое незначительное слово имеет, так сказать, свое таинственное недоумение...

Сейчас еще большее число обитателей городов и прочих поселений ни аза не знает из лексики тех совсем немногих счастливчиков, которые и в конце нашего XX века плавают под парусами. А вот такому морскому волку, как, скажем, старшему боцману «Крузенштерна» Эдистону Григорьевичу Ковалеву, наверняка подвластны сложнейшие словесные формулы команд и веками проверенный порядок подъема и уборки парусов.

О судне мне рассказали и главный штурман Управления руководящих кадров и учебных заведений Министерства рыбного хозяйства СССР, автор фотографий на цветной вкладке Глеб Николаевич Костецкий и Виталий Николаевич Кондраков, ходивший на «Крузенштерне» вторым помощником капитана.

Четырехмачтовый барк «Крузенштерн» — флагман учебного флота Минрыбхоза. Говоря высоким стилем, под сенью его парусов ежегодно встречаются два поколения: маститые мореходы и совсем еще юные курсанты отечественных морских учебных заведений, будущие штурманы и капитаны. Нелегко стать моряком вообще. Но рыбак (то есть труженик нашего рыбного флота) — дважды моряк. Без выучки на паруснике таковым не станешь. На окрыленном парусами корабле они познают себя и свои человеческие возможности, проверяют не окрепший еще организм на морскую болезнь и на боязнь высоты, учатся подниматься на ветер.

Барк был спущен на воду более полувека назад, получив тогда название «Падуя». Он был последним из серии грузовых парусников-великанов, призванной удовлетворить страсть к парусам одного из могучих и расчетливых судовладельцев Германии. Во время второй мировой войны барк был лишен парусов и использовался как баржа. В 1946 году на его гафеле подняли советский флаг. Судну дали имя великого мореплавателя и признанного воспитателя молодых моряков Ивана Федоровича Крузенштерна. Барк как бы родился вторично. Красавец оделся в паруса. И сейчас он не знает конкуренции по водоизмещению и оснастке среди оставшихся парусных судов. И если иные спортивные парусники, яхты своего рода забава для взрослых, то «Крузенштерн» по всем статьям настоящий корабль — стальной корпус, стальные мачты, стальной рангоут. Когда Эол наполнит все тридцать два паруса, то барк летит со скоростью до шестнадцати узлов!

Не только поэтично, но очень профессионально написал Лермонтов о белеющем парусе: «А он, мятежный, просит бури». «Крузенштерн» из тех, кто оживает на свежем ветру. Его капитаны всегда искали шторма в море. Ибо при сильном ветре старый барк молодеет. И тогда наступает серьезнейшее испытание для двухсот курсантов. Работать наверху — все равно, что виснуть за решеткой балкона шестнадцатого этажа. Да не просто виснуть, а именно работать с парусом, терпеть бешеный натиск ветра, сохранять мужество, а потом еще с видом бывалого моряка сойти на твердую палубу, которая во сне долго еще предательски уходит из-под ног...

«Оморячить» курсантов — задача опытных моряков учебного судна. Барк имеет, конечно, и мощные дизельные двигатели и современное навигационное оборудование. А вот лебедки, шпили — ручные. Каждое утро курсанты взлетают на мачты, расходятся по реям. Физзарядка! Риск? Да... Но только так можно душу живу оморячить.

В наши дни по всем морям-океанам под парусами ходят не более двух десятков подобных крупных судов. Вот почему каждый раз так волнует появление паруса. В душе оживают страницы бессмертных лоцманов нашего детства Дефо и Стивенсона, Верна и Грина! Океанские лайнеры, танкеры и сухогрузы почтительно уступают морскую дорогу редким кораблям с полотняными пирамидами парусов. Они уступают дорогу красоте! А как музыкальны названия летящих по волнам: бригантина, фрегат, галеон, баркентина, шхуна...

Существует Международный союз учебных парусников. Раз в два года проводит он свои сборы, получившие название «операция «Парус». Таких праздников на воде было уже тринадцать. Со всего мира сходятся в одном порту парусники, чтобы курсанты разных стран, будущие моряки, познакомились друг с другом. Экипажи соревнуются по интересной и насыщенной программе, показывают выучку, обмениваются опытом, участвуют в популярных морских гонках. Кстати, наш «Крузенштерн» участвовал в трех регатах и обязательных парадах парусов, которые привлекают внимание многих романтиков, поклонников морской старины. Чувство гордости за свою социалистическую Родину, ее флот неизменно наполняет юные души курсантов, когда они встречают на своем судне бесконечную вереницу гостей. Так было в Нью-Йорке, Осло, Амстердаме, Касабланке, Гетеборге.

Да, замечательно внимание к парусу в век научно-технического прогресса. Человек, пересекающий морскую даль под парусом, никогда не нарушит экологического равновесия в природе, не оставит нефтяных пятен на голубой дороге, не выбросит жирных дымов в лазурное небо, не рассечет пополам редкого обитателя морских пучин. В этом единении с живым окружающим миром заключен источник великой тяги к необычным для нашего времени крылатым кораблям. Как и вспыхнувшая недавно тяга к летающему парусу дельтаплана! И к «электронному парусу» фантастического звездолета, наполненного квантами солнечного ветра...

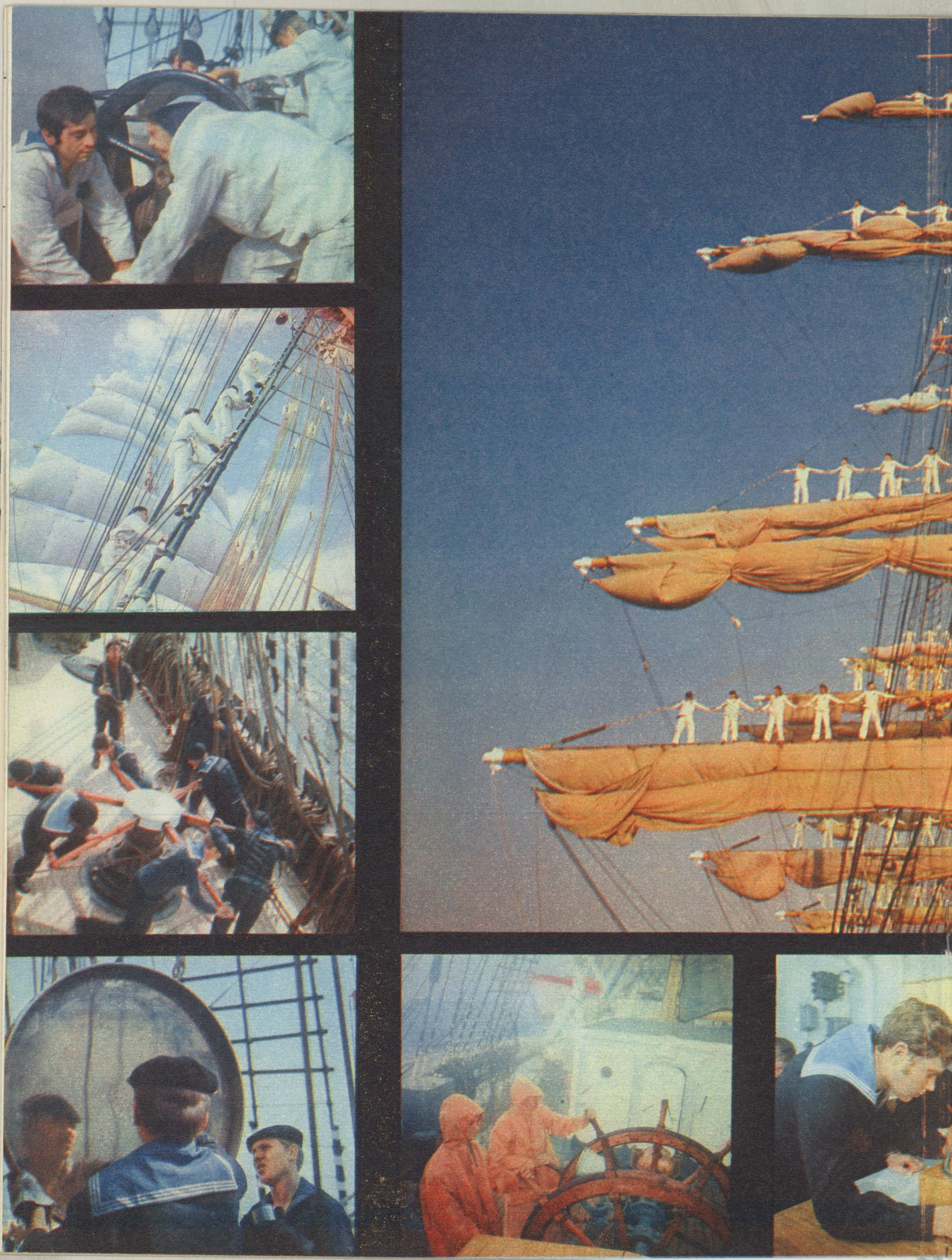
...Вижу парус! Завидую тем немногим избранникам судьбы, которые смолоду принимают «морскую купель» под полотняную песню парусов.

●

«Крузенштерн» ждет ветра. * Старт гонки в Гетеборге. * Шведы пришли в гости к нашим юным морякам.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Крузенштерн» на параде парусов (в центре). * Парусный аврал. * «Пошел все наверх!» * Шпили на судне ручные... * Курсанты драят туманный гонг. * На руле. * Изучают звездное небо. * Урок английского языка. * Штурман должен владеть секстаном. * Над морем... * Посетители оставляют восторженные отзывы. * Курсанты сами пекут хлеб.

Микола НАГНИБЕДА

ДЕНЬ ДОБРЫЙ ВАМ!

●

Когда еще неслышно сны идут
С околиц в лес укрыться
От зарницы,
А в травах, как зерно, росу клюют
Рассветные, непуганые птицы;
Когда навстречу солнцу тополя
Бредут по пояс
В голубых туманах,
Когда вода в ручьях, бурля,
Бежит, чтоб раствориться
В океанах;
Когда, как ангелы с иконы,
Малыши
Сквозь сон улыбкой светят
В каждом доме,
И самолеты в утренней тиши
Берут свой первый старт
На аэродроме;
Когда рассветов чистых доброта
Меня возносит высоко
Над светом,—
Душою просветленною тогда
Всему и всем
Я отзовусь приветом:
— День добрый, мой давнишний,
Добрый друг,
День добрый,
Люди, травы, звери, птицы,
Суровый север и радушный юг,
Восток и запад, страны и столицы!
День добрый нивам,
Проходным, цехам,
Улыбкам искренним
И нехолодным,
Еще бунтующим в душе стихам
И не дописанным еще полотнам.
День добрый вам, работа,
Доброта
И правды нашей трудовой
Стремленья,
День добрый, вековечная мечта
Всечеловеческого единенья!
День добрый вам!
День добрый вам!

●

Будет время другое
И другие поэты,
Будут странствовать люди
На другие планеты;
И откроет нам тайны
Неизвестные вечность,
На Земле воцарятся
Доброта, человечность;
Места тюрьмам не будет
И всемирным раздорам,
Гнев людей станет высшим
Для людей приговором;
И не будет в сраженьях
Кровь солдатская литься,
И всем людям на плечи
Будут птицы садиться;
И не будет кордонов,
И исчезнут секреты,
Высшей радостью станет
Труд для юной планеты;
Все для всех и для каждого —
Станет законом,
И обнимутся травы
Со стеклом и бетоном;
Станет братство священным
Для земных поколений,—
И у каждого в сердце
Вечно жить будет Ленин.

●

Штормите в грудь мою, моря,
Влетай мне в душу, ветер,
Гори всегда звезда моя,
Единственная в свете.
Долой глухих углов уют
И без труда удача,
Ветра пускай в меня все бьют
И вьюги все в придачу.
А вам, года мои, лететь
В неведомые дали,—
Пусть корабельных склянок
медь
Звенит сильнее стали.
Штормы, мятежный дух, во мне,
Дерзай по высшей мере —
Ведь нету счастья в тишине
Ни мужеству, ни вере!

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Я жил средь поэтов чудесных
В певучей моей стороне,
И чистое пламя их песен
Сияло и мне и во мне.
Я жил среди смелых и честных
И духом высоких певцов,
А их поднебесные песни
Рождались из песен отцов,
Из душ кузнеца и солдата,
Из трав, где сверкает роса...
И город, и поле, и хата
Любили певцов голоса.
Любили... И так почитали
За мудрые думы певца,
Что нам открывали все дали
И полнили солнцем сердца!
Я жил среди гордых Боянов,
Что верили в правду одну
И песню свою постоянно
Ковали в огне, как броню.
Священное это стремленье —
Не тлеть угольком, а пылать,
Священное это уменье —
Корнями глубин достигать.
Я жил средь поэтов чудесных
В певучей моей стороне...
И чистое пламя их песен
Сияло не только во мне.

СЕЮТ ЛЮДИ...

Теплый ветер овеял поля,
Словно парус,
рубашка надулась,—
Синим паром исходит земля...
Украине весна усмехнулась.
Я стою на Чернечьей горе —
У великой могилы Тараса,
И могучие ветви дерев —
Как сплетенье живое каркаса,
Что шатром обернула весна,
Молодою листвою узоря...
И взрывалась грозой тишина
Там, внизу,—
Возле нового моря.
Вровень с сердцем моим —
Птиц весенних ключи,
Облаков за плечами отары...
— Тише, путник, постой,
Помолчи, помолчи! —
Под корнями деревьев удары...
Гром и звон!
Из глубин эти звуки слышны —
Родников ли тугие набаты
Или встали на гул канонады
солдаты,
Те, что пали здесь в годы
войны?
Спите...
Спите...
Не льется горячая кровь,
И земля не слезами умыта —
Засевает ее человечья любовь,
И родит она чистое жито.
И за морем-Днепром
Сеют люди хлеба...
Миг прекрасный,
Извечный и сущий!
Это трудная радость людей
и судьба —
Верить в счастье и колос
грядущий.

ПАМЯТИ М. ЛУКОНИНА

Мой вечерний,
Мой последний друже,
Мой сердечный, брат мой
дорогой,
По тебе досель дорога тужит,
Что бежит равниною степной.
Та дорога,
Что несет от моря
Нам прибоев пенистых привет,
Спрашивает,
Черная от горя:
— Где ж волгарь?
Все нет его и нет...
Я ж постлала,
Как у нас ведется,
Из ромашек и росы ковры,
До краев наполнила колодцы
Чистотою утренней зари...

Где он, где? —
Печалится дорога.—
Где теперь лежат его пути?..
Гложет и меня печаль-тревога:
Уж давно пора тебе прийти.
Ведь, служа поэзии и миру,
Нынче здесь ты, а назавтра
там...
Обещал — вернешься из
Алжира,
Отдохнешь немного... да
и к нам.
Я не раз дороге, утешая,
Говорил: мол, сам грущу-тужу...
Не дождется, знать, его
степная.
Только я ей правду не скажу...

●

Те, что с нами горы раздвигали
И моря в пустынях создавали;

Те, что с нами сеяли и жали
И на свадьбах весело гуляли;

Те, что с нами за столом
сидели,
Песни грустные и радостные
пели;

Те, что с нами за Дунай
ходили,
Людям хлеб и волю приносили;

Те, что шли в атаку рядом
с нами,—
Из-за гор приходят вечерами...

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ.

* Круто к ветру!

ТВОРЕЦ «РУС

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Л. М. ЛЕОНОВА

Евгений **ОСЕТРОВ**

Фото Дм. Бальтерманца

Есть в библиотеке моей заветная полка. Поставлены на ней книги — разные, но непременно дорогие, памятные, связанные с важными делами, событиями, встречами... Бережно снимаю скромно изданный сборник, напечатанный на шероховатой газетной бумаге сороковых годов,— «Статьи военных лет» Леонида Леонова. Перечитываю написанный изысканным почерком автограф писателя и затем открываю книгу наугад. Проза звучит как самые возвышенные стихи: «Хороша, ясна, заманиста снежная даль юности... Пусть веселит кровь, жжет нам щеки докрасна морозный ветерок: это и есть жизнь. А ну, хлестни своих коней, возница!»

Удивительное и еще не оцененное в полной мере явление — публицистика, созданная Леонидом Леоновым на страницах периодики в военную пору. Писатель постоянно публиковал статьи в «Правде», «Известиях», «Красном флоте»... Они представали перед читательским взором рядом с приказами Верховного Главнокомандующего, фронтовыми сводками, сообщениями журналистов, снимками, телеграммами и т. д. Они пользовались жадным вниманием на фронте и в тылу. Когда умолкли пушки и отзвучали победные салюты, «Правда» выпустила в свет леоновские «Статьи военных лет».

Я открываю книгу и читаю написанное Леонидом Леоновым в сорок первом и в последующих огненных годах; в стиле писателя есть периоды, заставляющие вспомнить о могучем смысле военной присяги:

«Народ сравнивает гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого рогатиной встречали бывалые русские богатыри. Известно, что даже когда лезвие уже глубоко уходило в волосатое изнемогающее тело, зверь все еще продолжал свое движение. Он напирал, не замечая боли и сознавая чутьем, что остановиться даже ненадолго — значит рухнуть замертво мордой в снег» («Наша Москва»).

«Второй год от моря до моря, не смолкая ни на минуту, гремит стократное Бородино» («Твой брат Володя Куриленко»).

«Нам было тяжко... весь народ, от маршала до бойца, от наркома до курьерши, понимал, какая ночь наступит на земле, если мы не устоим» («Утро победы»).

И, наконец, то, о чем мечталось с первого военного дня:

«Пушки одеваются в чехлы. Милые лесные пичуги недоверчиво обсуждают наступившее безмолвие» («Имя радости»).

Титаническую работу Леонова-публициста мне хочется сравнить с летописными бдениями пушкинского Пимена, размышлявшего над хартиями о судьбах земли оттич и дедич. Делая погодные записи, сам того не подозревая, Пимен, вразумленный книжному искусству, творил высокую словесность. Только теперь, на расстоянии десятилетий, отойдя от огнедышащих событий, мы, читая и перечитывая, особенно отчетливо видим, какой естественной художественной красоты исполнены статьи Леонова. С годами проступили наружу их несравненно прекрасные эстетические достоинства — в военную пору сердца поднимал в атаку их действенный смысл.

Леоновская военная публицистика и ныне подобна набатному колоколу — она звучит, переливается, зовет к движению-действию... Ее гамма разнообразна, невольно вспоминаешь прославленные «ростовские звоны», воодушевлявшие предков.

* * *

Роман «Русский лес» должен быть назван среди самых выдающихся художественных творений двадцатого столетия. Написанный в начале пятидесятых, «Русский лес» воспринимается ныне, в канун восьмидесятых, с такой завидной остротой, что кажется только-только вышедшим из-под пера.

Леонид Леонов создал обобщающий образ, символизирующий Россию. К Родине обращается писатель со всеми думами и помыслами своими. Имя ее вызывает неизменное чувство благодарной нежности. Художник ведет нас по кругам действительности, заставляет увидеть малое и великое, трагическое и счастливое, подлость и благородство. Писатель рисует душу крестьянского ребенка и создает предельно точный психологический портрет ученого-лесничего Ивана Вихрова, носителя лучших свойств национального характера, образы тех, кто сокрушил врага в тяжелую годину Великой Отечественной войны; под его пером проникновенно, во весь голос заговорили герои войны — философы, размышлявшие в канун смертного испытания о вечных вопросах бытия, о жизни и смерти, об исторических путях страны. Спокойно, несуетно, тихо, в стороне от ярмарки тщеславия совершает научный и трудовой подвиг Иван Вихров, человек завидного душевного здоровья.

У писателя свой счет времени. Действие в романе развертывается в годы Отечественной войны, но автор так строит композицию произведения, что читатель попадает то в лесную пустошь, где живут обитатели языческих времен, то в избу мужика или дворянскую усадьбу дореволюционной поры, то в кухмистерскую в Питере, то в предвоенную Москву, то на передний край обороны...

Мастерство соединения в единое целое в «Русском лесе», редкостное само по себе, отступает, на мой взгляд, на второй план перед волшебством языка. На окружающий мир художник накинул заколдованную сеть языка — меткого, певучего, богатого, гибкого, сверкающего радугой после майского ливня. Романист пишет как народный, точнее, как национальный поэт. В его словах — простых и нарядных, мы находим всю полноту жизни народа и века, рисуемых в их органической непосредственности. Белинский говорил, что слог — это сам талант, сама мысль, в слоге весь человек; поэтому слог и оригинален, как личность и характер. Для нас язык и стиль

СКОГО ЛЕСА»

Леонова — драгоценная сокровищница, к богатствам которой будет обращаться не одно поколение. Противопоставляя золотую русскую речь языковой засухе, суконной словесности, казенным заплесневелым штампам, писатель продолжает традиции, связанные со словесной живописью Аввакума, Гоголя, Лескова... Общая же художественная мысль «Русского леса», энциклопедически вобравшего в себя существенные стороны действительности в ее характерных чертах, просматривается в образе лесного родничка в овражке, чья живая вода не иссякнет.

* * *

Встречаться с Леонидом Леоновым поучительно и интересно. Мне выпало счастье постоянно общаться с многими мастерами слова, но не знаю, не встречал собеседника более пленительного и глубокого, чем Леонов. О, эти не такие уж и частые прогулки-разговоры... Ночные улицы Москвы, аллеи в Переделкине или писательский кабинет в квартире, что неподалеку от Тверского бульвара,— о последнем можно, пожалуй, сказать, что по нему прошла едва ли не вся литературная Россия.

Приехал в Переделкино, не предупредив, и застал Леонида Максимовича у костра, сжигающего прошлогодние остатки сухого кустарника, ботвы, валежник. Обратил внимание на руки писателя — подвижные, умные, цепкие, в ссадинах. Он любит столярную и всякую иную снасть и говорит о том, что перо — только одно из его орудий. Начал я выписывать из книг и записывать услышанные в разговоре леоновские крылатые фразы. Но убедился, что это труд не кратковременный. Афористичность пронизывает сказанное и написанное им. И мы руками своих предков пахали поля истории,— емко, точно, образно. И какие открываются за словами дали...

Однажды поехали на берег Яузы, в Андроников монастырь, ныне музей имени Андрея Рублева. Речь, конечно, зашла о древнерусской культуре и ее современном постижении. Я сказал Леониду Максимовичу, что в ранних его повестях и рассказах угадывается знакомство с поэтикой старых письменных памятников.

— В детстве,— рассказал Леонов,— я читал Киево-Печерский патерик, восхитительный сборник монастырских преданий. Это была одна из моих любимых книг. Живость, простота, красота подробностей. Письменное слово предельно приближенно к устному, звучащему... Таким образом, патерик производил наибольшее впечатление. И «Слово о полку Игореве», как материнская ладанка, всегда было со мной.

* * *

В рабочем кабинете писателя висит «Сиверко». Илья Семенович Остроухов сделал для Леонова в двадцатых годах, когда они и подружились, повторение своей знаменитой картины. Духовное родство художника тонкой кисти, крупнейшего собирателя древнерусской живописи, многолетнего попечителя Третьяковской галереи с прозаиком, сравнительно недавно ступившим на литературную стезю, представляется мне знаменательным. Происходила как бы смена караула или, наверное, точнее — передача живого огня культурной традиции. Остроухов, человек великого чутья, подчеркивает Леонов, был «пожизненно болен Россией».

Если говорить об образах русской природы, то можно, несомненно, отметить близкую сходственность того, что Остроухов воссоздавал красками, а Леонов словами. Перед нами не просто пейзажная лирика, а природа, живущая в сердце, воспринятая «незримыми духовными очами». Не вид местности, а то родное и близкое, что получается в дар от рождения, что надо беречь всю жизнь, больше, чем зеницу ока.

Общность была не только в этом. Коллекционерство — а Илью Остроухова можно считать идеальным собирателем живописи — прекрасная школа дисциплинарной и культурной выучки. Долгими московскими зимними ночами беседовал пожилой Остроухов с молодым прозаиком в доме, где все стены были увешаны творениями старых мастеров. Илья Семенович, вспоминает Леонов, старался быть точным во всем и учил ставить на месте не только точку, а там, где нужно, непременно точку с запятой.

Напомню также и о том, что Илья Остроухов принадлежал некогда к абрамцевскому художественному кружку, где стремились возродить подлинное народное искусство (не стилизацию, не подделку), где господствовал проникновенный интерес к отечественному, где творили Репин, Виктор Васнецов, Поленовы, Нестеров, Коровин, Врубель... В рассказах Остроухова недавнее былое оживало. Вот какие золотистые нити тянулись к ночным беседам.

— На всю жизнь я благодарен ему,— говорит Леонид Максимович.

И. С. Остроухов даже написал для друзей шуточную биографию Леонова. Ныне она хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Привожу ее целиком:

«Леонид Максимович Леонов родился во второе новолуние года коровы, сразу двадцатилетним вьюношей, в день, когда за Пестюрьковским болотом прохожий юрод услыхал Мезгу, и когда в зенит полуденного неба усердно заковырял в носу лупоглазый мальчик, из-за горизонта дымкой пели истово голубые и лиловые петухи. Уродившись верблюжьей корпуленции и ростом с девятилетнего жирафу из лукоморий Хорезма, он быстро утомил светлых духов, приставленных к его калафатовой колыбели, чтобы качать, так что лучезарные вынуждены были сдать это дело трем дьяволицам, которые когда-то охраняли сундук с человеческой радостью. Крещен он был достопамятным, во блаженном успении, игуменом Мельхеседеком, в миру Митрохой Лысым, по пьяному делу. А вскормлен молоком лунного света с выжженных команских степей. Первыми товарищами его младенческих игр были разные кривули, окаяшки, бурыги и другая лесная, тутошняя и нездешняя мелкая нечисть. Когда же подрос он, к нему приставили гувернером ферта. Ферт принялся за дело так энергично, что в несколько мгновений научил его резать из дерева всяких чертей и гадов и выработал из него славного писателя, способного куда скорее чем в сорок дней и сорок ночей затопить новым, ужаснейшим литературным потопом не только цветущую и гниющую землю нашу, но и все остальные шары, вертящиеся вокруг солнца. В первую же ночь своего творчества Леонид Максимович написал 15 рассказов и сказок, предлагаемых ныне вниманию благосклонных читателей. Восемьсот пятьдесят тысяч издателей всех стран света добиваются чести издания плодов этой первой творческой ночи нашего чудо-писателя, и мы рады, что честь эта осталась за нашим уважаемым издательством.

Подпись —«Буякин»
«И. О.»

Примечательно и возникшее в наши дни увлечение Леонова живописью Василия Осиповича Кирикова, происходившего из Мстеры, давнего владимирского художественного гнезда, создавшего копии рублевских творений,— такие, что даже знатоки с трудом отличали от оригинала. Пейзажи Кирикова (их, к сожалению, не так-то уж и много) — живописные жемчужины.

* * *

Всегда интересно оглянуться и увидеть, как начинался путь художника, где истоки того, что дало широту, мощь, глубину его творчеству. Нам, знающим Леонида Леонова в пору его славы, трудно себе представить его в роли юного стихотворца, приносящего стихи в архангельскую газету «Северное утро». А между тем... Отцом романиста был поэт-самоучка Максим Леонов, член Суриковского литературно-музыкального кружка, писавший под псевдонимом Максим Горемыка. Отбывая ссылку на севере, Горемыка издавал газету, в которой и пробовал перо его сын. Но этот самый ранний и основательно забытый период еще не был началом большого пути. Леонов-писатель родился в огненной купели двадцатых годов. Будучи участником штурма Перекопа, фронтовым газетчиком, он, возвратившись в Москву, работал секретарем газеты «Красный воин». Писал Леонид Леонов под псевдонимом Васька Лапоть и слыл мастером темпераментного отклика на злобу дня. У Дмитрия Фурманова есть любопытное признание, что окружающие газетчики и не подозревали в симпатичном пареньке человека серьезного, занимающегося литературой. Когда Фурманов узнал, что Васька Лапоть пишет превосходные рассказы, он подарил ему «Мятеж» с надписью: «Четыре года я видел тебя и не знал, что это ты». Виною этого обстоятельства было, по позднему признанию, то, что «первые вещи писались для себя и убирались в стол».

* * *

Всем ведома и известна заслуга Леонида Леонова — общественного деятеля, призвавшего нас начать всенародный поход в защиту Зеленого друга, выступившего со страстным призывом встать в защиту лесной судьбины, ибо лес, как и другие природные богатства, не является принадлежностью одного поколения. Вслушайтесь, как терпеливо, по-отечески увещевал нас Леонид Леонов: «Лес и природа — мало сказать, добрые друзья: они еще и терпеливые друзья. Они не станут жалобиться по начальству. Но они просто уйдут, сгинут, если пренебречь их нуждами. Поэтому-то мы, хозяева природы, и должны проявить элементарное благоразумие».

Публичные выступления Леонида Леонова (вспомним, например, «Речь о Чехове» или «Слово о Толстом») всегда являются событиями в духовной жизни страны, для каждого из нас. Вслушиваясь в звучащее леоновское слово, особенно остро воспринимаешь его смысл, глубину, образность, музыкальность. Я бы во всех людных местах вывесил леоновский призыв — воспитывать подрастающее поколение на примерах истории: «Благоденствие нации обеспечивается воспитанием юнцов в духе сурового и безусловного благоговения к наследию дедов...»

* * *

Литература будущего создается сегодня. Леонов не устает призывать литературную молодежь к овладению культурой. Одна из статей художника была озаглавлена «Талант и труд». Статья учит не только внимательному отношению к слову — этой трепетной оболочке мысли, но и призывает к изучению всех духовных богатств, выработанных человечеством. Писатель говорит:

— Нелегко овладеть всем, что наработало человечество в области культуры за тысячелетия. Но литератор должен иметь представление о том, где это можно узнать, на каких полках это стоит. Вряд ли стоит сообщать людям уже известное, а люди сегодня очень много знают. И для того чтобы представить себе нынешнюю потребность людей в чем-либо, нужно в первую очередь отчетливо уяснить это самому. Книга, как любой продукт человеческой деятельности, создается в расчете на определенное действие. Значение книги мерится количеством работы, которое она может произвести в умах человечества для его дальнейшего прогресса. Желательно, чтобы каждая книга была пусть маленьким, но событием в культуре. Ведь новая книга — это взгляд в будущее.

Помню, как «Правда» печатала «полосами» сценарий Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли». Каждый вечер я отправлял писателю гранки набора, а утром получал исправленный им текст. Леонов упорно искал наилучшего выражения задуманного — работа была бесконечной. Одна поправка следовала за другой. Потом я читал по телефону новый вариант и писатель вносил уточнения, а за ними — другие. Наконец я не выдержал и стал протестовать — газета должна выходить вовремя, что бы ни происходило. Но Леонид Максимович горячо возражал: «Я и сам себе не рад, но надо...» До сих пор храню эти газетные полосы с леоновской правкой — они прекрасная школа для молодых литераторов.

Его книги заставляют нас, читателей, трудиться, проделывая вместе с автором его же мыслительную работу. Но в этом и заключается высший смысл книги!

ШАХМАТНЫЙ ДЕВИЧНИК

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

В грузинском Дворце шахмат — настоящее созвездие шахматных принцесс во главе с юной королевой Майей Чибурданидзе и пятикратной чемпионкой мира Ноной Гаприндашвили.

Но вначале я хочу представить вам одну грузинскую шахматистку, о которой не пишут очерки и чье имя давно не мелькает в турнирных сражениях. В шахматном мире и сегодня ее знают очень хорошо: Лили Платоновна Церодзе, директор Дворца шахмат. Была директором и тогда, когда в Тбилиси существовал лишь клуб, можно сказать, шахматный клубик. Красавец дворец выстроен ее неусыпным бдением и организаторским темпераментом. Тридцать лет судит она игры и двенадцать из них — международный арбитр. А это звание утверждается на конгрессе ФИДЕ и заносится в Золотую книгу наряду с именами международных гроссмейстеров и мастеров. И еще Лили Церодзе просто хорошая женщина, на лице ее светятся теплые, умные, живые глаза. А это тоже немаловажно для атмосферы, в которой рождаются, зреют, кипят страстями, хихикают по поводу и без всякого повода или плачут горючими слезами хорошие шахматистки:

Не подумайте, однако, что в грузинском шахматном дворце царит матриархат. Мужчины не испытывают тут никакой дискриминации. Тем более, что к трем международным гроссмейстерам — Бухути Гургенидзе, Тенгизу Георгадзе и Эдуарду Гуфельду — с недавних пор прибавился четвертый, пока еще единственный в мире мужской международный «гроссмейстер в юбке» Нона Гаприндашвили.

Но чем объяснить, что девичник в Грузии такой многолюдный и сильный? Спрашиваю об этом Лили Церодзе и немного опасаюсь, что в ответ услышу неоднократные перепевы мотива о древних традициях дарить невестам вместе с томиком Руставели шахматный комплект. Да, безусловно, так было. Но сейчас на свадьбах невестам подносят другие подарки, а женские шахматы испытывают между тем пору своего наивысшего расцвета. Тут глаза Лили Платоновны разгораются, и она начинает загибать пальцы:

— Цифра еще не точна, но больше двадцати сильнейших шахматисток мира соберутся в Рио-де-Жанейро в этом году на межзональный турнир. Десять из них — советские. В их числе наши Нана Александрия и совсем еще молоденькие Нана Иоселиани и Нино Гуриели. Значит, уже три? В борьбе выявится шестерка наисильнейших. К ним в год проведения матча претенденток прибавятся еще двое, среди которых экс-чемпионка мира Нона Гаприндашвили. Восьмерка выявит четверку, четверка — двойку финалистов, двойка — претендента. А с кем будет играться матч за мировую корону 1981 года? С нашей Майей Чибурданидзе, девушкой дьявольски талантливой и работоспособной. Итак, пятеро — Майя, Нона, две Наны и Нино. Такого еще не бывало!

— Так чем же все-таки это объяснить?

На вопрос ответила забежавшая в директорский кабинет Нино Гуриели.

— Прежде всего тем,— сказала она,— что у нас в 1961 году появилась Нона Гаприндашвили (заметим, что в то далекое время Нино Гуриели только училась говорить!). Мы, молодые шахматистки, вынуждены тянуться за ней, иначе мы не могли бы выбираться из пределов республики на всесоюзные турниры. У нас не было иного пути, как играть очень хорошо...

— А что значит «у нас»?

— Это значит,— отвечает Лили Платоновна,— в детской шахматной школе при Министерстве просвещения республики, во Дворце пионеров, в Доме железнодорожников, в экспериментальной средней школе, где ведущий предмет — шахматы, в Институте физкультуры на шахматном отделении, во дворце, в многочисленной группе малышей, в городах и районах, где есть тренерские силы, наконец, в школе высшего спортивного мастерства... Вся эта деятельность координируется и направляется республиканским спорткомитетом и федерацией шахмат. Работать надо с людьми — тогда и выявляются таланты! И тренируют девушек гроссмейстеры Б. Гургенидзе и Э. Гуфельд, международный мастер Э. Убилава, мастер Ю. Чиковани.

— А бывает, что выявленные таланты, как говорят, зарываются в землю?

— О да, конечно, бывает, особенно среди девочек...

И тут мы надолго погружаемся в разговор о специфике женских шахмат, о том, почему уходят такие талантливые девочки, как Манана Тогонидзе, Алла Чайковская, Элисо Какабадзе, в то время как другие, такие, например, как Тамара Хугашвили и Мзия Церетели, остаются в строю, хоть это и требует огромной выдержки.

— Смотреть было больно, как сидит за доской на турнирах и буквально клюет носом наша Наночка Александрия! — продолжает Лили Платоновна.— А потом родила мальчишку, собралась с силами и — снова в бой...

Вот вам шахматный девичник со всеми его сложностями и радостями.

● Майя Чибурданидзе — чемпион мира.

● Нона Терентьевна Гаприндашвили — экс-чемпион мира, международный гроссмейстер.

● Семья водителя автобуса Амирана Васильевича и Тамары Васильевны Мелашвили. Глава семьи — мастер спорта по вольной борьбе, дочери Кетино, Нино и Тенико,— все шахматистки.

● Нино Гуриели — международный мастер.

● Сеанс одновременной игры в Тбилисском университете проводит международный мастер Нана Иоселиани.

● Директор Дворца шахмат Лили Платоновна Церодзе.

● Одна из сильнейших шахматисток мира — Нана Александрия, и ее сын Георгий во Дворце пионеров в Тбилиси.

О ЧЕМ МОЛЧИТ

резервы нашего стола

С. КАЛИНИЧЕВ

НЕ В КАРАСЯ КОРМ

На одесском рынке, который называют Привозом, мне довелось наблюдать любопытную сцену. Колхозник, увидев на прилавке живую кефаль, спросил цену. И когда ему назвали, возмутился:

— Ты с ума сошла? Я сало продавал вдвое дешевле, а ведь это рыба!

Понять этого колхозника не трудно, и все же он не совсем прав: испокон веку свежая рыба считалась не просто пищей, но и лакомством. С нею и стол выглядит празднично. Но было время, когда увлечение морским и океанским промыслом не оставило места для забот о рыбе из внутренних водоемов. Где уж было тягаться скромному колхозному рыбаку с мощными траулерами, бороздящими океанские просторы! В миллионах центнеров трески и хека речной лещ и прудовый карп выглядели едва приметным довеском.

Пятнадцать лет назад, когда на Украине был создан главк Министерства рыбного хозяйства СССР, его комбинаты со всех отведенных им прудов получили за год 82 тысячи центнеров товарной рыбы. Чтобы нагляднее представить себе, сколь мизерна приведенная цифра, скажем, что на каждого жителя республики это составило по одной рыбешке.

За прошедшие полтора десятилетия рыбокомбинаты окрепли, выросли кадры, упорядочилась технология производства. Годовой улов увеличился в шесть раз! Такие темпы роста впечатляют. Словом, если сравнивать с тем, что было, то есть основание и порадоваться. Но если исходить из того, как можно и должно,— трудно удержаться от горького вздоха. В прошлом году в прудах Главрыбхоза было получено в среднем лишь около одиннадцати центнеров рыбы с гектара. Но в целом по республике картина пестрая. В Донецкой области во владениях Донрыбокомбината с гектара взяли в два с половиной раза больше, отдельные бригады — по сорок и более центнеров. А вот, скажем, в Тернопольском рыбокомбинате довольствовались шестью центнерами, в Хмельницком улов можно считать в килограммах и уносить в авоськах: 2,8 центнера с гектара.

Тут надо пояснить, что мы говорим о государственных рыбохозяйственных предприятиях, чья деятельность регламентирована четкими инструкциями, о хозяйствах, которые обеспечиваются необходимыми материалами и ресурсами. Каждое из них получает в свое распоряжение пруды, разводит мальков... Кажется, у всех условия одинаковые. Но почему же тогда один берет по осени лишь два центнера, а другой — сорок? В чем тут дело? Видимо, в мастерстве, а порой и в элементарной добросовестности. Один разбросает корм по заранее определенным местам, другой вывалит в воду где придется, а третий вообще увезет его в неизвестном направлении. Рыба промолчит — у нее не спросишь. Но объяснять столь значительную разницу в результатах труда только мерой порядочности и уровнем квалификации людей было бы неверно. Причины тут более глубокие, и их немало. Одна из главных, как считают специалисты, общее состояние прудового хозяйства.

На Украине пруд, или, как его тут называют, ставок, всегда был неотъемлемой частью сельского пейзажа. Села лепились к речкам, возле каждого ставили плотинку с мельницей. С высоты птичьего полета каждая река или речушка выглядит голубой нитью с нанизанными на нее бусинами прудов.

...Два года хлопот с молодью позади, и вот рыбоводы начинают опускать запорное устройство в плотине и понижать уровень воды. Рыба инстинктивно бросается вверх по течению. Вода уходит, все больше обнажается ровный пологий спуск дна, пока не появляется русловая канава.

Но чаще всего дно выглядит кратером грязевого вулкана. В одном месте вода ушла, а в другом еще стоит в озерце-яме, бросившаяся же вверх по течению рыба разбегается по заболоченной пойме. Рыбоводы, увязая по пояс в столетних накоплениях ила, день, и два, и неделю барахтаются в грязи, собирая свой урожай в донных ямах и русловых промоинах..

Но в ямах, иле да меж кочками в верховьях рыба все же остается. И не так страшно, если это карп-недоросток проскочил через ячею. Хуже: карась сбежал, ушли уклейка, ерш и другие «дикари». На следующий год, как только в пруд будет выпущена молодь благородного карпа, вся эта «дичь» начинает праздновать. Где уж карпу угнаться за карасем: он корм на лету ловит, и сколько ни сыпь в воду концентратов, карпу только объедки достанутся. Карась быстр, живуч, он, как и все «сорняки», фантастически плодовит. Вот только расти не хочет. Не в коня, то бишь не в карася, корм.

А решение проблемы, казалось бы, проще простого: если вырыть вдоль одного берега пруда канал, то теперь воду можно выпустить всю, а речку, протекающую через пруд, отвести в обводной канал. Такой пруд можно оставить сухим на всю зиму, чтобы «сорняк» вымерз, а дно уплотнилось. Полностью осушенный пруд нетрудно очистить, взрыхлить и, что очень важно, насытить кислородом дно.

Три года назад в Винницком рыбокомбинате таким образом «дамбировали», как здесь говорят, Балановский пруд. И на следующий же год вместо двух с половиной центнеров рыбы с гектара взяли по четырнадцать. При тех же затратах кормов была получена весомая добавка — больше трехсот тонн живой рыбы. Такую работу на Винничине продолжают, хотя масштабы ее, к сожалению, весьма незначительны.

Пока что в Винницком рыбокомбинате только около половины прудов устроено таким образом, что воду из них можно полностью спускать, а в Хмельницком таких прудов и вовсе нет, так что кормят в основном карася и уклейку.

ОДНА ТРИДЦАТАЯ ЭКСКАВАТОРА

...На колхозных прудах дела обстоят еще хуже, хотя водной площади у них значительно больше, чем в хозяйствах Минрыбхоза. Более чем скромная добыча Хмельницкого рыбокомбината в колхозном рыбоводстве считалась бы весьма полновесной. Следовательно, везде, где есть необходимые условия для передачи рыбхозам прудов других ведомств, это надо делать решительно.

К сожалению, такие возможности не столь уж часты. Многие колхозные пруды используются для полива полей и огородов, из них поят скот, их держат как дополнительные резервуары на случай пожара, в них купается детвора. Но главное: в колхозных прудах рыбу специально никто не кормит, никакими фондами корма для этой рыбы не предусмотрены. Потому оно так и запущено, колхозное прудовое хозяйство. Колхозы, а также районные организации имеют планы производства мяса, хлеба, молока, свеклы, шерсти, подсолнечника. За все эти и многие другие показатели с них спрашивают, а рыба ни в каких отчетах не фигурирует. Кто же станет заниматься всерьез какими-то карпами?!

Несколько лет назад в Министерстве сельского хозяйства республики все же было создано Главное управление рыбного хозяйства. Оно стало открывать в областях рыбоводно-мелиоративные станции. Эти хозрасчетные организации выращивают мальков и по договорам с колхозами выпускают их в пруды. Есть у них и кое-какая техника, но она весьма убога: один-два маломощных трактора, грузовичок, лодка да лопата...

На пруду с двухметровыми отложениями ила такой технике делать нечего. Тут нужны драглайны, скреперы, мощные бульдозеры. В главке я прочитал документ, который наглядно характеризует положение в колхозном рыбоводстве. Это копия письма, с которым руководство Хмельницкого облисполкома обращалось к первому заместителю Председателя Совета Министров УССР П. Л. Погребняку.

«...В колхозах и межхозяйственных предприятиях области по данным инвентаризации на 1.1.1979 г. насчитывается 9,1 тыс. га прудов, из которых 2,7 тыс. га заиленных, заболоченных и заросших площадей, не использующихся для рыборазведения. С целью оказания помощи хозяйствам в восстановлении, реконструкции и ремонте прудов в 1969 году в области организованы две государственные рыбоводно-мелиоративные станции. Однако они не производят работ по мелиорации и очистке водоемов из-за отсутствия землеройной техники. Министерство сельского хозяйства на протяжении десяти лет этим станциям не выделяет болотных экскаваторов.

В связи с этим облисполком просит помочь решить вопрос о выделении двух экскаваторов типа драглайн рыбоводно-мелиоративным станциям, в том числе Хмельницкой-1 и Староконстантиновской-1».

Начальник главка Н. В. Гринжевский дал мне справку: в нынешнем году для этих целей на всю республику выделен... один драглайн. Так что даже если бы «все республиканские фонды» отдать одной области, то ее заявка была бы удовлетворена лишь наполовину.

А в среднем на каждую рыбоводно-мелиоративную станцию приходится «одна тридцатая драглайна» в год.

Специалисты, связанные с прудовым рыбоводством, считают, что пора создать специализированную мехколонну, которая имела бы необходимую мелиоративную технику и по договорам с колхозами перестраивала бы их пруды, обновляла, расчищала, строила обводные канавы и защитные дамбы.

БРАКОНЬЕР И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Запущенность прудового хозяйства, недостаток, а кое-где и полное отсутствие необходимой техники — беды, присущие как колхозному, так и государственному рыбоводству. Но есть и своя специфика. В колхозном рыбоводстве проблемой номер один неожиданно стало крупномасштабное, почти ничем не сдерживаемое браконьерство. Никому не придет в голову на виду всего села зайти в колхозную овчарню, зарезать ягненка и отнести домой. А рыбу — можно. Надергал из колхозного пруда полведра — и несет по селу с гордостью. И никто не назовет его вором.

— Однажды я прогнал с пруда какого-то мужчину, — рассказывает директор межколхозного рыбоводного предприятия П. С. Свя-

РЫБА

щук. — Оказывается, это был родственник наших колхозников, приехал из города отдохнуть. И вот колхозники, тесть и теща браконьера, так меня ругали перед всем селом, так оскорбляли, что хоть в суд на них подавай. Я двенадцать лет председателем колхоза работал, много спорных вопросов приходилось решать, понимали меня люди... А тут на виду всего села за то, что я защитил их же собственность, меня буквально смешали с грязью — и хоть бы кто заступился!

В Липовецком районе Винницкой области, где работает П. С. Свящук, создали, как и в ряде других районов, межколхозное предприятие. Здесь сами выращивают малька, зарыбляют весной пруды, ведут, насколько это в их силах, борьбу с хищной и сорной рыбой. Каждый карп, прежде чем попасть на прилавок, шесть-семь раз проходит через руки людей. А для браконьера весь труд — поймать его. Да и не то, что поймать — просто вытащить. Тут никаким спортом и не пахнет, это все равно что поймать лошадь в конюшне.

— Сидит на берегу дед с удочкой, — рассказывает П. С. Свящук, — пытаюсь прогнать его, а он искренне удивляется и возмущается. Берем его полиэтиленовый мешок, а там больше сотни рыбешек по 70—80 граммов. Спрашивается: съест он ведро рыбы? Наверняка, большую часть выбросит, Убыток этот дед принес заметный. Осенью мы вылавливаем карпа весом около 400 граммов. А дед в июне больше сотни рыбешек вынул — вот мы и недобрали полцентнера рыбы. И так все лето. А ведь таких дедов немало.

Браконьер потому и называется браконьером, что он одно берет, а в десять, а в сто раз больше губит. Дошло до того, что один такой любитель рыбы, выбрав момент, когда пруд перед обловом был спущен больше чем наполовину, ночью подъехал на экскаваторе, раскопал плотину и остатки воды вместе с рыбой пустил по сельским огородам. В полусотне сельских хат в тот день ели рыбу. Съели, возможно, килограммов сто. А пропало много тонн. Но вот что странно: местная милиция не нашла виновника. И только после вмешательства из Киева «механизированный» браконьер в течение двух часов был найден и задержан.

Борьба с браконьерством не требует капиталовложений, новой техники. А между тем она способствует резкому повышению продуктивности прудового рыбоводства. Я подчеркиваю — продуктивности, ибо речь не идет о том, что кто-то бесплатно пользуется общественным добром. Непосредственно украденное стоит копейки. Ведь в сельском магазине эту самую рыбу можно свободно купить не дороже чем по одному рублю десять копеек за килограмм. Главное — предотвратить бессмысленные потери. И тут надо изменить общественное мнение о любителях ловли рыбы, выращенной чужими руками. Надо разъяснить сельскому жителю, что вытащить из колхозного пруда сазана — то же самое, что украсть ягненка или поросенка. Пример в этом должны подавать сельские и районные руководители.

— Приезжаем на один из наших продуктивных прудов и видим: стоит «Волга», а районный начальник со своими гостями удит рыбу. Чуть поодаль человек пятнадцать сельских удильщиков, — рассказывает начальник производственного отдела Винницкого рыбкомбината О. А. Шпак.— Подходим к ним и просим (именно просим — а что мы еще можем?) сматывать удочки. Никто даже взгляда от поплавка не отрывает. Некогда! Хорошо клюет! Одна за одной. Начинаем стыдить их. Тогда один из удильщиков отвечает: «А что вы к нам пристали? Попробуйте прогоните тех, что на «Волге» приехали, тогда и мы уйдем». Комментарии тут не требуются...

Самое странное, что ни сотрудники рыбкомбината, ни руководители межколхозных предприятий не имеют никаких прав для борьбы с браконьерами. Они не могут их задержать, изъять орудия лова, оштрафовать. Рыбинспекция, которая имеет разветвленную сеть своих организаций в республике, согласно ее статусу, занимается охраной рыбных запасов во всех внутренних водоемах, кроме тех, где рыбу специально выращивают. В данном случае пруд приравнен к... домашнему аквариуму.

Но давайте заглянем в суть явления. На внутренних водоемах, находящихся под охраной рыбинспекции, в прошлом году выловлено 18 тысяч тонн товарной рыбы. А во всех прудовых хозяйствах республики, где нет ни одного штатного инспектора, добыто около 70 тысяч тонн. Это ли не парадокс?

Конечно, тут есть ряд причин, требующих особого разговора. И все же инспекция Министерства рыбного хозяйства, наделенная необходимыми полномочиями, должна взять на себя заботу о сохранении рыбных запасов всех без исключения внутренних водоемов. Специалисты давно ставят этот вопрос, разработаны даже конкретные проекты. Но на прилавках живой рыбы будет больше только в том случае, если эти проекты станут законом, обязательным для всех!

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ • ОГОНЁК • СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

ПОРУЧИК ЗАПАСА

За окном сгущались вечерние сумерки, в комнате — тишина. На пестрой скатерти — пожелтевшие от времени фронтовые фотографии, боевые награды, письма.

— Многие сотни километров пришлось пройти по фронтовым дорогам, — вспоминает хозяйка квартиры Любовь Ивановна.

В скупых и сдержанных словах ее повествования мне слышались и орудийные залпы, и рев моторов, и стоны раненых. Оживали старые фотографии, а моя собеседница представлялась помолодевшей на три десятка лет, в элегантной форме поручика Войска Польского.

В сорок первом она окончила Минское медицинское училище, уехала на работу в Барановичи. Когда грянула война, Люба пошла в военкомат:

— Я медик, прошу отправить меня в действующую армию!

— Вам нет еще восемнадцати, — ответил военком. — Так что придется маленько повременить...

Эвакуировавшись в глубокий тыл, Люба работала в одном из военных госпиталей. Потом пошла на завод, выпускавший продукцию для фронта. Порой от усталости валилась с ног. Но на трудности не жаловалась, знала: тем, кто сражался на передовой, еще труднее.

— Все это время я не теряла надежды попасть на фронт, — вспоминает Любовь Ивановна.— В декабре 1942 года меня зачислили курсантом Рязанского военного пехотного училища имени К. Е. Ворошилова. А через восемь месяцев в форме лейтенанта Красной Армии я явилась в отдел кадров штаба округа за назначением.

— Вы белоруска? — поинтересовался майор.

— Так точно, — четко отрапортовала Люба.

— Что, если мы пошлем вас, товарищ лейтенант, служить в Войско Польское? Наш интернациональный долг — помочь полякам освободиться от гитлеризма.

— Я же, товарищ майор, мечтала быстрее попасть на фронт.

— Думаю, что за этим дело не станет. Как подготовите своих подчиненных, так и на фронт попадете.

В штабе 1-й Войска Польского дивизии имени Тадеуша Костюшко Люба получила назначение на должность командира первого взвода автоматчиков. Знакомство с личным составом взвода состоялось в тот же день. Девушки-стрелки ей понравились. Все они горели желанием побыстрее попасть на фронт. Но им не хватало военных знаний.

Началась боевая учеба. Отрабатывали строевые приемы, учились стрелять, бросать гранаты, с закрытыми глазами разбирали и собирали оружие.

Осенью 1943 года дивизия имени Костюшко вошла в состав 33-й армии Западного фронта. А 12 октября части дивизии вместе с другими соединениями Красной Армии под белорусским селением Ленино начали боевые действия. Два дня вели они кровопролитный бой с врагом.

— Нам казалось, что сместилось время суток, — вспоминает о тех днях Любовь Ивановна, — потеряли счет вражеским контратакам, артиллерийским налетам и бомбежкам с воздуха.

Многие погибли. Но никто не спасовал. Вера Стасевич, Марыся Чайковская и другие девушки-автоматчицы отбивались от фашистов до последнего патрона. За проявленную смелость многих из них наградили орденами и медалями Советского Союза, польским «Крестом храбрых».

Поручик Войска Польского Л. И. Любчик (фото военных лет).

— Участвовало наше соединение и в знаменитой Висло-Одерской операции, — включается в разговор глава семьи, майор запаса Николай Леонтьевич Любчик. — Тогда мы уже входили в состав 1-й Войска Польского армии генерала С. Г. Поплавского.

Когда освобождали Варшаву, Люба командовала ротой автоматчиков. И вновь отличились ее девушки: отбили атаку врагов, пытавшихся прорваться к штабу дивизии. Наиболее ощутимые потери фашистам нанесли автоматчицы отделений Стаси Шабрувны и сестер Вульф.

...Время перевалило далеко за полночь. А Любовь Ивановна и Николай Леонтьевич все рассказывали о боях и походах. Они называли фронтовых друзей, восхищались их мужеством и отвагой. О себе же говорили скромно: мол, воевали, как все, особых подвигов не совершили...

После войны Любовь Ивановна приехала на родину мужа в деревню Перевоз Минской области. Вскоре бывшую фронтовичку избрали председателем Якшицкого сельсовета. Здесь она проработала почти десять лет. Но затем по состоянию здоровья вынуждена была уйти. Сейчас она работает в бухгалтерии колхоза «Гвардеец». А ее муж Николай Леонтьевич вот уже почти тридцать лет учительствует в местной школе. У ветеранов войны трое детей и пятеро внуков.

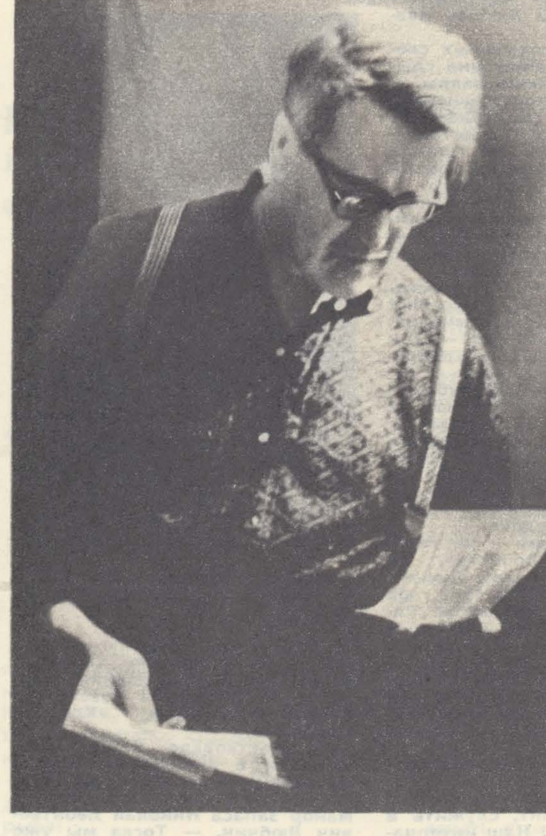
В Перевозе, Чижахе, Якшицах, Поплавах, Богушевичах и многих других селах Березинского района, Минской области, хорошо знают эту мужественную и скромную женщину — коммунистку, офицера в отставке.

И. ТИТОВ,
подполковник запаса

Минск.

Н. МИХАЙЛОВ

СЛУЖЕНИЕ ИСКУССТВУ

С. А. Зверев.

Серафим Александрович Зверев — ученик Михаила Васильевича Нестерова и Павла Дмитриевича Корина. Его жизнь — пример беззаветного и бескорыстного служения искусству, урок упорства, мастерства.

В школьные годы мальчуган получил подарок — большую тетрадь в твердом переплете. На ее страницы попадало все, что останавливало внимание мальчика, и старшие, как это нередко бывает, видели в его рисунках проявление таланта. Так в сознании Симы росло желание стать художником. Отец, наблюдая его, был осторожен. На вопрос сына, может ли он стать художником, ответил: «Об этом может сказать Нестеров, он согласился посмотреть твои рисунки».

Мальчик не предполагал, с какой строгостью отнесется Михаил Васильевич к его работам. Рассматривая рисунки с античных голов, сделанные по книжным иллюстрациям, старый мастер сказал:

— Греки на них богу молились, а на такую матрешку разве можно молиться?

Прошло некоторое время, и Михаил Васильевич прислал Звереву-старшему письмо. Павел Дмитриевич Корин, писал он, согласился заниматься с вашим сыном. Так Серафим стал учеником прославленного живописца. Судьбе было угодно, чтобы учитель и ученик продолжали дружбу почти сорок лет,— дружбу, в которой Корин выступал как добрый советчик, как образец нравственной чистоты, художественного вкуса, высокой требовательности к себе. Недаром мастер поверял свое творчество тем лучшим, что создано мировой художественной школой.

— Ходите, смотрите, как пишут другие, смотрите, как надо писать и как не надо писать,— повторял Корин своему подопечному.

Казалось, что с таким учителем успех образования обеспечен. Но вот смотрит работы Нестеров.

— Вы учитесь говорить в искусстве — и учитесь хорошо,— наставлял он,— но вы учитесь языку, а что скажете — не знаю. Я научен грамоте, Гоголь тоже. Зная грамоту, Гоголь вон какой томик написал, а я просто грамотен. Одной грамоты мало. А что у вас за душой, что вы скажете в искусстве, не знаю.

Серафим идет работать практикантом-реставратором, каменщиком, бригадиром. Для занятий рисованием остаются, да и то редко, лишь утренние часы. Терзают сомнения. Со стройки решил уйти, поступил на чертежно-конструкторские курсы. Советоваться не с кем. После долгих размышлений пришел к Нестерову, показал ему последний натюрморт.

— Отец ваш спрашивал, можете ли вы стать художником. Теперь я могу сказать: нет. У вас разум забивает чувство. Лучше решительно бросить, чем мучиться в искусстве.

Время было весеннее. На другой день Серафим пошел по Киевскому шоссе. Шагал почти весь день. Погода яркая, в полях пашут, кругом зелень. Издерганный, не замечая весеннего цветения, бросился он на землю: нет, не может он уйти из живописи.

Прошел еще год — и снова Зверев предстал перед своим строгим судьей.

— Лучше, значительно лучше,— подчеркнул Нестеров,— но от сказанного раньше не отказываюсь. Чертежные курсы — для вас главное. Надо иметь кусок хлеба, а живопись — приватно.

Наступило лето 1933 года. Корин уезжал в Палех, на родину. Перед отходом поезда он протянул Звереву ключи: «Заглядывайте домой, мне спокойнее будет...» Словно на крыльях полетел Зверев прямо с вокзала на Арбат, на «чердак» к учителю. Вот блаженство: любоваться образцами живописи, работать над копиями, читать книги об искусстве Италии.

Осенью поехал на север, на Онегу, на озеро Лача. И снова отчет перед Нестеровым, не знающим снисхождения.

— Мотивисто, молодцом, хорошо,— говорил он, рассматривая северные этюды.— Мотив чувствуете, а отношения надо цветом брать. Цветом! Хорошо, очень хорошо,— продолжал он,— только Нестеровых копировать не надо.— И помолчав: — Вот что я скажу. Я тогда ошибся. Не бросайте этого дела. Вы можете быть художником.

...Ариадна, сестра Серафима, была его самым близким и дорогим другом. Он писал ее, вкладывая в картину всю любовь, весь восторг перед ее необыкновенно чуткой натурой. Работал и постоянно словно слышал слова Павла Дмитриевича: «Никогда не делайте выражения. Пишите правдиво. Если есть талант, появится выражение».

Один из зрителей так сказал о портрете Ариадны:

— В этой женщине — так, как ее показал художник,— сдержанное благородство. Строгие, изящные линии, длинные пальцы, нежный цветок розы содействуют впечатлению. Широко раскрытый, доверчивый взгляд будто говорит: совесть чиста и душа спокойна.

Много создал Зверев пейзажей. Когда писал в Подмосковье «Позднюю осень», стояла холодная погода, работать было трудно, ноги стыли, и приходилось укрывать их соломой. Серое поле, темное небо, белые стволы берез и рядом — темные ели. Вот-вот все укроет белая пелена снега, в природе наступит покой. Смотришь на полотно и словно слышишь совет Нестерова: берите отношения цветом.

«Гроза на Оби». Мне пришлось видеть эту могучую реку, сверкающую всеми красками в ослепительный летний день и мрачную, суровую — в дождливую ветреную погоду. На полотне — аспидное небо. Вода своим светло-зеленым цветом контрастирует с ним, и коричневый откос усиливает это ощущение. Длинные лодки, точно испуганные живые существа, жмутся к берегу, безлюдье усиливает впечатление величия и силы природы.

В другой своей работе, писанной в 1960 году, «Обь. Сумерки», Серафим Александрович поэтично передал состояние, когда человеку хочется читать стихи и думать, вспомнить что-то забытое и мечтать...

Вот так, с чувством глубокого душевного волнения и трепетной радости, любви к жизни сотворены им многие и многие пейзажи. И полные весеннего очарования «Березки распускаются», и чистый «Ранний снег», и «Лесная речка», в водах которой так таинственно отразились склоненные березы и густой кустарник. Все живет, дышит, все просто и величественно в своей вечной, неподвластной времени красоте.

Серафим Александрович был участником многих выставок, его полотна экспонируются в картинных галереях и художественных музеях. Он исколесил страну — работал в Крыму и в Сибири, жил на Каме и под Москвой. Расширял диапазон творчества. Работая над копией с картины Тициана «Динарий кесаря», изучал технику старых мастеров. Помогая П. Д. Корину, занялся мозаикой. Огромный картон 120 метров — для мозаики в актовом зале Московского университета — работа С. А. Зверева.

Но художника преследовали болезни. Пальцы правой руки держали кисть, сама же рука двигалась плохо, ей помогала левая. Когда Серафима Александровича спрашивали, трудно ли работать, он отвечал: трудно, но можно. Скончалась незабвенный друг Ариадна. Теперь Зверев остался один. Для передвижения по комнатам и кухне приспособил коляску, обед брал из столовой.

Было трудно, очень трудно, но жило в художнике чувство неистребимой любви к Родине, и он, отыскивая в памяти увиденные когда-то картины, воссоздавал их в своей маленькой мастерской. Каждое новое, пусть миниатюрное полотно занимало место в общем гимне жизни, воспевало чувство прекрасного.

Зверев жил только творчеством. И, даже не ощущая особого достатка, не продал ни одной работы.

— Не могу расстаться, все это — моя жизнь,— застенчиво говорил он.

В бумагах, которые остались после смерти художника, был найден обычный листок. Серафим Александрович Зверев писал: «Все свои картины завещаю в дар советским музеям».

Прекрасный, полный благородства пример: все остается людям.

С. Зверев. 1912—1979.

АРИАДНА. ПОРТРЕТ

СЕСТРЫ. 1970.

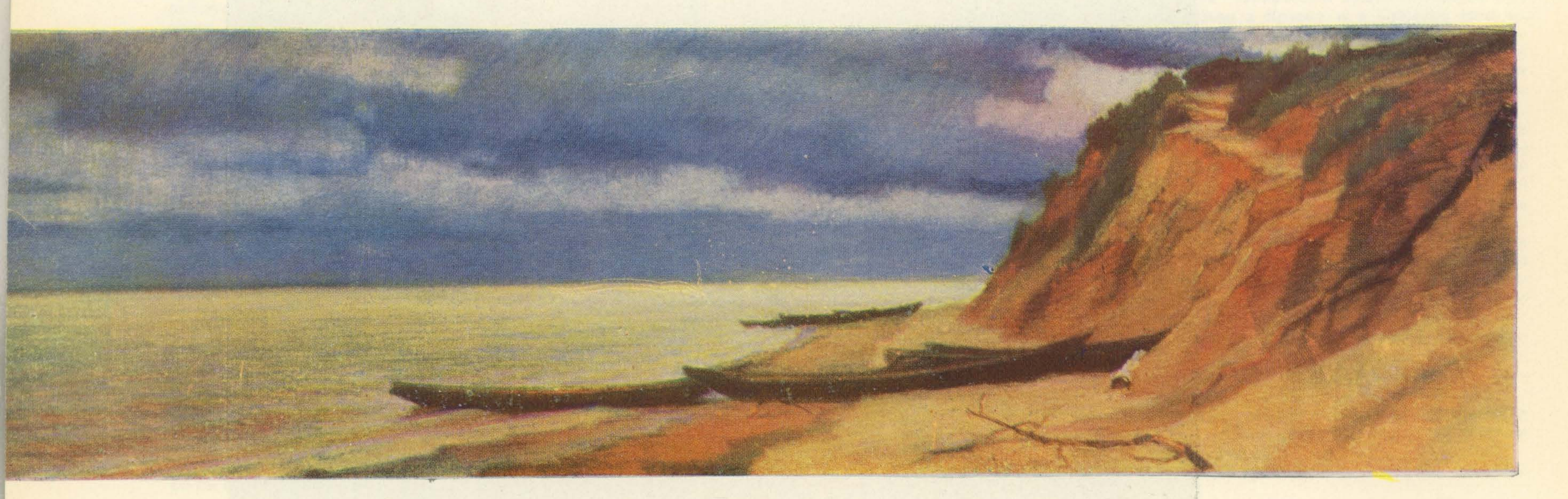

С. Зверев. ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. Этюд. 1956.

УРАЛ. РЕКА СЫЛВА. 1961.

ГРОЗА НА ОБИ. 1961.

Н. АЛЕКСЕЕВА,
специальный корреспондент «Огонька»

ДОРОГА К СОСЕДУ

Один мудрец сказал: «Было бы хорошо, если бы все люди уважали друг друга. Но чтобы уважать человека, сначала нужно его узнать». Пожалуй, этим вот стремлением — узнать побольше о человеке, понять его стремления и надежды — и был проникнут последний международный кинофестиваль короткометражных фильмов в Оберхаузене. Небольшой западногерманский городок в двадцать пятый раз открыл свои двери многочисленным гостям, кинематографистам разных стран мира. Организаторы фестиваля, и в частности его директор Вольфганг Руф, гордятся тем, что их кинофестиваль всегда, и даже во времена «холодной войны», оставался гуманным, воспевающим неодолимые мечты человека о счастье, о лучшем мире для себя и для каждого.

Правда, далеко не все в ФРГ довольны этой прогрессивной направленностью фестиваля. И в этот раз дирекцию кинофорума кое-кто обвинял в введении так называемой «левой цензуры», требовал более «широкого» подхода к отбору фильмов, то есть выхода к зрителям кинолент, которые явно бы противоречили девизу фестиваля: «Дорога к соседу».

Эта борьба осталась, так сказать, за кадром. Но ее отголоски еще были слышны на многочисленных дискуссиях о документальном кино, состоявшихся в стенах Штадтхалле. Так, на одной из встреч — в защиту Вьетнама — группка маоистов раздавала участникам встречи листовки, полные злобы и клеветы. Но делали они это бесшумно, без особого вызова или азарта, будто зная заранее, что здесь их бумажки не вызовут особого интереса, а тем более политического резонанса.

Кстати, уж если говорить о политическом резонансе, то большой успех в этом смысле выпал на долю картин советских кинорежиссеров В. Копалина «Палестинцы: право на жизнь» и А. Колошина «ФРГ: урок немецкого». О первом фильме «Огонек» уже подробно рассказывал, что касается «Урока немецкого», то местные газеты писали о нем задолго до показа ленты. Взгляд советских кинодокументалистов на послевоенных западных немцев, их прошлое и настоящее, на наши взаимоотношения произвел сильное впечатление на участников фестиваля, заполнивших зал, несмотря на очень поздний час демонстрации картины.

Фильм охватывает сравнительно небольшой период времени — 70-е годы, начиная с первого визита Л. И. Брежнева в ФРГ. Кинолента не просто повествует о больших переменах в жизни страны, но анализирует эти перемены во всей их полноте и противоречивости. Мы видим и борьбу трудящихся ФРГ за свои права, и вылазки неонацистов, пытающихся с помощью шпрингеровской прессы заронить в душу обывателя зерна национализма и антикоммунизма. Мы видим на экране людей, которые понимают, как важны, необходимы дружественные отношения между ФРГ и Советским Союзом. И как нужен всем мир.

Это понимают и многие кинематографисты планеты. Понимают и то, что «игра с огнем» до добра не доводит. Именно эта мысль подчеркивается и в трехминутном нидерландском мультфильме «Все люди будут братьями», остроумно развенчивающем «заигрывания» иных американских деятелей с Китаем. И в сатирической игровой киноленте «Фильм в трех частях» (Турция), где молодой скучающий офицерик от нечего делать вертит в руках револьвер, целясь то в вазу, то в свою прислугу. Но в конце концов следует неловкое движение, револьвер все-таки выстреливает и попадает... в ногу самого хозяина оружия. Да, могло быть и хуже...

В течение шести дней в Оберхаузене мне удалось посмотреть около девяноста фильмов, и могу сказать, что фестиваль интересен прежде всего разнообразием тематики. Кажется, все проблемы, волнующие и мир в целом и отдельные страны, предстали перед нами с экрана. Лишение прав коренного населения (Венесуэла), бедность трудящихся (Колумбия), женский труд (ПНР), цивилизация и природа (ЧССР), нелегкая жизнь иностранного рабочего в ФРГ, осиротевшие дети, лишившиеся крова и столкнувшиеся с жестокой реальностью (Индия)... Наконец, молодежь, судьбы которой одинаково беспокоят всех. Если в английском фильме «Разделять и властвовать — никогда!», который дает нам представление о взглядах юношей и девушек, белых и чернокожих, на расовые вопросы, об их надеждах на лучшее будущее, видишь в основном симпатичных ребят, всерьез обсуждающих насущные проблемы бытия, то американская лента «Панки» вызывает весьма печальные размышления — как у зрителей, так, очевидно, и у создателей ленты. Ободранные юнцы с совершенно бессмысленными лицами дергаются под звуки оглушающей музыки. «Мертвые мальчики» (так называется ансамбль) кривляются на сцене, падая навзничь или ползая на четвереньках... У некоторых ребят берут интервью. Темноглазый парнишка истошно вопит в микрофон: «Люблю рок-н-ролл больше, чем что-либо в мире!» Кудрявая девчонка с неподвижным, каким-то даже окаменелым лицом на вопрос, что ей нравится в жизни, бесстрастно заявляет: «Нудизм и музыка». О «панках», пришедших на смену хиппи, пишут и говорят много и по-разному. Считают, что это очередное течение — очередной протест молодежи против действительности. Может быть. Но протест протесту рознь. Тут он бессознателен, истеричен, бездумен, что весьма выгодно власть имущим,— к такой мысли приводит кинолента...

При всем разнообразии тематики фестивальных картин тем не менее можно было заметить четкое тяготение разных кинорежиссеров, особенно документалистов, к одной теме — подробному показу жизни простого человека. Каждый человек интересен по-своему, как бы хотели сказать нам создатели фильмов, каждый достоин внимания, каждый — индивидуальность, целый мир. Берегите его.

Чернорабочая Марта в одноименном фильме ГДР, польский крестьянин Ян Новак («Баллада о Яне Новаке») сами рассказывают о себе, о прошлом и сегодняшнем дне, о повседневных заботах, обнаруживая мудрость и незаурядный юмор, доброту и щедрость души. Подобный же рассказ «о простом человеке» в других фильмах заметно омрачен пессимистической нотой, некоторой безысходностью. Бросается в глаза одиночество человека в мире, где никому нет до тебя дела. Как, например, в фильме итальянского режиссера Оттавио Фабри «Джованни и Рипальда», рассказывающем о пожилой супружеской паре, умеющей радоваться жизни, оптимистически преисполненной любви к ней, но бездомной и нищей. А старый официант из немного сентиментальной шведской картины «Клетка для птиц» тоже по-своему отстаивает свои права на чувства, на уважение к себе: он купил красивую белую птицу, но его отовсюду с ней выгоняют — из дома, с работы. Однако старик упрямо слоняется с золоченой клеткой по городу, не желая расстаться со своей мечтой, своим счастьем, воплотившимся для него в этом живом комочке перьев и мелодичном, ласковом чириканье...

К числу достоинств фестиваля можно отнести стремление жюри рассматривать фильмы в единстве содержания и формы, оценивать не только идею, но и исполнение, мастерство кинорежиссера, будь то мультфильм, документальная или игровая ленты.

Плакат, ставший эмблемой кинофестиваля в Оберхаузене.

Выдающийся кубинский кинорежиссер Сантьяго Альварес, присутствовавший на этом фестивале, однажды сказал: «Политика и искусство неразделимы в моей работе». Того же мнения придерживаются и другие прогрессивные кинематографисты. Именно поэтому не находят в Оберхаузене признания формалистские, лишенные содержания изыски некоторых молодых кинематографистов. Помню, в первый же день показывали фильм «Дождь». Несколько минут мы видели дождь. Потом дождь кончился, а вместе с ним и фильм. Встречались мультфильмы, где нам демонстрировалось нечто вроде «потока сознания»: обрывки рисунков; краски, размазанные и размытые по экрану; рисованные чудовища — порождения болезненной фантазии. Какие-то мистические аллегории, многозначительные символы... Но у зала, очень непосредственно реагирующего здесь на все увиденное, такие «эксперименты» не встречали положительных эмоций. Аплодисментов не было. А вот свист был.

Демонстрация подобных «шедевров» чередовалась показом истинных произведений киноискусства: во время фестиваля шла ретроспектива фильмов Альвареса, Кармена и других видных киномастеров.

«Кроме познавательного, такие просмотры носят еще и воспитательный характер,— сказал мне один из организаторов фестиваля, коммунист Ганс Шлегель.— А этому мы придаем очень большое значение. Мы обходимся без назидательных бесед: молодые режиссеры могут учиться на лучших примерах».

Если же вернуться к разговору о смысле и содержании всего фестиваля, то двух мнений тут быть не может. Все мы, люди, живем на одной Земле, ее нельзя раздробить, разделить на части, как предпочли бы иные политики. Поэтому давайте, призывает прогрессивный кинематограф планеты, вместе бороться против социального угнетения, вместе искать дорогу друг к другу. Дорогу к соседу.

Их ведь можно найти очень много, этих дорог, было бы желание. Одна из них давно известна. Она проходит через Оберхаузен, через его миролюбивый экран.

Оберхаузен.

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки М. Петровой

ПОВЕСТЬ

Глава 10

ВТОРАЯ ПОСЫЛКА И ПЕРСТЕНЬ С ИЗУМРУДОМ

Галя Нестерова вечером лежа читала книгу, когда зазвонил телефон. Сняв трубку, она услышала голос Светланы, звучавший необычно взволнованно.

— Галка, ты одна? Мать из Москвы еще не вернулась?

— Нет.

Ольга Михайловна была в это время в Москве, куда поехала за консультацией к какому-то профессору по поводу своих болезней, Николай Николаевич был у себя в институте.

— Слушай,— продолжала Светлана,— вернулся Виктор Андреевич. Прямо не знаю, что делать. Кошмар какой-то.

Виктор Андреевич за две недели до этого сказал им, что едет в Италию.

— В чем кошмар?— спросила Галя.

— Колоссальную посылку привез. Мне ее домой нести нельзя. Мать на стенку полезет.

— Может, приедешь ко мне?— нерешительно предложила Галя.— Только поскорее.

— Об том и прошу. А почему поскорее?

— Папа должен прийти.

— Ну, это ничего. Я сейчас.

Светлана появилась взволнованная, румяная не то от мороза, не то от спешки.

— Вот, еле дотащила,— сказала она, ставя на стол большой кожаный чемодан.

Она разделась, бросила пальто и шапочку на Галину постель, и они принялись разбирать содержимое чемодана. Тут были замшевые юбки и куртки, шерстяные кофты, кожаные сумки, колготки различных цветов в глянцево блестевшей упаковке и масса различных мелочей. Была и жевательная резинка. А из своей сумочки Светлана достала золотое кольцо. На сей раз она уже не высказывала сомнений, настоящее это или подделка.

Впервые Галя видела подругу такой взвинченной. Да у нее и у самой разбегались глаза.

Начали примеривать вещи, и тут выяснилось, что почти все прислано в двух экземплярах.

— Он просто непонятный человек,— сказала Галя.— Тут и на меня рассчитано, что ли?

Светлана вынула из сумочки конверт.

— Прочти.

Буквами, какими пишут в школах первоклассники, Пьетро составил настоящее любовное послание. Он уверял, что жить без Светланы не может. А в постскриптуме было сказано: «Я знаю, вы не желаете принимать подарки. Чтобы это вам легче сделать, посылаю также Гале»,— вот почему все, кроме кольца, было в двух экземплярах.

— Сколько же это может стоить?— сказала Галя.

Стали подсчитывать, оставляя в стороне мелочи. Итог привел подруг в замешательство: получилось что-то около четырех тысяч рублей.

— Я все-таки не понимаю...— растерянно заговорила Галя.

— А может, это любовь?— перебила Светлана словами песенки, но в голосе ее не было всегдашней самоуверенности.

Галя задумалась, глядя на себя в зеркало: как сидит на ней синий замшевый костюм, присланный Пьетро! Светлана примеряла кольцо. Оно точно пришлось на безымянный палец.

— Куда же все это девать?— сказала Галя.

— Не отсылать же обратно.— Светлана уже вполне владела собой.

— Матерям что скажем?

— Ерунда. Давай спрячем у тебя, тут места много. А обновлять потихонечку, сначала одно, потом другое. У тебя накопления бывают, а я своей буду говорить: в кредит покупаю. Главное — постепенно. Девиз умеренных и благонравных.

— У меня тоже ненадежно. Мама ревизии устраивает, ты же знаешь.

— А давай в кабинет к отцу. Ты ведь этим приемом успешно пользовалась.

— Это, конечно, лучше. Но что делать с чемоданом?

— Продадим. В комиссионный. На черта нам такой? Слишком шикарно.

Кабинет Николая Николаевича представлял собой большую, не менее тридцати квадратных метров комнату в два окна. Письменный стол стоял боком к окну в дальнем от двери углу. Две стены были сплошь в книжных стеллажах, от пола до потолка. Старый, вытертый кожаный диван, накрытый пледом, занимал темный угол у двери. Еще здесь было два низких широких шкафа и старинный секретер. В шкафы, как знала Галя, отец не заглядывал, потому что там лежали его студенческие учебники и рукописи давних работ. Они ему не были нужны, но выбрасывать их он не разрешал. В шкафах и в секретере нашлось достаточно места, чтобы рассовать вещи. Правда, все основательно пропылится, но это поправимо.

Светлана на первый раз взяла домой присланную Пьетро кожаную сумку с тисненым орнаментом,— ее старая уже поролась по швам. Кольцо легко спрятать дома.

— Да, чуть не забыла,— сказала она на прощание.— Виктор Андреевич хочет нас видеть завтра вечером. Ты никуда не скрывайся...

Надо заметить, что к тому времени у Виктора Андреевича установились с подругами отношения, приятные для обеих сторон. Он удачно исполнял роль доброго, умудренного житейским опытом дядюшки. В их присутствии он, так сказать, отогревался сердцем, и потому встречи с ними происходили довольно часто и всегда по его инициативе. Признавшись как-то, что имеет слабость к вину, Виктор Андреевич при каждой встрече старался угостить Светлану и Галю. Таким образом, скоро в городе не осталось ресторана, где бы они не побывали. В некоторых ресторанах их принимали с почетом, как постоянных клиентов.

Виктор Андреевич по мере сил прививал подругам довольно пошлый взгляд на вещи, часто повторяя, что жить надо проще, смотреть на жизнь легко, не делать из всякого пустяка проблему и не задумываться о будущем. Когда Светлана говорила, что для этого необходимо иметь много денег, Виктор Андреевич возражал: женщинам их иметь не обязательно, они должны быть у мужчин. Надо только уметь найти того, кто готов тратить ради прекрасных женских глаз. Как, например, итальянец Пьетро Маттинелли.

Все это излагалось полушутя-полусерьезно, но что-то, вероятно, оседало в неокрепших душах подруг, по крайней мере это не исключается.

В иные встречи, когда не ходили в ресторан, Виктор Андреевич катал Светлану и Галю на своей машине, они совершали поездки за город. Эти автопрогулки не прекратились и с наступлением зимы.

Мать Светланы, кажется, не замечала, что образ жизни ее дочери в последние полгода заметно изменился. Светлана возвращалась после встреч с Виктором Андреевичем поздно,— как правило, Вера Сергеевна уже спала. Галя вообще была свободна от всякого надзора, так как Ольга Михайловна снова вступила в полосу длительного лечения нервов.

Светлана повзрослела за прошедшие полгода в общении с Виктором Андреевичем, и совсем недавняя дружба с Лешей представлялась ей какой-то детской глупостью.

Совершенно особняком стоял для нее вопрос о Пьетро Маттинелли. Сказать, что ее самолюбию льстило чувство, которое она возбудила в молодом интересном итальянце,— значит сказать лишь половину. Первую посылку она расценила просто как знак внимания. Вторая укрепила в ней сознание своей власти над людьми, особенно над мужчинами. И вместе с тем, получив вторую посылку, она впервые ощутила готовность подчиниться мужской воле. Она испытывала к Пьетро самые нежные чувства.

Неизвестно, что бы она испытывала, будь присланные вещи не столь дорогие и не в таком количестве, но тому, кто позволил бы себе намекнуть ей о покупных чувствах, она бы, не задумываясь, дала пощечину. По прискорбному обычаю, распространенному на всем земном шаре, Светлана не хотела видеть неприглядную оборотную сторону медали. Большинство из нас в хорошие минуты склонно рассуждать так: да, в жизни случается много плохого, но это—с другими, а со мной никогда случиться не может.

Словом, Светлана, по ее разумению, поступала не лучше и не хуже других. Но оставим это моралистам и вернемся к нашему повествованию.

...Виктор Андреевич заехал за Светланой в универмаг в восемь вечера. Там уже была и Галя. Он сказал, что будет ждать их в своей машине, и спустился вниз. «В своей машине» означало, что сегодня они в ресторан не пойдут.

Светлана села на переднее сиденье, рядом с Виктором Андреевичем, Галя сзади.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—21.

Виктор Андреевич поехал по центральной улице, потом свернул в сторону московского шоссе.

— Ну, как, угодил? — спросил он, имея в виду присланные вещи.

— Не то слово,— сказала Светлана.— Но все-таки мы с Галей все думаем: с чего такая щедрость?

— Нравитесь вы ему, Светланочка.

Виктор Андреевич посмотрел на Галю.

— Мама еще не вернулась?

— Нет.

— А папа все работает?

— Работает.

— Не поехать ли к вам домой?

— А что там делать? — сказала Светлана.

— Посидим. Галя чаю даст. Вы как, Галя?

Она колебалась. Что сказать отцу, если он вдруг увидит в доме незнакомого пожилого мужчину? Галя попыталась в полутьме машины разглядеть на своих часах, сколько времени.

— Сейчас половина девятого,— подсказал Виктор Андреевич.

— Отец приходит в начале одиннадцатого,— прикинула Галя.— Вообще-то на часок можно.

Виктор Андреевич развернул машину. Без десяти девять они были у Гали. Закрыв за собой дверь, Галя бросила ключи на подзеркальный столик.

Галя предложила им не чаю, а кофе. Они с отцом пили его, только когда Ольги Михайловны не было дома, потому что ее сильно раздражал кофейный запах.

Пока Галя была на кухне, Виктор Андреевич завел со Светланой доверительный разговор.

— Хочу с вами посоветоваться,— сказал он тихо.— Щекотливое дело.

— Мы друзья.

— Вы думаете, я бесплатно катаю вас на автомобиле? — кисло пошутил Виктор Андреевич.

— А вы ближе к делу,— предложила она.

— Видите ли, Светлана, я в последнее время несколько поиздержался.— Он замахал руками, предвосхищая ее возможную реплику.— Нет, нет, наши невинные сидения в ресторанах здесь ни при чем. Были другие причины.

— Чем я могу помочь? — серьезно спросила она.— У меня, правда, сберкнижки нет.

Виктор Андреевич быстро сунул руку в кармашек жилета и показал Светлане серебряно блеснувший перстень с большим зеленым камнем и спросил:

— Как вы думаете, сколько стоит?

— Понятия не имею. Это надо у Галины спросить, она специалистка, она знает.

— Я тоже знаю. Это стоит не менее тысячи рублей. Но мне нужно семьсот. Кажется, у меня опять будет командировка.

— Вы хотите его продать?

— Да. Но там, где эти вещи покупают, мне появляться очень бы не хотелось. Я езжу за границу... Ну и вообще...

— Понимаю,— сказала Светлана.— Вы хотите, чтобы я его сдала?

— Буду вечно благодарен.

— Меня могут надуть. Мы это сделаем вместе с Галиной.

— Спасибо.— Виктор Андреевич протянул ей перстень. Она положила его в сумку.

Потом Виктор Андреевич встал, прошелся по гостиной и заметил с одобрением:

— Уютный дом.

— Стараниями Ольги Михайловны,— усмехнулась Светлана.

— Галина мама вам не нравится?

— Родителей не выбирают — так, кажется, говорится? Но я бы от нее сбежала.

— Почему же?

— Она Галку с пеленок муштрует. Забитого человека сделала.

— Неужели? Я как-то не замечал.

— Это уж она отошла немножко. А посмотрели бы вы на нее годика три назад.

— А что же папа?

— А что он может сделать? Подслащивает Галкину жизнь подарочками. А вы, значит, опять за границу?

— Не сейчас, чуть позже.

— И снова в Италию?

— По всей вероятности.

— Везет же людям.

— Не хотите написать ему? — спросил Виктор Андреевич.

— Конечно, напишу.

Светлана сбегала в комнату Гали, вернулась с бумагой и ручкой, присела к столику.

Письмо получилось короткое, но энергичное:

«Дорогой Пьетро! Огромное спасибо за все — от меня и от Гали. Зачем такие дорогие подарки? Очень прошу — не тратьте лиры, лучше приезжайте сами. Ждем Вас — чем быстрее, тем лучше.

Светлана.

Привет от Гали».

Виктор Андреевич сложил листок, убрал в портмоне и сказал:

— Между прочим, вы помните первый наш разговор о Пьетро?

— Ну, конечно.

— Вы тогда сказали, он прямой и открытый человек.

— А разве не так?

— Не совсем. Он гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Я имел случай в этом убедиться.

Светлана хотела что-то спросить, но Виктор Андреевич, увидев входящую Галю, быстро сказал:

— Впрочем, это чепуха.

Галя появилась с серебряным подносом (недавнее нововведение Ольги Михайловны), на котором стояли чашки с кофе и сахарница.

— Виктор Андреевич опять в Италию собрался,— сказала Светлана.— Я записочку написала. От тебя привет.

— Хорошо,— отозвалась Галя.

Виктор Андреевич встал ей навстречу, взял поднос и сказал:

— Я говорю Светлане, у вас прекрасная квартира. Никогда не видел, как живут академики.

— Хотите посмотреть?

— Но прежде выпьем кофе.

Выпив кофе, Виктор Андреевич начал новый разговор.

— Я должен сделать вам одно признание, милые девушки. Не могу умолчать.

— Это всегда интересно, особенно если кто-нибудь признается, что он нехороший человек. Правда, Галка? — сказала Светлана, иронически глядя на Виктора Андреевича.

— У вас ядовитый язык, я, кажется, уже сообщал вам об этом, но вы очень проницательны.— Виктор Андреевич поглядел на нее искоса и добавил: — Я, может быть, и скажу нечто нелестное в свой адрес.

— Просим, просим.

Он посмотрел на Галю.

— Я ведь неспроста напросился к вам в гости. За рулем толком не побеседуешь.

— Не томите, Виктор Андреевич,— сказала Светлана.

— Разрешите один нескромный вопрос?

— Пожалуйста.

— Мы знакомы уже довольно давно, и я убедился, что у вас, Галя, нет молодого человека. Почему? Вы красивая девушка. Это неестественно.

Вместо Гали ответила Светлана:

— Один юноша уже задавал Гале такой вопрос. И с тех пор зарекся.

Виктор Андреевич понял, что поступил опрометчиво, но продолжал развивать тему:

— Я спрашиваю с определенной целью, а не из праздного любопытства.

— Становится все интереснее,— сказала Светлана.

— Нет, правда! — искренне воскликнул Виктор Андреевич.— Я не сват и не сводня, но письмо племянника навело меня на мысль... подтолкнуло...

— У вас есть племянник?

— Да, живет в Москве. Ему тридцать пять. В прошлом году развелся и сейчас одинок.

— А он кто? — Это все спрашивала Светлана. Галя молчала.

— Летчик. Служит в гражданской авиации.

— Слышишь, Галя?

Галя спросила:

— Налить еще?

— Я не хочу больше,—отказалась Светлана. Разговор о племяннике кончился ничем...

Виктор Андреевич взглянул на часы.

— Без четверти десять. Скоро придет ваш папа, а мы еще не посмотрели квартиру.

Галя повела их из гостиной на кухню, из кухни в свою комнату, затем в комнату матери и, наконец, в кабинет отца. У раскрытого секретера Виктор Андреевич задержался на несколько секунд. Он, между прочим, все время одобрительно причмокивал и хвалил обстановку, чем заставил Галю поглядывать на него с недоумением: его поведение не соответствовало тому образу, который сложился у нее. Восторги были явно преувеличены.

Наконец Виктор Андреевич сказал, когда они пришли в переднюю:

— Пожалуй, пора и честь знать.

— Подождите, мы сейчас,— попросила Светлана, и подруги оставили его одного: Светлане нужно было взять кое-что из вещей, хранящихся в кабинете Николая Николаевича.

Виктор Андреевич моментально преобразился. От солидной неторопливости, округлости жестов не осталось и следа. Он шагнул к столику, где лежали оставленные Галей ключи, вынул из кармана тяжелый, как хоккейная шайба, кусок серого пластилина и быстро, один за другим, сделал на нем оттиски двух ключей — каждый ключ с двух сторон...

Прощаясь с Галей, Виктор Андреевич сказал:

— А насчет племянника моего вы подумайте. Вдруг понравится.

— Чего же думать? Приедет — познакомьте,— снова ответила за подругу Светлана.

— Непременно.

По дороге к дому Светланы в машине Виктор Андреевич мягко напомнил о своей просьбе относительно перстня:

— Вы сумеете выкроить время, чтобы не очень оттягивать? Бедствует человек.

— О чем речь, Виктор Андреевич? — Светлана говорила на этот раз вполне серьезно.— Мы вам так обязаны...

Они не оттягивали. Во время обеденного перерыва Галя зашла к Светлане в универмаг, и они отправились в магазин Ювелирторга — единственный в городе, где у граждан покупают драгоценности.

Оценщик, старик в потертом черном пиджаке и не первой свежести белой рубахе, с плохо повязанным галстуком, сунул себе в глаз окуляр, какими пользуются в часовых мастерских, посмотрел камень, повертел перстень в пальцах и сказал:

— Вам дадут около двух тысяч. Только за камень, не считая платины.

— Спасибо,— поблагодарила Светлана и дернула Галю за рукав шубы. Они покинули магазин.

Когда вышли, Светлана сказала:

— Я думала, это серебро.

— Нет, платина. Это сразу видно.

— Жалко сдавать.

— Да, камень очень хороший.— Галя вздохнула.— А он думает получить всего семьсот?

— Ему столько нужно.

— Странно.

— Ты хочешь сказать, Виктор Андреевич знает этой штучке настоящую цену?

— Он же не маленький, а здесь ребенку ясно. Что-то я не понимаю...

— Может, он нас испытывает? — сказала Светлана.

— Для чего?

— А черт его разберет. Мужик ничего, во всяком случае, не сквалыга, а что еще мы про него знаем?

Они свернули в переулок, ведущий к универмагу, немного прошли молча.

— Тебе очень нравится? — спросила Светлана.

Галя кивнула.

— Тогда нечего рассуждать. Возьми себе.

— Откуда у меня такие деньги?

— Отец даст.

— Не могу я у него столько просить... Вот если бы мамочка моя...

— Лешка говорит: если бы у быка было вымя, он бы был коровой.

— Ты не поняла... Я думаю, может, матери предложить? Она разбирается.

Светлана до этих пор никак не выдавала своего раздражения, но тут не выдержала:

— Эх, мямля ты! Была бы у меня хоть какая-то возможность, я бы не упустила.

Галя пожала плечами.

— Но что же делать?.. Придется сдать...

Светлана протянула Гале перстень.

— У меня рука не поднимется. Лучше уж предложи мамочке.

Галя взяла перстень, хотела положить в сумку, но Светлана сказала:

— Надень на палец, а то потеряешь.

Галя сняла перчатки, попробовала на один палец, на другой.

— Видишь, он мне и велик.

Светлана засмеялась:

— А ты надень на большой. Введешь новую моду.

Серьезный разговор выродился в пустую болтовню, и, подойдя к универмагу, они почти позабыли, по какому немаловажному поводу он начался.

А вскоре приехала Ольга Михайловна. Галя показала маме перстень, сочинив при этом благовидную историю, будто у одной из ее сокурсниц тяжело заболели родители, срочно нужны деньги для лечения.

Разглядев хорошенько перстень, Ольга Михайловна спросила:

— Сколько он стоит?

— Я показывала оценщику. Больше двух тысяч.

— А она просит семьсот?

— Да.

— Дурочка. Хорошо, я возьму, но отдай ей девятьсот.

Ольга Михайловна в тот же день сняла со сберкнижки девятьсот рублей.

Вечером Светлана вручила семьсот рублей Виктору Андреевичу, который остался очень доволен.

Глава 11

ИСПОВЕДЬ НАЕМНОГО УБИЙЦЫ

I

Курортный городок Гштаад постепенно засыпáло снегом. Шла та единственная пора года, когда местных жителей здесь бывает больше, чем приезжих,— во все другие сезоны число отдыхающих значительно превышает число горожан.

Михаил и Брокман вели размеренный образ жизни. Вставали со светом, то есть в девятом часу, принимали душ, брились, завтракали, гуляли (однажды на прогулке Михаил незаметно сфотографировал Брокмана), обедали, играли в карты по маленькой, ужинали и ложились спать. На людях они говорили меж собой по-немецки, а когда оставались одни — только по-русски. Брокман обладал достаточным запасом слов, потому что, как он рассказал, ему приходилось регулярно общаться с выходцами из России, да и как-никак его родным языком был все же русский, он пользовался им до десятилетнего возраста, пока жива была мать. В его выговоре слышался южнорусский акцент, но это ничего не портило.

Специальных лекций о нравах и быте в Советском Союзе Михаил Брокману не читал. Они устраивали, так сказать, вечера типа «спрашивай — отвечаем». У Брокмана имелся заготовленный заранее вопросник, составленный, по всей вероятности, Монахом. Михаил отвечал на вопросы.

Пили они мало, но раз в неделю посещали очень дорогой ресторан, расположенный на одной из вершин, окружающих Гштаад. Это был большой, рубленный из толстых бревен дом, где внутри, в центральном зале, горел, потрескивая сухими поленьями, камин, где ветчину развозили по столикам на горячей жаровне, под которой краснели крупные угли, и официант откидывал медово лоснящуюся шкуру с окорока, как плащ, и клал на тарелку тонко нарезанные душистые ломти нежнейшего розового мяса. Поднимались в ресторан и спускались вниз в обтекаемых кабинах подвесной дороги, за что брали тоже довольно дорого.

Прислушиваясь к себе, Михаил обнаруживал, что недавняя твердая решимость поквитаться с Брокманом за отца словно бы размягчается по мере того, как ползут эти однообразные дни.

Однажды, уже в начале марта, он сделал неприятное открытие: за ними следили. Когда они возвращались в отель после посещения ресторана на вершине, Михаил обратил внимание на высокого худощавого человека лет тридцати, поджидавшего кого-то у нижней станции канатной дороги. Этот человек бросил на них лишь мимолетный взгляд, но что-то в его взгляде не понравилось Михаилу. Брокман ничего не заметил.

Остановившись у входа в отель и оглянувшись, Михаил опять увидел сухощавого — он повернулся к витрине галантерейного магазинчика. Повернулся как раз в то мгновение, когда Михаил оглядывался. Не очень-то ловкий малый, если ему дано задание следить...

Брокману Михаил о своем открытии сообщать не стал.

Необходимо было срочно установить, действительно ли это хвост, а если да, то за кем следят.

Наутро Михаил, поглядев в щель между плотными шторами на улицу, увидел идущего со стороны вокзала вчерашнего провожатого. Тот, не останавливаясь, поглядел на его окно, перевел взгляд на окно соседнего номера, где жил Брокман,— значит, успел установить, где обитает объект слежки. Но кто именно — объект?

После завтрака Михаил предложил Брокману прогуляться. Не успели они миновать миниатюрное здание вокзала, как он засек сухощавого. Вот, значит, какая система: этот доморощенный шпик центром своей паутины сделал вокзал. Что ж, правильно. Если люди приехали в Гштаад не на машинах, а на поезде, скорей всего они и уедут так же.

Теперь надо выяснить, к кому же шпик приставлен.

Михаил похлопал себя по карманам.

— Черт, сигареты забыл.

— Кури мои,— сказал Брокман.

— Терпеть не могу, трава.

Брокман курил американские «Кент». Михаил предпочитал крепкие французские «Голуаз».

— Купим по дороге.

— Здесь «Голуаза» нет, а у меня еще два блока в чемодане. Иди, я тебя догоню.

Михаил вернулся в отель, поднялся в номер и вправду взял из чемодана пачку сигарет. Для верности посидел минут пять, а когда снова вышел, шпика не заметил. Он его увидел, когда догонял Брокмана. Сухощавый, услышав за спиной торопливые шаги, шмыгнул в стоявший при дороге продуктовый магазин.

Так, значит, Брокманом кто-то сильно интересуется. Этот факт мог придать всему дальнейшему самую неожиданную окраску...

Они не успели уйти далеко—начался дождь, пришлось вернуться в отель. Сухощавый шпик проводил их, будучи, вероятно, уверен, что хорошо исполняет свою роль. Странно, что Брокман все еще не замечал слежки. Михаил не собирался раскрывать ему глаза...

Погода сильно испортилась, и, кажется, надолго. Погода не благоприятствовала горнолыжникам, начинавшим понемногу стягиваться в Гштаад: облака скрывали снежные вершины Бернских Альп, в долинах шли дожди вперемежку со снегом, часто туманы спускались с гор вниз, и днем в отеле зажигали свет.

Вот в такой пасмурный, туманный день и настал момент, которого терпеливо ждал Михаил Тульев. Вероятно, все же не от скуки развязался у Брокмана язык. Надо полагать, даже у самого ожесточившегося, органически неспособного на раскаяние, верящего только самому себе человека хотя бы раз в жизни возникает потребность излить душу. Верующие делают это на исповедях перед священником. Но Брокман, разумеется, в бога не верил, так же как и в дьявола,— он предпочитал верить своим хорошо тренированным мышцам, великолепной реакции и безотказному, содержащемуся в образцовом порядке оружию. Может быть, смутные воспоминания о матери, которая была очень набожна и во время воздушных налетов, когда они прятались в подвале — это было в Дюссельдорфе,— становилась на колени, шептала молитвы и каялась в каких-то своих смертных грехах, может быть, толчком для внезапно прорвавшейся откровенности послужили именно эти полустершиеся детские впечатления, связанные с материнскими покаяниями и всплывшие в безмятежно спокойной обстановке швейцарского курорта. Как бы там ни было, Брокман, лишь совсем чуть-чуть подталкиваемый к этому Михаилом, разоткровенничался.

Исповедь состоялась в уютном, теплом номере Брокмана, где они пообедали. Накануне вечером, возвращаясь после прогулки, Брокман поскользнулся на мокром, осклизлом камне, подвернул ногу и слегка потянул связки. Вызванный хозяином отеля врач сделал ему массаж, растер больное место мазью «гирудоид» и наложил тугую повязку, велев дня два полежать в постели и гарантировав полное заживление. Поэтому и обедали в номере.

Брокман лежал в белом шерстяном свитере и серых лыжных брюках на кровати поверх одеяла. К кровати был придвинут столик, на котором стояли вино и ваза с жареным миндалем. Михаил сидел в кресле по другую сторону столика. Он курил и подправлял пилкой ногти.

— Давно хотел тебе сказать: что-то ты не очень похож на француза,—заявил вдруг Брокман вне всякой связи с предыдущим разговором, который касался различных травм, полученных собеседниками в прошлом.

— Видишь ли,— отвечал Михаил,— я француз только наполовину. Мать у меня русская.

Это и было толчком.

Брокман заложил руки за голову, полежал так, глядя в потолок, а потом начал свой рассказ, прерывая его лишь для того, чтобы отхлебнуть вина или прикурить.

— Да-а, а у меня сам черт не разберется, кто я такой в смысле национальности. Коктейль! Смотри сам: дед по отцу был, правда, чистокровный немец, а женился на шведке. Значит, отец стал шведский немец или немецкий швед, да? Мать была наполовину русская, а наполовину молдаванка. Кто же, выходит, я? Не понимаю почему, но мать мне, сколько помню, все время твердила: ты русский.

Родился я в тридцать шестом году в городе Бердянске, на Азовском море. Там была небольшая колония немцев. Виноград разводили. Отец работал механиком, чинил трактора, где именно — сейчас уже не помню. Мать ухаживала за виноградником и растила меня.

Когда Гитлер захватил Украину, отец пошел служить в вермахт, а нас отправил к каким-то своим дальним родственникам в Германию.

Его приняли с помпой, мать рассказывала: в газете писали, что вот, мол, у фюрера везде есть верные друзья, готовые пожертвовать собой ради его святого дела, и вот вам пример — Иоганн Брокман, славный сын великого германского народа. И так далее — галиматья несусветная...

Отец попросился в танковые части и скоро дослужился до гауптмана.

Убили его в сорок третьем на Курской дуге... Вот тебе и дуга! Всем офицерским вдовам трупы прислали — мы тогда уже в Дюссельдорфе жили, а моей матери — никаких героических останков, сгорел отец в своем «тигре», как в крематории. Я потом видел, как может гореть железо, а в детстве не верил...

Плохо помню, всего ведь семь лет было, но как мать голосила и причитала — это запомнилось.

И еще бомбежки. Союзнички долбали с воздуха старательно. Я после, как вырос, про войну читал, историческое. Про налеты на мирных жителей в книгах ничего не упоминалось, но я-то помню, как один раз завалило нас с матерью в каком-то подвале. Потом долго на зубах кирпичная пыль скрипела. А всех отцовых родственников убило...

Причитала мать — с ума сойдешь! Она в сорок пятом умерла, от рака легких, курила слишком много. И вот, представляешь, с сорок третьего, как отец в России накрылся, и до самой смерти долбила она мне: «Твоего папу убили большевики, помни об этом». Для чего ей это нужно было, не знаю.

И в школе учитель, грустный такой дядя, все в платок посмаркивался, тоже о красных толковал, о том, как сгубили русские лучших сынов германского народа. Тихо так плакался, как бы по секрету, и все вздыхал, руками разводил. Но хочешь — верь, хочешь — нет, а на меня и тогда уже никакая агитация не действовала. Я был парень самостоятельный.

Когда мать умерла, я продал старьевщику наше барахло, купил пачку жевательной резинки и американские сигареты и поехал в Гамбург. Какая была у меня цель, не помню. За три года после смерти матери всю Германию исколесил, и милостыню просил, и где-то на ферме коров пас, и почтальоном работал в каком-то городишке. А потом попал в монастырский приют для сирот. Учили там понемногу и работать заставляли, табуретки делали, а жрать в столовую—строем. Год мучился, а потом сбежал. Год по Рейну на барже-самоходке плавал, приютил меня старенький

шкипер. Гравий возили, песок, цемент — в общем, что попыльнее, но все же тот год хороший был, много чего я повидал. И главное, все время в дороге, сегодня здесь, завтра там. Хотел меня шкипер усыновить, но тут надоела мне баржа, списался на берег, и правильно сделал. Не надо было шкипера обижать, конечно, да что поделаешь — взял я у него сто марок на разжив. Украл, значит. Думал, после отдам, беру взаймы, хоть и без спросу. А вспомнил про должок видишь когда — только здесь, в этом шикарном Гштааде, чтоб его туманы съели. Шкипер, небось, давно помер.

На реке сильно я вырос и крепкий стал. Как-никак, все время на воздухе, пища простая, здоровая, работы хватало.

Шкипер по-английски свободно разговаривал, меня поднатаскал. И на мандолине учил играть, но это ни к чему.

И вот, значит, заявляюсь я с сотней в кармане в Мюнхен. Дело было летом, в августе, кажется.

Ясно, одичал на реке, первым долгом в кино. Какой-то американский боевик крутили. А после кино зашел перекусить в соседний бар. Пива взял. До того я ни разу ни пива, ничего другого не пробовал. А тут выпил две кружки... И так себя прекрасно почувствовал, прямо в рыло кому-нибудь дать захотелось.

И подкатывает ко мне такой обтянутый типчик и румяный, как яблочко на витрине. Покрутился возле моего столика, присел и начинает разговорчики: кто, откуда, здешний, нездешний. А потом говорит: «Видите вон того господина за столиком у окна?» Правда, сидит такой гладкий, глазки заплыли, только что не мурлыкает. На столе трость и шляпа. «Вижу,— отвечаю,— но мне до него дела нет». Этот тип решил, наверно, что я деревенщина какой-нибудь, нечего особо церемониться, и объявляет без подготовки: «Вы ему очень нравитесь, он хочет с вами познакомиться». Я тогда еще плохо разбирался кое в каких делах, но сразу смекнул, куда он клонит, и врезал ему между глаз оч-чень плотно. И ноги в руки.

Удрал я классно, да недолго радовался... Повезло мне с тем типом — дальше некуда. Их там много оказалось, у этого, с тростью. Целая банда. Надо было мне сразу смыться из Мюнхена куда подальше, а я еще два дня околачивался. Ну и нашли они меня. Думаю, не специально разыскивали, а просто случай.

Отделали на улице. А после затащили в дом, дали еще как следует, а потом две недели лечили — самим дороже. И девчонку приставили — ухаживала, после у нас любовь была.

Этот, с тростью, заворачивал большими делами. Кокаин, морфий и проститутки. В банде человек сто, причем многие по-людски жили — где-то там на службе числились, жены, дети, счет в банке.

Приставать ко мне больше не приставали, но отлепиться от них не удалось. Да, по правде сказать, и понравилась новая жизнь. Отвезешь в другой город пакетики, запрятанные в специальные ботинки на два номера больше. Вернешься — пей, гуляй. Сам я к наркотикам не привык, хотя и пробовал. Да и не поощрялось это в нашем братстве — так шефы свою банду называли. Оно и понятно: наркоманы — народ ненадежный...

Братство, конечно, звучит красиво, но я скоро увидел, что законы в нем те же самые, как и у банкиров и у больших дельцов, которые легально зарабатывают. Шефу — тысячу марок, мне — десять. Я попадусь — мне тюрьма с долголетней гарантией, а он по-прежнему будет себе тросточкой помахивать. Но я не в подворотне родился, мне тоже в «ягуаре» поездить хотелось. А уж если ставить на карту свободу, то по крайней мере против хорошего куша, а не по полсотни марок за поездку. В общем, попробовал я сработать на себя.

Раз как-то получил очередную партию кокаина — полкило в двух пакетах, место назначения — Кельн. В аптеке купил десять пачек аспирина, растолок таблетки, отсыпал из пакетов кокаин, а в пакеты, понятно, аспиринчик добавил, а в Кельне пятьдесят граммов продал от себя одному жучку-одиночке. Сошло, никто ничего не узнал. А я на банковский счет десять тысяч марок положил, там же, в Кельне. Еще, помню, клерк в банке все на меня глаза пялил — наверное, хотелось спросить, откуда у такого молокососа столько денег. Но и уважение чувствовалось: самостоятельный молокосос.

Потом я таким же образом отвез партию кокаина в Штутгарт, и тоже благополучно. И пошло как по маслу.

К началу пятьдесят девятого у меня в банке семьдесят тысяч лежало. До сих пор не пойму, как это мне сходило с рук. Скорей всего на пути от оптового поставщика до потребителя не один я химичил.

Но за шкуру свою я дрожал, признаюсь. Потому что за такие штучки у братства была одна расправа — нож под лопатку.

Может, удалось бы мне по-настоящему разбогатеть, если бы не одна глупость. Вернее, нахальным я стал, бдительность потерял.

А дело было так.

Жил я в двухкомнатной квартире вдвоем с напарником. За квартиру платил шеф. Такую он завел систему, чтобы холостые члены банды жили попарно: следить друг за другом удобнее, всегда на виду.

Комната моя запиралась, но какой замок нельзя открыть? Я знал, что напарник у меня пошаривает, проверяет.

Но я, говорю, немного обнаглел и один раз нарушил свое собственное правило — чтобы дома никаких следов.

В очередную поездку мой кельнский жучок-одиночка предложил в уплату за товар часть деньгами, а часть — золотом. Кольцо у него было, с черепом черненым, очень мне понравилось. Теперь-то я знаю, что нет ничего лучше счета в швейцарском банке, а тогда польстился на золото и был наказан. Мне бы продать кольцо, даже выбросить — и то лучше...

Короче, через неделю мой напарник устроил у меня тайный шмон и нашел кольцо — я его в белье держал.

В тот же вечер ко мне пришли двое личных исполнителей шефа — пожалуйте на беседу.

В машину и за город — там у них усадьба была, со старинным домом, с парком и озером, как в кино.

Это в феврале было, погода промозглая, а они мне даже плаща не дали надеть, торопились.

Вводят в большую комнату. Поставили меня перед шефом, он руку в карман, потом кулак разжимает — на ладони мое кольцо. Спрашивает: «Откуда?» Говорю, на улице нашел, а меня сзади по уху — раз!

Поднялся, в черепушке колокольный звон, а он мне из газеты вырванный кусок под нос сует: «Читай!»

Оказывается, в Кельне ограбили какую-то старуху-баронессу, обчистили родовое гнездо до перышка, и в числе ценностей мое кольцо упоминается. Шеф спрашивает: «Так где ты нашел эту штучку?» Опять отвечаю: на улице. И по второму уху — трах! Но тут я уже устоял. Думаю, надо как-то выкручиваться, иначе крышка. Каюсь ему: в гостинице, мол, украл. Увидел случайно, когда по коридору шел, что

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧЕНО...

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

по просьбе читателя

В редакцию позвонила киевлянка Е. Воронько:

— Приехала в Москву, надеялась заказать здесь очки в красивой оправе... Не удалось мне это сделать!

Редакция поручила специальному корреспонденту «Огонька» К. Барыкину подготовить материал по этой проблеме. Он побывал на заседании коллегии министерства, на крупнейшем производстве оправ и очковой оптики, в московском магазине «Оптика». Экономический репортаж на эту тему читайте в одном из ближайших номеров «Огонька».

ПРИГЛАШЕНИЕ ПРИНЯТО

«Нет хорошей копировальной бумаги, нет добротных лент для пишущих машинок» (из письма Л. Иванчиковой, «Огонек» № 15 с. г.). В дни, когда было опубликовано это письмо, в редакцию позвонили из Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР: «Приглашаем на совещание по вопросам выпуска копировальной бумаги и ленты для пишущих машин».

Корреспондент «Огонька» побывал на этом совещании и рассказывает о нем...

«МАРАТЬ БУМАГУ»...

Устоявшийся фразеологический оборот "марать бумагу" приобрел буквальное значение. Несмотря на аккуратность, копировальная бумага пачкала, оставляла не только копии букв, но и какие-то ненужные мне штрихи и линии. Да и руки выглядели не лучшим образом. Я подумал: "Попался бракованный лист?" Взял другой. Та же история.

...Впрочем, особой новостью все это едва ли назовешь. Копирка, которая поставляется в магазины предприятием «Союз», из рук вон плохa. Один из руководителей фирмы «Союз» В. Дударев, выступая на совещании, сказал: «Высококачественная копирка разработана». И был прав, утверждая это. Но почему же нет добротной копировальной бумаги в магазинах?

Попытке прояснить этот вопрос и было посвящено совещание, состоявшееся в Центральном научно-исследовательском институте бумаги Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Начну с того, что у меня создалось такое впечатление, будто всех собрали наспех, без подготовки. Короткий доклад, содоклад, и вслед за ними вопросы председательствующего: «Может, кто-то хочет выступить?» Ну да ладно, речь не о совещании, а о копирке.

— Рассчитывать на то, что уже со следующего года получим продукцию на уровне лучших мировых образцов, не следует, — сказал, заключая совещание, начальник технического управления министерства В. Алехин.— Но, безусловно, большая работа проделана.

Со сроками вообще не все ясно. Показали отличную копирку, но на вопрос «Когда будет выпускаться?» пожимают плечами: все-де зависит от поставщиков, смежников и заказчиков. Но вот берут слово они, и вырисовывается картина иная. Обидой прозвучали слова представителя института синтетического волокна А. Дубинина:

— Мы разработали и поставили нити специального профиля для машинописных лент, но они пролежали без испытания более полугода...

На совещании охотно говорилось о том, что «Союз» — уникальная фирма.

Но после того, как выступили представители Госкомиздата СССР (главный специалист М. Соркин), Центрального телеграфа (инженер М. Петров), Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей (заведующий лабораторией Б. Фейгельсон), Минторга СССР (главный специалист Н. Хисамов), стало ясно, что аплодировать уникальности рано. Уникальность фирмы, к сожалению, не в том, что она дает уникальную продукцию, а в том, что это единственное в стране предприятие, выпускающее ленты и копирку, — а дает она заурядные изделия.

Судя по всему, одна из бед — нечеткость требований, которые предъявляют бумажники. Не смогли они вовремя учесть и того, что в последние годы Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления сделало рывок вперед, и теперь пишущих машин появляется все больше, — значит, требуется больше копирки и ленты высокого качества. Но это возможно в том случае, если сами бумажники начнут самокритично относиться к своей работе. Не слишком ли много превосходных степеней, которыми руководители предприятий оценивают сделанное ими? «Наша лента при правильной ее эксплуатации дает достаточно высокий уровень отпечатка»; «мне кажется, пора прекратить разговоры о якобы низком качестве нашей продукции», — это из выступления тов. Дударева.

А тем временем копирка и лента по-прежнему пачкают бумагу и руки. Я пишу эти строки и вспоминаю, как мне снисходительно разъяснили: «Не пачкает, а имеет повышенную отмараемость!»

«Огонек» уже публиковал несколько писем читателей о низком качестве продукции «Союза». Но пока мы не можем сообщить им, когда и где они смогут приобрести высококачественную копирку и ленту.

Прошедшее совещание, к сожалению, не дало ответа на этот главный вопрос.

К. КОСТИН

читатель спрашивает. ждем ответа

ТОПОР БЕЗ ТОПОРИЩА

В «Огоньке» неоднократно говорилось об улучшении качества различных бытовых машин — домашних помощников. Мне тоже хочется поднять вопрос о качестве. Речь пойдет о строительных инструментах. Вот, например, обыкновенный металлический складной метр или рулетка. Они необходимы многим. Строители в основном работают под открытым небом. После двух-трехдневного пользования метр покрывается ржавчиной, цифры стираются, и их уже не разглядеть. Как выходим из такого положения? Палкой измеряем. А разве нельзя сделать так, чтобы эти инструменты изготовлялись из нержавеющей стали, чтобы цифры были нанесены четче?

Или вот ножовки — ручные пилы по дереву. Хороши они! Но вот какая досада: на заводе их не точат, не делают разводки. В домашних условиях, даже в мастерской, на это приходится тратить 2—3 часа. А если учесть, что ножовка сделана из первоклассной стали, а напильники только что не из железа, то для того, чтобы наточить ножовку, надо извести не один напильник.

Мы получаем на инструментальном складе готовый к работе молоток, с насаженной ручкой, все аккуратно. А почему бы не сделать то же самое с плотницким топором?

Ф. ОНАЦИК, бригадир комплексной строительной бригады

Энергодар, Запорожской области.

в номере дверь не закрыта, зашел, в ванной комнате на зеркале кольцо лежит, ну и соблазнился. Брешу, а сам вижу, не верят ни одному слову.

Приговор шефа был не очень строгий: держать меня под домашним арестом до выяснения дела. Кольцо он оставил себе.

Думаю, докопались бы они до моего счета в банке, если бы не убежал я в тот же день.

Не помню, сколько раз дал напарнику по роже и под ребра, но улегся он на пол как миленький и до пистолета в тумбочке добраться не успел. Выскочил я из квартиры, поднялся на лифте на верхний этаж, там по коридору пробежал на пожарную лестницу, ссыпался по ступенькам к выходу во двор. Постоял, подышал и придумал, что делать дальше.

Недаром говорю: голова у меня работала. Через пять минут я был на призывном пункте, а спустя часа три уже значился рядовым бундесвера и ждал отправки в казарму.

Здоровьем меня бог не обидел, медицинская комиссия предложила любой род войск — на выбор. Я решил податься в десантные части. И надо сказать — не прогадал. На земле оно, может, и спокойней, но шагистику я с детства ненавижу, и потом у десантника — на всю жизнь закалка, только не ленись учиться и не бойся потеть.

Про службу рассказывать долго не стоит — однообразно... Скажу лишь, что родитель мой дослужился у Гитлера до гауптмана, до капитанского чина, а я — до гаупт-ефрейтора, но с меня и этого довольно, и к тому же я свою голову за фатерланд не сложил.

В шестьдесят первом уволился я из армии. Сначала было желание остаться по контракту, потому что побаивался я старых дружков. Ведь в штатской жизни одному плавать надо, никакой защиты. Но дошли до меня сведения, что полиция накрыла шефа и с ним многих его главных помощников, осталась на воле мелкая сошка. Этих я не боялся.

Семьдесят заветных тысяч лежали целенькие, да еще и проценты наросли, так что на первое время с голоду я не мог умереть, а потом, думаю, посмотрим. Можно собственное дело открыть.

Но не вывернулось мне честное счастье. Замахнулся на автомастерскую — видно, в жилах это сидело, от отца, уж и присмотрел подходящую, а цена оказалась не по зубам: восемьдесят тысяч.

Пока разъезжал, денежки растаяли. Да еще спутался я с одной красоткой, покутили месяц — на меня обязательно раз в год накатывает, хоть связывай. И в одно распрекрасное утро проснулся я с похмелья в Копенгагене — ни красотки Маргариты, ни бумажки в кармане.

Вот и получилось, что в двадцать пять лет остался я такой же голый и непристроенный, как в девять, когда умерла мать. Правда, я многому был научен, но не тому, что дает человеку честный кусок хлеба.

Побросал я в кофр костюмы и белье, собрал с полу мелочь, посчитал — на завтрак с пивом хватит. Но я уже отвык медяками расплачиваться, а главное — что же дальше? Воровать? Но на это тоже умение нужно. Грабеж я презираю. Можно, конечно, наняться подметать улицы, собирать с асфальта совочком собачье дерьмо. Но это совсем не по мне, лучше уж удавиться.

Спустился я с кофром вниз. Портье глазам не верит: прибыл постоялец, как миллионер, а сейчас сам свой кожаный сундук тащит. Этот портье был замечательный человек, я его на всю жизнь запомнил.

Корчить из себя аристократа я не стал, вывалил все как есть, и портье не удивился.

Думал он ровно столько, сколько горит спичка, и попросил коротко рассказать, что я делал, как жил раньше. О братстве я умолчал, сказал, что учился в школе, а потом служил в десантных войсках. «В таком случае я дам вам совет,— говорит портье.— Поезжайте в Париж. На улице Мюрилло найдете контору мсье Тринкье. Там для вас найдется подходящая работа». Я объяснил, что у меня даже на дорогу нет. Но он решил вопрос просто: я оставил ему кофр с вещами, он дал мне денег.

Продолжение следует.

...И ВОСТОРГ ЛЮБВИ

«Села Новоспасского капитан Иван Николаевич сын Глинка с женою Евгенией Андреевной родился 20 числа сын Михаил...»

Такая запись появилась в метрической книге села Новоспасского, Ельнинского уезда, Смоленской губернии, 20 мая 1804 года. В Смоленском областном музее, в мемориальном зале Глинки, перелистываем пожелтевшие страницы этой старинной книги...

А вот он сам, великий смолянин, стоит в центре города лицом к востоку... С дирижерской палочкой в руке Глинка как бы вслушивается в звуки музыки. Надпись на пьедестале, выполненном из полированного лабрадорита, кратка: «Глинке — Россия». Изящная узорчатая решетка вокруг постамента уникальна, она — произведение искусства, изображающее нотные строки из «Ивана Сусанина», «Руслана и Людмилы», «Князя Холмского» и других произведений Глинки. Всего 24 отрывка. «Решетка к памятнику Глинки,— писал В. Стасов,— совершенно необычная и, смело скажу, совершенно беспримерная. Подобной решетки нигде до сих пор не бывало в Европе».

Медленно обходим памятник работы скульптора А. Бока, вчитываемся в надпись на решетке: «И восторг любви снова возвращается». Действительно, «восторг любви» к русскому гению возвращается вновь и вновь. Всенародный восторг, который впервые, быть может, был исторгнут у этого пьедестала 20 мая 1885 года, когда сюда на открытие памятника съехались почти все крупнейшие русские композиторы: П. И. Чайковский, А. К. Глазунов, С. И. Танеев, А. С. Аренский, М. А. Балакирев...

Новая, полнокровная жизнь творческого наследия великого композитора началась после революции. Здесь, на смоленской земле, свято чтут все, что связано с именем Глинки. Парк, где стоит памятник, а также улица, прилегающая к парку, названы его именем. Напротив памятника старинное здание, мемориальная доска на его фронтоне гласит, что в этом доме в 1848 году бывал Глинка. Одна из четырех музыкальных школ Смоленска носит имя Глинки.

В Ельне, ныне районном центре, на центральной улице стоит неприметный внешне одноэтажный дом, в котором часто бывал Глинка у своей сестры М. И. Стунеевой. Ныне здесь музыкальная школа. Традиции ее ведут в далекие революционные годы, когда здесь на добровольных началах была создана народная консерватория.

...Новоспасское — родина Глинки — стоит на берегу Десны. Все здесь освящено именем русского гения. Красивый парк превращен в историко-культурный заповедник. На территории парка — два живописных пруда, невдалеке — бывшая родовая церковь Глинок, подле нее могилы родителей Михаила Ивановича.

Здесь же, в парке, стоит вековой дуб. Рассказывают, что под ним часто бывал композитор, работая над «Русланом и Людмилой». Стоишь под деревом, и кажется, что это тот самый «дуб зеленый», на котором «златая цепь», и «кот ученый»... Все вокруг — сама сказка. Но реальность прерывает эти раздумья: стучат топоры, звенят электропилы, раздаются возгласы строителей,— бывший дом Глинки восстанавливается заново.

В семидесятых годах прошлого столетия дом Глинки был продан на своз родственниками. Следы его искали в разных городах, и было принято решение — построить новый дом по сохранившемуся фундаменту, именно в таком виде, каким он был при Глинке. А пока ежегодно отмечаемые годовщины со дня рождения композитора празднуются на временной эстраде под открытым небом. Эти праздники стали традицией смоленской земли. Тысячи людей приезжают каждое 20 мая сюда, в Новоспасское. Самые прославленные музыкальные коллективы страны выступают на этих подмостках. «Глинкинские декады», музыкальные празднества, самодеятельные местные коллективы, звонкие голоса ребятишек, заполняющих в майские дни Новоспасское,— все это олицетворяет радость, которую доставляет людям музыка Глинки. И невольно опять вспоминаются слова на решетке памятника композитору. Да, восторг любви к великому Глинке, живые традиции этой любви не изгладятся никогда.

Феликс МЕДВЕДЕВ

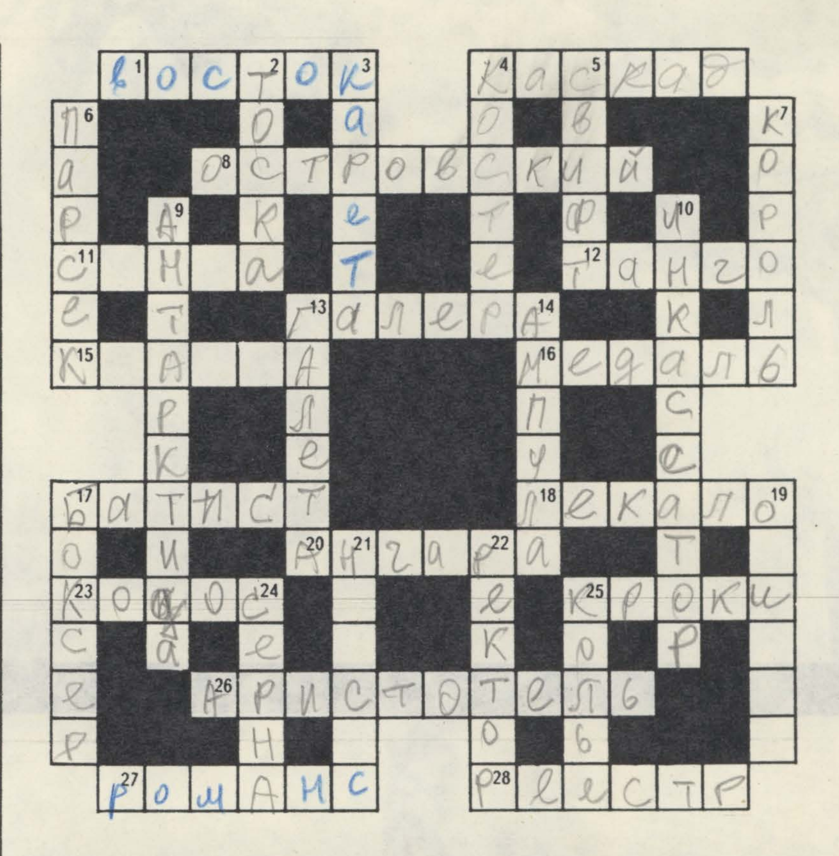
КУБОК «ОГОНЬКА» У ДИНАМОВЦЕВ

Девять лет назад редакция журнала «Огонек» учредила переходящий приз — «Кубок справедливой игры». Этот почетный спортивный трофей предназначен той хоккейной команде высшей лиги, которая на чемпионате страны после долгой и трудной борьбы наберет как можно меньше штрафных минут и притом забьет достаточно большое число шайб.

Лишь шести командам удавалось завоевывать этот приз. Среди них были команды ЦСКА, «Спартак», «Крылья Советов», «Торпедо», «Динамо», СКА (Ленинград). До нынешнего сезона лишь хоккеистам ЦСКА и спартаковцам удавалось по два раза владеть Кубком. Теперь к этим командам присоединились московские динамовцы, во второй раз завоевавшие «Кубок справедливой игры». Они получили 420 штрафных минут и забили 210 шайб. Команда после произведенных подсчетов вышла вперед с лучшей суммой очков — 410 (на втором месте армейцы Ленинграда — 445 очков).

18 мая на торжественном собрании, посвященном успешному выступлению команды «Динамо» на чемпионате страны, «Кубок справедливой игры» был вручен динамовцам.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Одна из главных точек горизонта. 4. Водопад, низвергающийся уступами. 8. Русский драматург XIX века. 11. Приток Терека. 12. Танец. 13. Старинное гребное судно. 15. Музыкальный интервал. 16. Награда. 17. Льняная или хлопчатобумажная ткань. 18. Разновидность линейки. 20. Река, вытекающая из Байкала. 23. Орех пальмы. 25. Набросок, эскиз. 26. Древнегреческий мыслитель. 27. Жанр вокальной камерной музыки. 28. Перечень, опись.

По вертикали: 2. Опера Д. Пуччини. 3. Крытый экипаж. 4. Ежемесячный детский журнал. 5. Автор книги «Путешествия Гулливера». 6. Единица расстояния в астрономии. 7. Шахматная фигура. 9. Южная полярная область. 10. Работник, занимающийся приемом и доставкой денег. 13. Сорт печенья. 14. Стеклянный сосуд для хранения лекарства. 17. Порода собак. 19. Штат в Индии. 21. Остров в Эгейском море. 22. Руководитель вуза. 24. Горная антилопа. 25. Ожерелье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 3. Фейхтвангер. 7. Луара. 8. Ребус. 10. Монако. 11. Драпри. 12. Фазан. 14. Консул. 15. Адажио. 16. Ватман. 17. Обойма. 18. Габес. 21. Блесна. 24. «Гамлет». 26. Олово. 27. Полка. 28. Александрит.

По вертикали: 1. Айдахо. 2. Огород. 3. Фраза. 4. Труппа. 5. Алупка. 6. Рубка. 7. Леонкавалло. 9. Сурдокамера. 12. Фланг. 13. Насос. 19. Арахис. 20. Ереван. 22. Скоба. 23. Апогей. 24. Гепард. 25. Молот.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Фрагмент картины И. Е. Репина «Михаил Иванович Глинка в период сочинения оперы «Руслан и Людмила». 1887.

Государственная Третьяковская галерея

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник М. И. Глинке в Смоленске. * Личные вещи композитора в краеведческом музее. * Смоленск, улица Глинки. В этом старинном доме находится медицинский институт. * Ельня. В музыкальной школе имени Глинки идут занятия.

Фото Б. Кузьмина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 4.05.79. А 00665. Подписано к печати 22.05.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1261. Заказ № 609.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

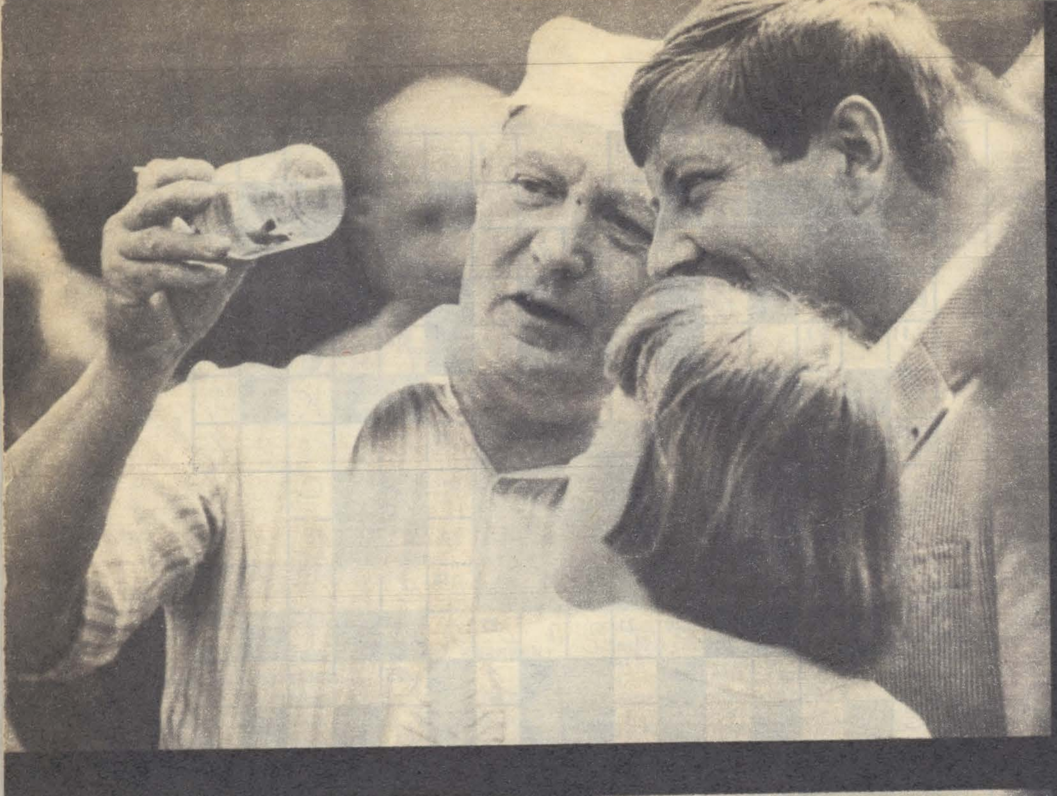

Фото И. ГАВРИЛОВА

Беседуют пожилой плотный мужчина и тоненький, светленький парнишка с несколько ошалелыми глазами.

— Что это у вас! — показывает он на мохнатое существо, которое выглядывает у мужчины из-за пазухи.

— Собака,— коротко отвечает тот и отворачивается, словно бы опасаясь дальнейших расспросов.

— А какой она породы!

— Точно не знаю... Но очень хорошей.

— А сколько вы за нее хотите!

— Прошу два, отдаю за рубль.

— У меня только пятьдесят копеек,— говорит парнишка.

— Я бы тебе отдал ее и за двугривенный, но она мне этого не простит,— серьезно отвечает мужчина.

Ну, скажите, где вы можете услышать такой разговор! Да, конечно, это Птичий рынок — интереснейшее, забавнейшее место Москвы. Кто побывал здесь, вряд ли забудет об этом когда-нибудь. Проходят годы, и однажды, прихватив сынишку, а то и соседских ребятишек, чувствуя непонятное волнение, вы отправляетесь на Птичий рынок, словно на встречу с собственным детством.

До рынка еще далеко, еще только Таганка, но попробуйте остановить любого, спросите, как попасть на рынок! И вам обстоятельно расскажут, покажут, и не просто из вежливости, а как бы одобряя это ваше желание, как если бы вы раскрылись перед незнакомцем какой-то своей хорошей, симпатичной стороной. И вам не придется спрашивать, на какой остановке сойти — у Птичьего рынка пустеют троллейбусы, трамваи, автобусы, вроде больше и ехать некуда, вроде бы и грешно в этот день ехать еще куда-то.

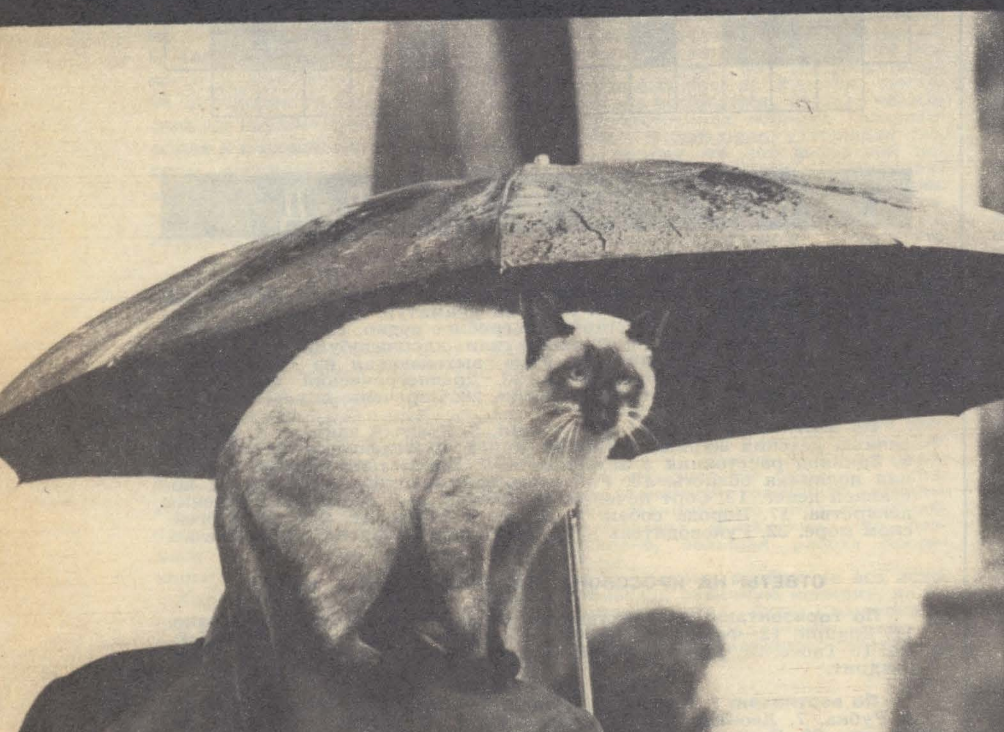
Еще до входа, по эту сторону ворот вам начинают попадаться странные люди с котами на плечах, с собаками за пазухой, с черепахой под мышкой, будто он не черепаху держит, а папку с деловыми бумагами. Но вот вы протискиваетесь на рынок и отдаетесь во власть людских водоворотов. Непонятные, причудливые течения неизбежно вынесут вас к радужным рядам рыбок, аквариумов, водорослей, экзотических раковин и кораллов, неизбежно вы окажетесь и у птичьих клеток, где можно услышать, увидеть и даже потрогать любую пернатую живность — от зеленого попугая до серого воробья.

А собачьи ряды! А кошки! От сиамских и камышовых до ангорских и сибирских! Здесь нередко можно увидеть обезьян, и, поговаривают, кто-то притащил однажды даже крокодила... Конечно, в зоопарке животных побольше, но там нет этого непосредственного общения, доступности, там они в отдалении, почти как на экране. А здесь вы подошли к щенку, потрепали его за ухо, он в ответ лизнул вам руку, и кто знает — вы его выбрали или он вас!

Да, рынок есть рынок, здесь продают и покупают, но уж больно необычен товар. И потом — какая еще покупка принесет вам столько волнений, беспокойства, радости! А между тем покупатели и продавцы здесь в явном меньшинстве. Многие приходят сюда приобщиться к празднику — наверно, можно и так сказать.

Вы еще не были на Птичьем рынке!

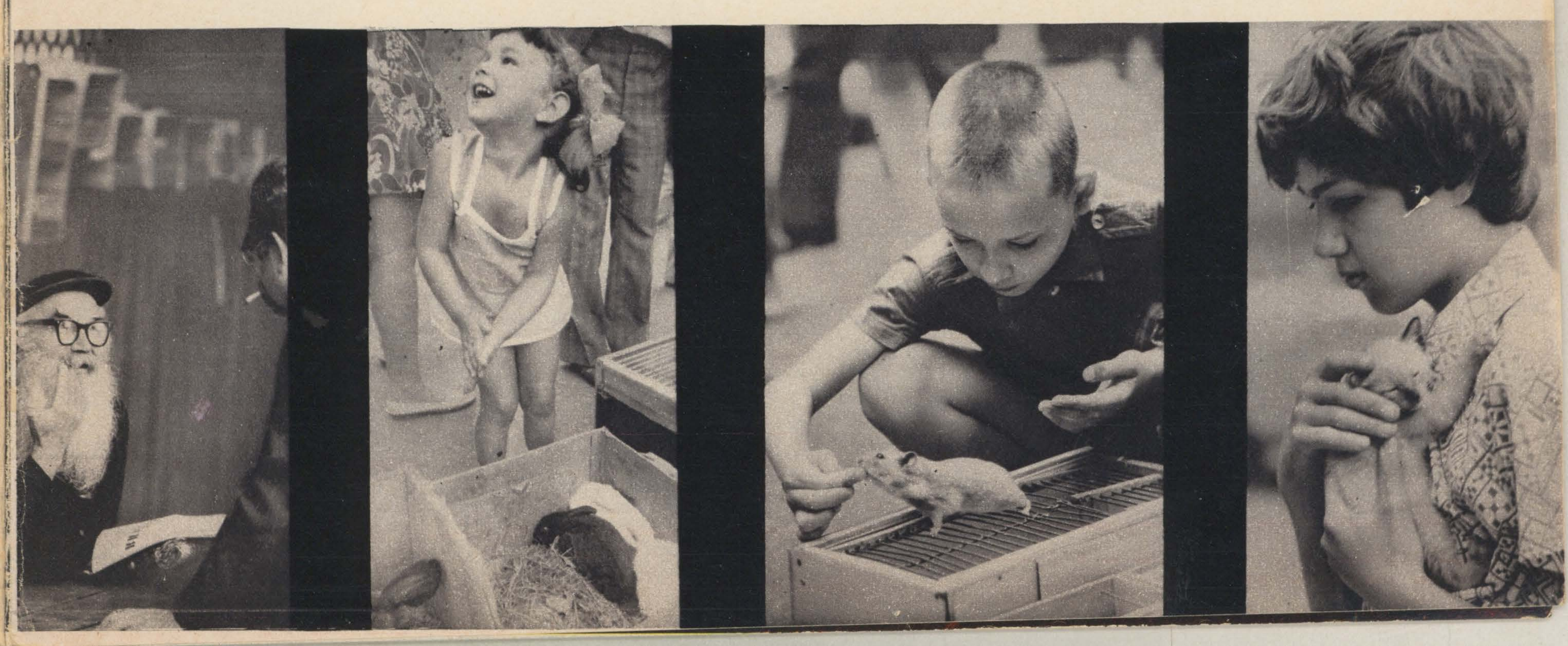
Л. ШАПОВАЛОВ

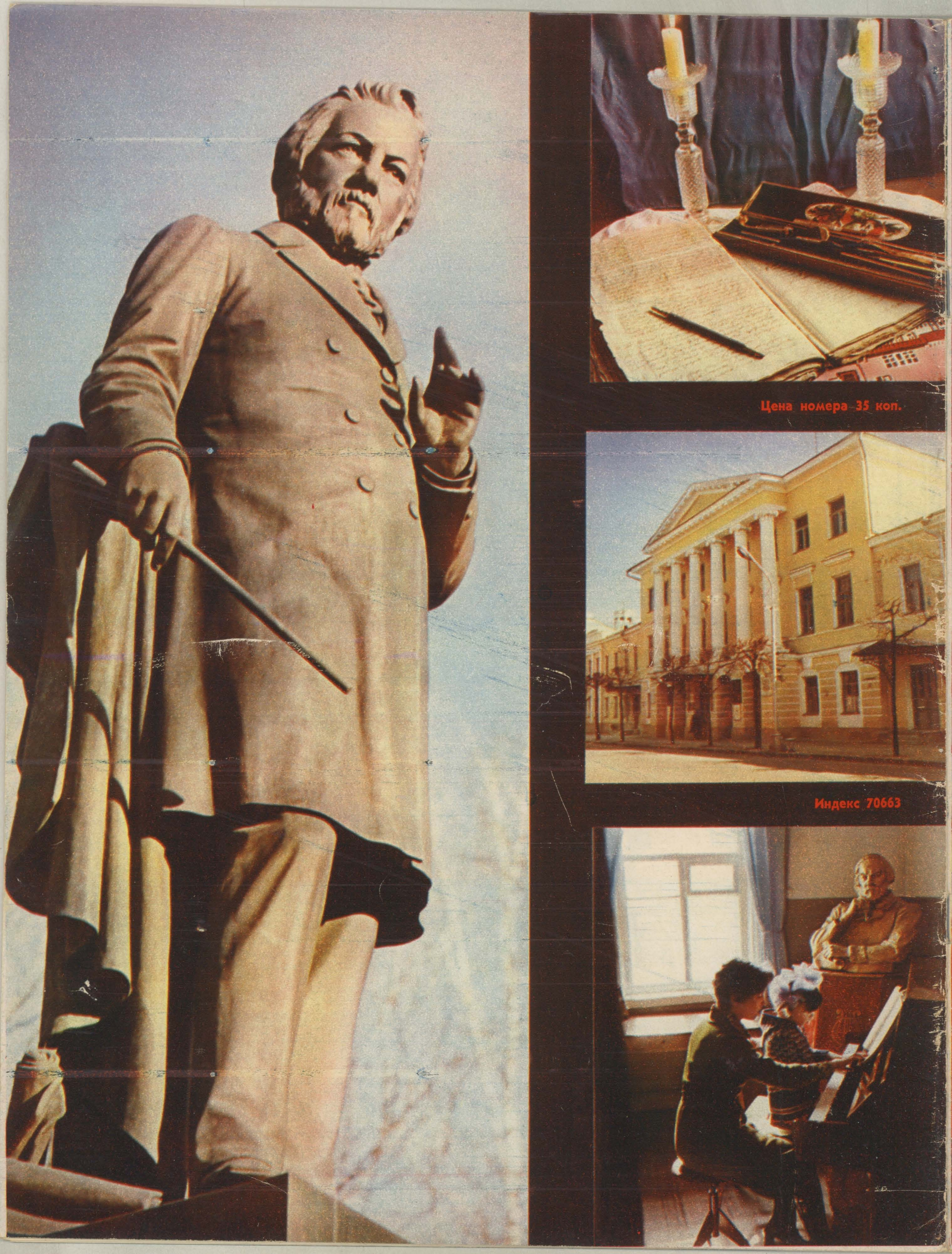

ВСЕ ЭТО ПОХ

ОЖЕ НА СКАЗКУ

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663